

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет
культуры и искусств»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Межрегиональный сборник научных статей

Выпуск 7

Кемерово 2011

ББК 77я43

А43

Научный редактор

доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КемГУКИ

В. И. МАРКОВ

Редколлегия:

доктор педагогических наук, профессор, ректор КемГУКИ *Е. Л. КУДРИНА*;

доктор культурологии, профессор, заведующий Центром исследований духовной антропологии КемГУКИ *Г. Н. МИНЕНКО*;

доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе КемГУКИ

И. С. ПИЛКО

Ответственный за выпуск:

зав. отделом аспирантуры *Е. Н. ЛАПИНKOBA*.

А43 Актуальные проблемы социокультурных исследований [Текст]: межрегиональный сборник научных статей / Кемеровский государственный университет культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2011. – Вып. 7. – 292 с.

ISBN 5-8154-0056-4.

В сборнике представлены статьи, посвященные вопросам теоретических и эмпирических культурологических исследований, философии культуры, музееведения, педагогики социально-культурной деятельности, информационно-образовательных ресурсов и технологий.

Предназначен преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных вузов.

ББК 77я43

ISBN 5-8154-0056-4

© Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной, седьмой выпуск сборника научных работ аспирантов и соискателей Кемеровского государственного университета культуры и искусств представляет читателям богатую палитру исследований в области культуры, искусства, педагогической и библиотечно-информационной деятельности. В нем четко прослеживаются основные линии развития вузовской науки: связь с деятельностью научных школ университета, стремление молодых исследователей углубиться в фундаментальные основы интересующих их проблем и, в то же время, выйти в итоге на конкретные практические проектные разработки, позволяющие говорить о реальной эффективности научной деятельности. Содержание сборника демонстрирует подчас и неожиданные, оригинальные повороты в постановке проблем и путях их разрешения, что позволяет отметить действительно свежий взгляд молодых ученых на, казалось бы, давно известные аксиомы, сформированные предыдущими поколениями научных работников. Как и предыдущие сборники данный труд основан на материалах ежегодно проводимой в КемГУКИ с 2002 г. научной конференции аспирантов и соискателей «Актуальные проблемы социокультурных исследований». В 2011 г. в ней приняли участие молодые ученые из Кемерово, Красноярска, Томска, Новосибирска, Канска, Новокузнецка и других городов и населенных пунктов Сибири. Столь широкое представительство позволило отобрать для публикации наиболее интересные работы аспирантов и соискателей.

В первом разделе «Культурологический дискурс: восхождение к конкретному» по ряду параметров выделяются статьи А. Г. Миненко и П. В. Аксенова. Первая из них посвящена многовековой дискуссии о понятии национального характера – проблеме, обильной с точки зрения количества мнений, но именно потому и представляющей собой до сих пор не разрешенную загадку гуманитарного знания. Характер этот неуловим в сети обычного формализованного научного дискурса, но, в то же время, реально проявляет себя в переломные моменты жизни народа. Статья содержит фундаментальный историко-философский анализ развития научных исследований в данном направлении, опираясь при этом на нетривиальный выбор авторов и формулируя в итоге ряд задач, требующих дальнейшей разработки. Не менее актуально и исследование П. В. Аксенова. Проводя

понятийный анализ сферы элитологии, он концентрирует внимание на главной, сугубо важной теоретической и практической проблеме – есть ли вообще в современной России интеллектуальная элита, призванная обеспечить духовное руководство в нынешний период тяжелых испытаний? Особо стоит отметить самостоятельность автора в постановке и решении задачи – выявлении роли статистических методов в анализе элит и зрелую критичность по отношению к спектру мнений в литературе по данному вопросу. Столь же самостоятельный подход характерен для статьи Т. А. Шимчук, рассматривающей в широкой исторической и историко-философской перспективе сложные отношения между православием и культурной системой России в целом. Подчеркивая трагедийность разрыва между древними интенциями православия и светским интеллектуальным поиском, автор фактически изыскивает возможности их синтеза в целях преодоления духовного кризиса современности. Отрадно отметить, что статья завершается четкими выводами аналитического характера.

Во втором культурологическом разделе – «Теоретическое и эмпирическое в исследованиях художественной культуры» – привлекает внимание во многом дискуссионная статья А. И. Тюлюновой, пытающейся найти истоки современного концептуализма в искусстве в недрах средневековой схоластической философии. Ради этого она совершает достаточно интересный экскурс в спор между номинализмом и реализмом, реанимирует в научном дискурсе идеи П. Абеляра и выявляет межисторические взаимодействия и рецепции. Продолжая линию исследования постмодернизма в современном искусстве, И. А. Смирнова, опираясь на серьезный теоретический и конкретно-исторический анализ, рассматривает «открытые формы» в музыке как проявление новых взаимоотношений между композитором, исполнителем и слушателем, приводящих к росту потенциала креативности у всех задействованных сторон. Н. С. Плотникова рассматривает схожие проблемы постмодернизма в музыке с точки зрения понятия «интертекстуальность». Обосновывая свои рассуждения обстоятельным углублением в историко-философскую проблематику, она рассматривает музыкальное искусство как элемент культуры в целом и выходит в итоге анализа на интересную классификацию проявлений рассматриваемых ею феноменов. Как бы дискутируя, и в то же время, диалектически дополняя рассмотрение проблематики со-

временного музыкального искусства, Н. А. Примеров ставит своей работой при исследовании статуса русских музыкальных инструментов другой вопрос о сохранении на фоне всех этих авангардистских изысков народных основ музыкальной культуры. Его статья подкупает предельной искренностью, болью за народное музыкальное исполнительство, прекрасным знанием реалий музыкального образования.

Для аспирантов, публикующихся в разделе «Музей в пространстве современности», по обыкновению характерна опора на описание уже реализованных или реализуемых музейных проектов. Статья Самаковской О. В. основывается на проведенном социологическом исследовании информатизации и готовности ко вхождению в информационное общество этнографических музеев. Автор разрабатывает соответствующие критерии и приходит к выводу о недостаточной проработанности этого направления и необходимости теории создания и оценки качества музейных сайтов. А. Н. Тарасова рассматривает в аспекте музейной воспитательной работы действительно сложную проблематику критериев эффективности воспитательного воздействия на конкретных примерах новосибирских школ. Попытка создания ею комплексного набора таких критериев представляет практический интерес, хотя, как отмечает автор, в области духовно-нравственного влияния формализация пока остается нерешенным вопросом. Интересный реализованный проект описывает А. Е. Егоров. Речь идет о совокупном эстетико-педагогическом воздействии патриотической направленности в конкретном образовательном учреждении. Следует отметить, что автор не только осознанно применяет при создании проекта научные разработки, но и проводит анализ его факторов и компонентов.

В разделе, посвященном педагогическим вопросам, выделяются две статьи по этнопедагогике. А. В. Василенко достаточно убедительно раскрывает совокупность факторов, обеспечивающих преимущества традиционной народной педагогики в формировании преемственности поколений и сохранении традиционной культуры. Одновременно предлагается ряд методик работы с детьми, основанных на применении фольклорного материала. Эту тематику развивает статья Т. Л. Голещиной, посвященная роли русских игровых и певческих традиций праздника в практике работы конкретных учреждений дополнительного образования детей. М. Г. Котляров в своем исследовании поднимает вопросы,

связанные с недостатками формирования полноценного набора компетенций при обучении специалистов культурно-досуговой сферы и, в частности, с отсутствием достаточной их подготовки в области музыкальной режиссуры. Статья интересна сочетанием достаточно зрелого понятийно-теоретического анализа и основанного на практическом опыте рассмотрения конкретных технологических аспектов исследуемой проблематики.

Раздел «Библиотечно-информационное обслуживание и информационная культура в информационном обществе» по обыкновению составляют стилистически и логически отточенные работы, освещающие различные аспекты совершенствования библиотечно-информационной деятельности, основанные на описании и аналитической разработке конкретных проектов. Е. Ю. Васькина рассматривает реальные трансформации, связанные с преобразованиями библиотек для детей и юношества. Статья отличается проработанностью технологических вопросов и знанием реально возникающих при этих преобразованиях проблем. М. Н. Демина не только проводит тщательный терминологический анализ понятия «электронные информационные ресурсы», но и, что особенно ценно, осуществляет полноценную методологическую рефлексию по поводу значимости терминологических исследований вообще, умело связывает свою частную проблематику с более общими вопросами естественных и искусственных языков, с системным видением данных вопросов, т. е. выходит на высший, философский уровень понимания своего предмета. В работе Е. И. Косолаповой рассматривается медиаподготовка человека к полноценному существованию в условиях информационного общества. На основе анализа употребления в научной литературе различных сфер знания она выстраивает систему понятий, касающихся данной темы и пытается сформулировать свои рабочие формулировки как основу для дальнейшей работы. Смелую попытку междисциплинарного исследования, включающего философско-культурологические, педагогические аспекты в их связи с проблемами информационной культуры личности, предпринимает на основе социологического изучения ценностных предпочтений студентов КемГУКИ Н. В. Лисовенко. Естественно, ее работа на данном этапе вызывает больше вопросов, чем формулирует готовых решений, но сама ее направленность на комплексное видение проблематики не может не породить интереса читателей.

Завершая этот краткий обзор, хотелось бы отметить сближение по ряду параметров тематики многих работ, что позволяет говорить о возникающем кумулятивном эффекте в результате рассмотрения близких проблем в разных ракурсах. В этом плане можно говорить о направлениях, связанных с исследованием следствий и проявлений постмодерна в искусстве (работы Тюлюновой А. И., Лопатиной Е. И., Плотниковой Н. С., Смирновой И. А.), с анализом современных СМИ (Кизицкая Е. О., Григорьянц Н. В.), вопросов сохранения традиционной культуры (Примеров Н. А., Беляева О. А., Голещихина Т. Л.). Наконец, все статьи музееведческого раздела и раздела, связанного с информационными технологиями, посвящены фактически решению одной крупной задачи – инновационному преобразованию, соответственно, музейной и библиотечно-информационной деятельности. Хотелось бы надеяться, что это является индикатором становления в вузе новых научных школ.

*Марков В. И., доктор культурологии, профессор
КемГУКИ.*

Раздел 1. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ВОСХОЖДЕНИЕ К КОНКРЕТНОМУ

Е. Н. Сафонов

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ФУНКЦИИ ИДЕОЛОГИИ

В современном обществознании идеология рассматривается, прежде всего, как совокупность идей и взглядов, отражающих в более или менее систематизированной теоретической форме отношения людей друг к другу и к окружающей действительности и служащих сохранению, закреплению или изменению, развитию существующих общественных отношений [2, с. 39; 4, с. 81; 7, с. 229]. При этом отмечается, что основу идеологического отражения действительности образуют интересы различных социальных общностей и политических сил, а главной социальной функцией идеологии является отражение в общественном сознании (в виде философских, научных, политических, правовых, религиозных и иных представлений) положения в данном обществе отдельных классов, слоев и групп в их отношении друг к другу, государству, обществу в целом. В этом плане идеология выступает как выраженное, по преимуществу, в теоретической форме коллективное самосознание конкретной социальной общности (политической силы), представленное комплексом определенных взглядов и убеждений, норм, ценностей и идеалов, программных целей и задач. Иными словами, идеология есть та форма, в которой социальные общности (политические силы) осознают и выражают свои интересы.

В то же время, идеология (наряду с такими формами общественного сознания, как мораль, религия, философия, наука и др.) выступает как неотъемлемая составляющая культуры общества, как необходимый продукт познавательной деятельности, процесса духовного производства в целом [4, с. 81]. В силу этого любая конкретная идеология и идеология как таковая всегда определенным образом «встроены» в существующую систему философских, научных и вненаучных (в том числе опытно-

жителейских) знаний или, по меньшей мере, связаны с ней ближайшим и непосредственным образом. В связи с этим возникает необходимость уточнения и развития сложившихся представлений о месте и роли идеологии в общественном сознании – прежде всего, в аспекте ее эпистемологических оснований и функций.

Термин «идеология» ввел в употребление французский философ и экономист А. Л. К. Дестют де Траси («Элементы идеологии», 1801). Исходя из того, что все наши знания происходят из ощущений, де Траси утверждал, что идеология, исследуя всеобщие и неизменные принципы и законы возникновения идей, открывает «истинную организацию дискурса» [4, с. 81], обеспечивает возможность правильного суждения относительно любого предмета в различных областях знания и деятельности, а также позволяет установить «твердые принципы для политики, этики, воспитания и т. д.» [2, с. 105]. Такое понимание идеологии – прежде всего, как «Грамматики и Логики всякой возможной науки» (М. Фуко) – разделяли П. Ж. Ж. Кабанис, К. Ф. Вольней и некоторые другие представители «поздней ветви» французского материализма и сенсуализма.

В связи со сказанным выше заслуживает внимания позиция М. Фуко, который охарактеризовал проект «Идеология» как последнюю классическую рационалистическую философию, которая «помещает все знание в пространство представлений и, охватывая все это пространство, формулирует знание организующих его законов», становясь таким образом «знанием о всяком знании» [8, с. 266]. Отмечая сосуществование на рубеже XVIII–XIX вв. построений «школы идеологов» и критической философии Канта, Фуко констатирует: «В противоположность Идеологии кантовская критика... впервые санкционирует важное событие европейской культуры XVIII в.: уход знания и мысли за пределы пространства представления» [8, с. 268]. Как следствие, «безграничное поле представления, которое установила классическая мысль и которое Идеология стремилась шаг за шагом обойти с помощью научной дискурсии, обернулось теперь метафизикой – но такой метафизикой, которая... никогда не ставила бы прямо вопроса о своих правах» [Там же]. Иными словами, кантовская критика «выделяет то метафизическое измерение, с которым философия XVIII века стремилась покончить простым анализом представления» [Там же].

Новое, более глубокое и богатое содержание термин «идеология» получил в марксизме. В «Немецкой идеологии» (1845) К. Маркс и Ф. Энгельс охарактеризовали идеологию как оторванную от действительности, «превращенную» форму сознания, которой присущи следующие черты: 1) понимание общественных отношений как воплощения определенных идей; 2) постулирование абсолютной самостоятельности и самодостаточности (самоценности) тех или иных представлений; 3) умозрительное, более или менее произвольное конструирование мнимой (иллюзорной) реальности. В трудах основоположников марксизма «идеологией» именуется, прежде всего, исторически определенный, социально обусловленный тип мышления, базирующегося на идеалистических философско-мировоззренческих посылах, который выводит свое содержание и форму не из самой действительности, а исключительно или преимущественно из собственных либо чужих представлений о ней, что неизбежно ведет к выработке ложных, превратных взглядов.

Негативно оценивая указанный выше тип мышления и идеологическое (идеологизированное) сознание как таковые, классики марксизма отнюдь не ставили под сомнение известные гегелевские положения о том, что идея не настолько бессильна, чтобы породить только лишь идею и что «нечто истинно лишь постольку, поскольку оно есть идея». В этом отношении показательно высказывание Маркса о том, что идеи, овладевающие массами, становятся материальной силой, а также замечание Энгельса о том, что «как всякая новая теория, социализм должен был исходить из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах» [Цит. по: 7, с. 230]. Отказывая в истинности идеологии, основанной на ложных (идеалистических) посылах, Маркс и Энгельс противопоставляли ей научное понимание общества и законов его развития, а потому не применяли термин «Идеология» к собственной системе воззрений, подчеркивая тем самым их строго научный характер [2, с. 40]. При этом следует отметить, что данная В. И. Лениным и закрепившаяся в советском общественном сознании характеристика марксизма как научной (и более того – единственно научной) идеологии, на наш взгляд, не согласуется ни с буквой, ни с духом аутентичного марксизма.

В связи с марксистской трактовкой идеологии как порождения оторванного от действительности, ложного (иллюзорного) сознания возникает ряд вопросов, обнаруживающих известную ограниченность сло-

жившейся и доминировавшей в философии и науке нового времени «классической» рациональности, на основе и в рамках которой сформировался и развивался марксизм. Возможна ли единая – и к тому же единственная – истина? Может ли она воплотиться – притом полностью и окончательно – в одной-единственной, отдельно взятой системе воззрений? Тождественны ли научные истины и истины философские, истины «теоретического» и истины «практического» разума? Абсолютно ли противоположны истина и заблуждение, отвлеченная мысль и живое чувство, научное знание и житейский опыт? Разве заблуждения (по меньшей мере, добросовестные заблуждения) и иллюзии (в том числе спасительные иллюзии) присущи только идеологическому мышлению? Являются ли интеллектуальные aberrации и «чувственные догмы» (Х. Арндт) идеологического (идеологизированного) сознания всего лишь пустыми, лишенными всякой ценности и жизненной силы фантазиями или просто случайными, совершенно безосновательными и не заслуживающими внимания заблуждениями? Не выполняют ли философия и наука (прежде всего, научное обществознание) – хотя бы иногда и, по меньшей мере, частично – идеологические функции? Думается, что ответить на все эти вопросы с позиции современной, «постнеклассической» рациональности можно только отрицательно.

Принимая во внимание сказанное выше, трудно не согласиться с выводом о том, что поскольку идеология есть духовное явление, постольку она «должна оцениваться в гносеологических категориях» [2, с. 40]. Весьма перспективным в этом плане представляется анализ эпистемологических оснований и функций идеологии в контексте проблемы рациональности [1, 6, 9, 10]. В связи с этим заслуживает внимания позиция Н. С. Автономовой, которая отмечает: «...процессы дифференциации и интеграции научного знания ведут, как известно, не только к заполнению разрывов между отдельными научными дисциплинами. Наряду с этим возникают и новые “пропасти”, и новые “горные хребты” между отдельными науками, отдельными областями знания. Состояние современного научного знания во многом представляется несложной мозаикой, где заполненными оказываются разные клеточки на разных уровнях – и все это при лавинообразно растущей массе фактического знания... Проблематизируется и собственно человеческий смысл научного, да и философского (если философия опирается на науку) знания: оказывается, что ни наука, ни философия в их прежних формах не при-

носят человеку счастья, не дают ответа на жизненно необходимые вопросы» [1, с. 159–160]. Анализируя причины и последствия разложения мировоззренческих основ рационального познания, она приходит к следующему выводу: «В этой ситуации кризиса роль связующего звена между различными аспектами сознания, функцию приведения их к целостности берет на себя обыденное сознание с его принципиальной несистематичностью или, точнее, систематичностью такого рода, которая основана на взаимоупорядочении “вторичных” рационализаций, скрывающих иллюзорные образования сознания» [1, с. 160].

Отмечая тенденцию к своего рода «вторичной мифологизации», или «ремифологизации» обыденного сознания, Н. С. Автономова констатирует: «Существование различных способов духовно-практического освоения действительности показывает, что научное знание не может рассматриваться как единственный ориентир человеческой жизнедеятельности, что его практический фундамент включает и другие формы знания, более непосредственно включенные в контекст реальной, практической жизни... Возникновение теоретического, систематизированного сознания, теоретического отношения к миру не упраздняет тех способов существования знания в контексте “реальной жизни”, на основе которых оно возникает. Необходимость считаться с фактом существования и способами проявления этого особого образования окрашивает все дальнейшие перипетии сосуществования научно-теоретического и философского знания с другими формами познания и непознавательного отношения человека к действительности, освоения этой действительности» [1, с. 161].

Одним из эпистемологических оснований идеологии – равно как и любой из форм общественного сознания – является социальная обусловленность всякого знания [6], которая, по мнению Н. С. Автономовой, служит предпосылкой «для решения проблемы рациональности применительно к самой науке и ко всему общественному сознанию во всем многообразии его форм» [1, с. 7]. В связи с этим исследовательница подчеркивает: «Рациональное в политике и политической идеологии, праве и правосознании, морали и нравственности, религии и мифологии, искусстве и художественном сознании выступает при этом как проявление систематизированного и в этом смысле теоретизированного знания во всех формах общественного сознания. При этом каждая из этих форм сознания и само научное познание испытывают на себе

воздействие общественной практики, которое может быть как прямым, так и опосредованным» [1, с. 7].

Следует отметить, что идеология, в силу ее природы и специфики, испытывает это воздействие – к тому же чаще прямое, нежели косвенное, опосредствованное – в гораздо большей степени, чем философия, наука, религия, мифология или искусство. С учетом этого обстоятельства, а также принимая во внимание «включенность» идеологии практически во все формы общественного сознания и ее способность органично сочетаться с любыми видами и формами знания, можно предположить, что именно и прежде всего посредством «идеологического конструирования» общественная, «объективно возникающая в процессе развития производства потребность входит в сознание теоретика, идеолога, мыслителя» [1, с. 105].

Другим, не менее значимым эпистемологическим основанием идеологии, на наш взгляд, является реальное многообразие санкционированных современным мышлением видов и форм знания, уровней и способов его организации, а также его «мозаичный», дискретный характер его элементов, внутренних и внешних взаимосвязей. В этом плане идеология, как и любое знание вообще, выступает в качестве «объективной идеальной формы» всякой деятельности и общения, которая является необходимой предпосылкой «расширения горизонта человеческого бытия» [4, с. 52].

В идеологическом мышлении (сознании) преодолеваются – по меньшей мере, частично – присущие «классической» рациональности оппозиции теоретического и практического, научного и вненаучного (в том числе паранаучного и опытно-житейского), явного и неявного знания. Идеологическое (идеологизированное) сознание не только «вырабатывает смыслы, которыми обладают предметы и способы деятельности, но транслирует их в данную практику из других контекстов опыта» [4, с. 52].

Литература

1. Автономова Н. С. Разум, рассудок, рациональность. – М.: Наука, 1988. – 287 с.
2. Большая советская энциклопедия: в 30 т. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 10. – 590 с.
3. Лебедев С. А. Философия науки: словарь основных терминов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2006. – 320 с.

4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – 634 с.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 4. – 605 с.
6. Социальная природа познания: Теоретические предпосылки и проблемы. – М.: Наука, 1979. – 280 с.
7. Философская энциклопедия: в 5 т. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – Т. 2. – 573 с.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сад, 1994. – 406 с.
9. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.
10. Щелкунов М. Д. Мировоззренческое и общенаучное знание. Общенаучные феномены познания в социально-мировоззренческом контексте. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1990. – 152 с.

В. Е. Лякин

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРАВДЫ: СТИХИЙНОСТЬ ИЛИ ВЫБОР?

В последнее время в российской философской среде возрос интерес к проблеме правды, что сопровождается ростом количества научных работ на эту тему.

Исследователи обосновывают актуальность проблемы правды несколькими факторами, прежде всего недостаточностью критического или какого-либо иного анализа этой категории в современных философско-антропологических исследованиях [2, с. 4], а также распространением так называемого правдоискательства, которое в русской культуре служит предельным основанием человеческого поведения. Понятие правды как никакое другое связывают с русской ментальностью.

Также возрастание интереса к правде объясняется вступлением человечества в эпоху постмодерна, которая сопровождается политической, культурной и ценностной плюральностью [2, с. 117–147; 4, с. 3].

Мы можем дополнить названные причины возникновения интереса к феномену правды утратой современным российским обществом существенных смысловых и жизненных ориентиров, таких, как религия и единая идеология.

Предметом существующих работ по проблематике правды является либо институционализация правды как феномена, либо легитимация правды как эффективной ценностной системы, способствующей развитию жизненного процесса человека, либо бытийно-духовный и витально-психический аспекты правды по отдельности. Между тем, на наш взгляд, в этих работах не уделяется должного внимания такому существенному аспекту правды, как источник ее обусловленности, механизм образования правды в бытии человека.

Названное определяет цель настоящей работы – установить источник образования правды в человеческом бытии путем выбора одной из двух обусловленностей: вызвано ли появление правды в жизни человека причинами социального характера, которые предстают как стихийные внешние факторы, либо исключительно проявлением человеческой воли.

Перед началом исследования необходимо удостовериться в том понятии правды, какое будет предметом настоящей работы. Необходимость такого удостоверения вызвана различной трактовкой феномена правды у исследователей. В существующих работах можно выделить следующие трактовки правды: прагматическая – как знание, имеющее практическую значимость [4, с. 44], эссенциалистская – как бытийное состояние воплощения подлинного бытия [7, с. 144], социальная – как общественный идеал [8, с. 189], антропологическая – как источник витальных тенденций человеческого бытия [2, с. 24], гносеологическая – как выражение познавательного отношения субъекта к отображаемой в знании действительности [3, с. 58–59].

Нас же в настоящей работе интересует экзистенциальный аспект правды как такое высокозначимое знание и оценка субъектом своей жизни и мира, при котором эта оценка является решающей причиной его актов, т. е. индивидуальным принципом бытия и смысла данной личности. В данном понятии правда представлена как бытийный индивидуальный феномен повседневной жизни.

Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира и само собой разумеющейся реальности [1, с. 40]. При этом реальность повседневной жизни является высшей, привилегированной реальностью, требующей наибольшего напряжения сознания. В числе прочих атрибутов данного типа реальности для целей настоящей

работы важнейшим является ее наполнение повседневным знанием, т. е. знанием, которое человек разделяет с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни.

Необходимость исследования реальности повседневной жизни как философской категории вызвана предметом настоящей работы, а именно экзистенциальным пониманием правды, при котором она является атрибутом любой личности независимо от осуществления ее носителем теоретической рефлексии.

Интерес к данной проблематике объясняется тем, что теоретическое мышление не является самым важным институтом общества, поскольку оно является лишь частью всего того, что считается в обществе «знанием». Лишь небольшая группа людей в обществе занята теоретизированием, производством «идей» и конструированием теоретического мышления, и именно они чаще всех преувеличивают важность теоретического мышления в обществе и истории. Между тем следует согласиться с социологами в том, что теоретические определения реальности, в том числе научные и философские, не исчерпывают всего того, что является «реальным» для членов общества [1, с. 33].

В связи с этим мы считаем необходимым установить источники обыденного, дотеоретического образования знаний и феноменов человеческого бытия [1].

Вхождение индивида в динамику общества происходит не одномоментно, а в ходе длительных процедур первичной и вторичной социализаций.

Под социализацией понимается всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть. Социализация происходит в тесной взаимосвязи человека с природной и человеческой окружающей средой, которые также следует отнести к детерминантам знания как общественного феномена.

В ходе социализации всякая человеческая деятельность подвергается хабитуализации (опривычиванию). Любое действие, которое часто повторяется, может быть воспроизведено с экономией усилий и тем самым осознано как образец его исполнителем. Важным психологическим последствием хабитуализации оказывается уменьшение количества ситуаций выбора вследствие предпочтения наиболее знакомого и экономичного из вариантов действий.

Процессы хаби́туализации предшествуют институционализации, которая представляет собой взаимную типизацию опривыченных действий деятелями разного рода.

Институты предполагают историчность, поскольку взаимные типизации действий постепенно создаются в ходе общей истории и не могут быть созданы моментально. Кроме того, институты уже благодаря самому факту своего существования еще до появления механизма санкций контролируют человеческое поведение, устанавливая предопределенные его образцы, которые придают поведению одно из многих теоретически возможных направлений.

Первостепенное значение для институционального порядка имеет дотеоретическое знание, имеющееся на дотеоретическом уровне у каждого института. Такое знание составляет мотивационную динамику институционализированного поведения. Оно определяет институционализированную сферу поведения и все попадающие в ее рамки ситуации, чем придает такому поведению признаки предсказуемости и контролируемости. Поскольку это знание социально объективировано как знание, т. е. как совокупность общепринятых истин относительно реальности, любое принципиальное отклонение от институционального порядка воспринимается как уход от реальности.

Таким образом, институциональный порядок как важнейший атрибут реальности повседневной жизни обуславливает (на основе вышеперечисленных факторов) создание человеком обыденного знания и образцов поведения на основе опривычивания, повторения и типизации наиболее выгодных с практической точки зрения вариантов действий. При такой обусловленности осознанный выбор и допущение в свою жизнь того или иного явления производится лишь в прошлом, при формировании той типизации, которой индивид будет придерживаться в будущем.

Учитывая изложенное, представляет интерес вопрос о том, можно ли отнести правду или неправду к институтам, т. е. происходит ли ее типизация в реальности повседневной жизни.

Никакое частное бытие не может быть всецело свободным от неправды уже в силу своей обусловленности предшествующим ходом событий и миром в целом. Человеческое существование изначально драматично, т. к. индивид предстает лишенным извечной сущности и обречен

на испытание свободой [10]. Здесь и заложена постоянно сопровождающая человека возможность неподлинности, неправды.

Поскольку нельзя понимать правду и неправду как две равноправные и полярные ценности, постольку понятие неправды не требует понятия правды. Можно мыслить себе мир, подчиненный всецело неправде, где нет места подлинности. Подлинный же, абсолютно правдивый мир является идеалом – недостижимым и утопическим состоянием.

Следовательно, правдой является тождество подлинному бытию и бытию человека в мире, т. е. возможность подлинного бытия, подлинная жизнь. Данное определение подчеркивает потенциальность как наиболее существенную характеристику правды, поскольку у индивида всегда есть соблазн сосредоточиться именно на имеющемся настоящем. Такая солидарность с общепринятым ведет к усредненности человека, потере его уникальности [9, с. 150–151].

Потенциальность правды подтверждается наличием такого явления, как совесть. Не приводя многочисленных трактовок данного понятия и его характеристик, примем понимание совести как посредника между личностью и сверхличными ценностями, глубинного уровня, на котором правда сближается с сознанием человека и становится его неустранимой чертой. Совесть является формой правды в бытии человека.

Несмотря на то, что совесть, будучи психическим явлением, является неотъемлемым атрибутом любой человеческой личности, она сама по себе не может обеспечить праведное, подлинное существование. Именно свободная воля человека определяет, понять голос совести или оставить его без внимания. Поэтому обращение к совести как к исключительно психической ступени не достигает цели, хотя только совесть может научить различению правды и неправды.

Процесс отращения духа от подлинного бытия всегда происходит с молчаливого согласия воли человека, поскольку личность человека прежде всего целостна. Совесть всегда предоставляет информацию о том, какое бытие подлинно, и любой человеческий акт отсюда является актом выбора.

Правда по смыслу своей сущности онтологически предшествует совершаемым праведным поступкам, т. к. правда первичнее своих проявлений. В этом смысле правда есть не бытие, а его основа, атрибут создаваемой человеком реальности. Человеческий акт действительно реализует правду, а не отменяет ее. Поэтому правда требует осознанного выбора.

Акт выбора правды субъектом не отменяет наличия неправды в бытии, но позволяет возвыситься над ней. Правда преобразует частное бытие человека в целенаправленное. Совершая акт выбора правды, подчиняясь новой цели, кроющейся в выборе правды, человек проявляет правду, которая в случае несовершения этого выбора осталась бы парализованной. Зависимость от собственного выбора является принятием на себя ответственности за выбор подлинного или ложного существования.

Жизнь не совпадает с подлинным бытием, более того, всякая жизнь может казаться неадекватной тому, чем по сути является человек. Стремление к подлинному бытию конституирует мир, поскольку подлинное бытие является чистой потенцией, тем, чего мы можем достичь, но ничем таким оно не может обладать без нас и в состоянии прирастать только благодаря нашему собственному подлинному существованию [6, с. 7].

Возможность не услышать призыв совести является возможностью неправды, олицетворение которой можно представить через атеистическое описание греха. Под ним понимается несобранность, несерьезность, расслабленность, погружение в жизнь такую, как она есть, неспособность координировать ее, господствовать над ней и поэтому неспособность господствовать над самим собой и владеть собой [5, с. 109].

Таким образом, правду нельзя отнести к институтам, поддающимся типизации в реальности повседневной жизни, поскольку типизации скорее подвержена неправда как изначальное состояние мира.

Исследование вышеозначенных вопросов позволяет прийти к следующим выводам. Реальность повседневной жизни как важнейшая для человека реальность основана на институциональном порядке, появляющемся в результате социализации людей и образования ими того или иного общества. Этот порядок как таковой основан на стихийности и не включает в себя необходимость постоянного осознанного выбора субъектом оснований своих актов, поскольку этот выбор заменен опривычиванием и типизацией. Напротив, правда как возможность подлинного бытия, в условиях изначально неподлинного мира невозможна как институт и возможна лишь как потенция, проявление которой всегда требует осознанного выбора, т. е. проявления воли человека.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: пер. с нем. – М., Медиум, 1995. – 323 с.

2. Денисов С. Ф. Жизненные и антропологические смыслы правды и неправды: монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – 206 с.
3. Знаков В. В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии. – 1994. – № 2. – С. 55–63.
4. Иванова В. В. Правда в бытии человека: дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2005. – 185 с.
5. Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему: пер. с фр. // Трагическая мудрость философии. Избранные работы. – М., 1993. – С. 72–106.
6. Мерло-Понти М. В защиту философии: пер. с фр. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 1996. – 248 с.
7. Печерская Н. В. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливость в русской культуре // Полит. исслед. – 2001. – № 2. – С. 132–146.
8. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч.: в 2 т. – М., 1988. – Т. 1. – С. 47–203.
9. Хайдеггер М. Время и бытие: пер. с нем. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
10. Человек и его бытие как проблема современной философии: Критический анализ некоторых буржуазных статей. – М., Наука, 1978. – 278 с.

С. П. Елин

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ ИНЬ-ЯН В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

«Инь» и «ян» – пара основополагающих категорий китайской философии и культуры. «Инь» определяется как женское начало, темное, пассивное, холодное. «Ян» определяется как мужское, светлое, активное, теплое.

Развитие концепции «инь-ян», по общепризнанному мнению, произошло от значений соответственно тенистого (северного) и солнечного (южного) склона горы. С распространением бинарной системы эти два противоположных понятия стали символами мужского и женского начал. В дальнейшем противопоставление и взаимодействие «инь» и «ян» присутствовали во всей китайской культуре. Сезонные изменения воспринимались как проявления чередования «инь» и «ян». Пища содержит элементы «инь» и «ян», и они должны быть в равном количестве, чтобы

поддерживать равновесие в организме. Все заболевания рассматриваются как нарушение этого равновесия.

Взаимодействие «инь» и «ян» графически изображается в виде символа «Тайцзи-ту», где белый цвет символизирует «ян», а черный цвет «инь», их противоположность и взаимосвязь отражается в кривой линии, а способность перехода друг в друга – точками, иллюстрируя изначальный дуализм всего сущего и непрерывный процесс взаимоперехода. Эти два противоположных понятия «инь» и «ян» организуют всю китайскую культуру, являются основой древнего и средневекового китайского мировоззрения.

Если зарождение и развитие концепции «инь-ян» в целом исследовано, то время, когда эти понятия появились, пока точно не определено и вызвано это некоторыми причинами.

Одной из причин является то, что тексты в древнекитайских произведениях подвергались позднейшим изменениям и не отражали точно действительность прошлых эпох, что затрудняло исследование и установление времени тех или иных событий.

Другой причиной установления точного времени происхождения понятий «инь» и «ян» является фрагментарность и неравномерность освещения источниками различных периодов истории Древнего Китая, которые постоянно изменяются за счет изучения древних текстов, найденных в ходе археологических раскопок.

Нужно отметить, что археология Древнего Китая, сейчас находящаяся на подъеме, непрерывно пополняет источниковую базу новыми материалами.

Комплексный анализ всех видов источников позволяет извлекать важную информацию и уточнять картину древнекитайской истории.

Из двух понятий «инь» и «ян» первое упоминание можно отнести к «инь», одному из названий древнейшего государства, существовавшего на территории сегодняшнего Китая, другое его название было Шан или, как сейчас часто его называют, государство Шан-Инь.

Все три названия сейчас используются для обозначения этого государства, но нас интересует, имело ли это государство название Инь в период своего существования с 1600 по 1027 гг. до н. э., и можно ли отнести первое упоминание «инь» именно к этому периоду. Для этого мы воспользуемся нарративными (от нем. «нарратив» – рассказ) и эпиграфическими источниками.

Наиболее подробное описание истории государства Шан (Инь) содержится в трактате Сыма Цяня «Исторические записки», который относят к I–II вв. до н. э.

Для написания этого труда Сыма Цянь воспользовался письменными источниками Древнего Китая, не дошедшими до наших дней. В своем труде Сыма Цянь везде упоминал это древнее государство как Шан, но нигде не было упоминания его как Инь, хотя в то время понятия «инь» и «ян» пронизывали все в древнекитайской культурной традиции: от практического применения, в медицине, раздельном питании, составлении календарей и гаданий до философских воззрений.

Современные археологические открытия, связанные с далеким прошлым Китая, обусловлены доверием к сведениям Сыма Цяня – без консультации с его трудами в настоящее время не предпринимаются крупные раскопки, приносящие, как правило, новые интересные находки.

Основным источником сведений о царстве Шан-Инь являются данные, почерпнутые из раскопок останков последней столицы этого царства, города Шан, найденных близ современного города Аньян. В результате раскопок были обнаружены иероглифические надписи на панцирях черепах и гадательных костях животных, а также бронзовых, нефритовых и каменных изделий. Особое значение имеют найденные здесь кости с надписями. Эти надписи представляют собой в основном гадательные записи – вопросы шанских (иньских) царей к оракулам и ответы последних. Надписи сделаны на костях различных животных (чаще всего быков и оленей) и щитках (панцирях) черепах и могут быть отнесены к XIV–XII вв. до н. э. Судя по содержанию гадательных надписей под г. Аньян, можно сделать вывод, что там находился культурный центр, где происходили гадания и хранился архив так называемого «иньского оракула». Название «иньский оракул» идет от позднейшей древнекитайской письменной традиции, в гадательных текстах знак «инь» отсутствует [6].

Знак «инь» отсутствует и на других найденных в ходе раскопок предметах как бронзовых сосудов, нефритовых пластин и каменных барельефов, свидетельствуя только о том, что знак «инь» не употреблялся в эпоху существования государства Шан-Инь, а стал употребляться гораздо позже после падения этого государства.

Также считается, что впервые понятия «инь» и «ян» и их характеристика нашли отражение в раннем литературном памятнике Древнего Китая «И цзине» («Книге перемен»).

Основная мысль «Книги перемен» сводится к тому, что все явления имеют изменчивый, динамический характер и 64 графических символа, гексаграмм, образованных элементами, символизирующими темные и светлые силы «инь» и «ян». Символы выражают жизненную ситуацию, каждый из символов состоит из шести черт, которые обозначают различные способы развития этой ситуации. Черты делятся на два вида: целые (обозначают мужское начало, активное действие, свет, напряжение – «ян») и прерванные посередине (символизирует женское начало, пассивность, тьму, подчинение – «инь»).

Однако, по мнению китаевода Л. С. Васильева, нет сомнений по поводу того, что прерванная черта символизирует женское начало «инь», а сплошная черта – «ян», при этом далеко не все из специалистов оговаривают, что сам текст «И цзина», возникновение которого относят к VIII–VII вв. до н. э., не дает оснований для подобного рода выводов и что впервые об идентификации этих черт именно с «инь» и «ян» сказано в позднечжоуском комментарии к «И цзину» «Си цы чжуань» («Комментарий привязанных афоризмов»). Специальные исследования свидетельствуют, что составители «И цзина» и те, кто занимался гаданиями по системе «бу», ничего не знали о знаках «инь» и «ян». Эти знаки не употреблялись при гаданиях и с черточками триграмм и гексаграмм в системе «ши» вначале не имели ничего общего [1, с. 385–386].

В трактате «Си цы чжуань» «инь» и «ян» стали подходящими терминами для обозначения света и тьмы, которые отражали основную сущность различных по форме линий в триграммах и гексаграммах. Характерно, что первая из триграмм, состоящая из трех сплошных линий, означает юг и свет, а вторая, состоящая из трех прерванных линий, – север и тьму. Начиная с рубежа IV–III вв. до н. э. знаки «инь» и «ян» стали использоваться для обозначения и наименования соответствующих черт в триграммах и гексаграммах.

Это значит, что сама идея использования различных черт в системе гаданий вызревала вне слов «инь» и «ян», имевшая до поры до времени отношение только к югу и свету, либо северу и тьме [1, с. 387–388]. Но затем эти слова, ставшие философскими терминами, были использо-

ваны для того, чтобы перевести очень важную идею, заимствованную в определенной системе мировоззрения, на язык дуальных понятий «инь» и «ян».

В созерцании общей картины сложного процесса движения природы и ее закономерностей авторы «Си цы чжуань» доискивались причин наблюдаемых ими явлений. Свои представления о том, что мир подчинен закону причинности, создатели трактата выражали таким образом, что объясняли закономерности явлений усложненными комбинациями связей. Графическим изображением этих связей были гексаграммы, составленные из различных по положениям сплошных и прерванных линий.

Здесь снова стоит обратиться к вопросу об истоках этих знаков, т. к. «Си цы чжуань» возможно не является письменным источником, в котором впервые упоминались знаки «инь» и «ян».

Из данных, приведенных в авторитетном словаре шведского синолога Б. Карлгрена «Grammata Serica», явствует, что подавляющее большинство самых ранних случаев применения знака «ян» приходится на отредактированную Конфуцием «Книгу песен». Единственное исключение – надпись на бронзовом сосуде «Ху Цзи-цзы бо пань», датируемая чуть более ранним временем. Однако смысл знака везде одинаков – южный солнечный склон холма, свет, солнце. Только в «Цзо-чжуань» знак используется в смысле космогонического принципа [4, с. 310]. Знак «инь» встречается тоже преимущественно в «Книге песен», реже – в несколько более поздних надписях на бронзе. Смысл его противоположен знаку ян – темный, северный склон холма, темнота, тучи, тень. И только в «Цзо-чжуань» это космогонический принцип [4, с. 292–293].

Как отмечает Васильев Л. С., о «Цзо-чжуань» говорить не приходится, т. к. поздние по времени комментарии вставлялись задним числом, используя знаки и понятия в новом смысле, обретенным ими в IV–III вв. до н. э. [1, с. 386]. В любой публикации, посвященной проблеме «инь» и «ян», вы найдете упоминание о том, что сначала оба знака использовались, прежде всего, для обозначения соответственно южной и северной стороны холма, т. е. света и тьмы. Философского, космогонического смысла они тогда не имели.

Эту же мысль о более поздних по времени вставках комментариев в древнекитайские произведения выражал известный исследователь проблем духовной культуры Китая Джозеф Нидхэм. Он писал, что

упоминания об «инь» и «ян» в их философском смысле, относящиеся к событиям более раннего времени, чем период создания упомянутых комментариев, следует расценивать как анахронизм или просто интерполяцию [5, с. 274].

Данный подход к определению «Книги песен» как самого раннего источника, где применялись знаки «инь» и «ян», разделяет французский синолог Марсель Гране. По его мнению, «Книга песен» служит самым надежным источником. Этот поэтический сборник, составление которого относится не позднее, чем к началу V в. до н. э., лучше других древних текстов сопротивлялся позднейшим трактовкам [3, с. 83].

Так, что первые упоминания знаков «инь» и «ян» можно отнести к началу V в. до н. э.

Так же появление терминов «инь» и «ян» можно проследить по хронологии издания древнекитайского календаря. В более старом календаре «инь» и «ян» не упоминаются. Нет там и намек на потребность делить время в соответствии с подсказанными движением Солнца приметами. Было достаточно поговорок для того, чтобы отмечать моменты года, которые китайцы первоначально находили интересными для себя. Этих крестьянских наблюдений над обыкновениями природы хватало уже самих по себе, без каких-либо дальнейших уточнений астрономического порядка, чтобы оповещать, когда и в какой очередности следует заниматься той или иной работой.

В дальнейшем составители календаря разбросали крестьянские наблюдения по всему году. С большим или меньшим умением они увязали их со всей чередой погодных условий солнечного года. В самом старом календаре подобного распределения не встречается.

Тогда же календарное искусство открыто обратилось к символам «инь» и «ян», где появление знаков датируется V в. до н. э. Надо полагать, что символы «инь» и «ян» понадобились при составлении календаря, потому что обладали поразительной способностью ритмически сопрягать конкретные, парные и противоположные признаки. Действительно, самой замечательной чертой множества использованных в календаре тем является то, что они сочетаются парами так же хорошо как «инь» и «ян». При применении в календаре «инь» и «ян» уже обосновано выглядели ритмы смены времен года. Эти знаки стали обладать способностью напоминать о ритмической модели жизненного уклада, еще

в древности принятого китайцами. «Согласно календарю зимующие животные прекращают спячку, когда слышится первый гром. Когда же они скрываются в своих берлогах, грома больше не слышно, так бывает дважды в году, в весеннее и осеннее равноденствие. Как говорят, это два драматических момента года, ибо именно тогда энергии «инь» и «ян» уравниваются и колеблются перед тем, как пойти то ли к упадку, то ли восторжествовать» [2, с. 91].

Итак, начиная с V в. до н. э. понятия «инь» и «ян» широко распространяются в Древнем Китае, что хорошо отражено в памятниках письменной культуры. И это время можно считать началом появления терминов «инь» и «ян» у китайцев.

Литература

1. Васильев Л. С. Древний Китай. – М., 2006. – Т. 3. – 679 с.
2. Гране Марсель. Китайская мысль. – М., 2004. – 526 с.
3. Гране Марсель. Китайская мысль от Конфуция до Лао-цзы. – М., 2008. – 528 с.
4. Карлгрен Б. *Grammata Serica*. – Бюллетень Музея дальневосточных предметов старины. 1940. – № 12. – 471 с.
5. Нидхэм Джозеф. Наука и цивилизация в Китае. – Кембридж, 1956. – Т. 2. – 696 с.
6. Степутина Т. В. (История Востока. Древнейший Китай). [Электронный ресурс] // История древнего мира: в 3 т. – М., 1989. – Т. 1. – Гл. XII. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/-gumilev/HE1/index.html> (дата обращения 08.03.2011).

А. Г. Миненко

ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Общее представление о национальном характере сводится к тому, что это характеристика этнических или национальных групп населения с точки зрения доминирующих в них образцов внешнего поведения или неких общих глубинных психологических механизмов, характерных для членов конкретной группы. Понятие национального характера пред-

полагает «...наличие у представителей той или иной культурной традиции таких общих личностных элементов и структур, которые обеспечивают общие для всех них (или доминирующие у них) формы мировосприятия, поведения и мышления. Эта совокупность особых личностных и поведенческих качеств отличает членов данной группы (и группу в целом) от представителей других групп» [9, с. 23].

В таком понимании, подчеркивающим глубинность, скрытость параметров национального характера от рассудочного сознания, заметно совпадение с определением менталитета и ментальности. Два этих признака – глубинность в психологическом смысле и представленность в форме устойчивых стереотипов поведения – неизменно встречаются в определениях и национального характера, и менталитета. И. В. Кондаков, например, под «национальным менталитетом» понимает «...глубинные структуры культуры, определяющие на протяжении длительного времени ее этническое (национальное) или историческое (эпохальное) своеобразие» [5, с. 43]. Дискуссия по российской ментальности [12], проведенная в 1994 г. журналом «Вопросы философии», судя по представленному материалу, могла бы называться дискуссией о русском национальном характере.

Изучение национального характера в европейской философии и науке прошло ряд этапов, на которых ставились и решались разные исследовательские задачи, в том числе задача постижения детерминирующих факторов. Условно можно выделить три таких этапа. *Первый* этап – европейская философия XVIII–XIX столетий, для которой характерно преобладание именно детерминистской постановки вопроса: роль географического фактора, формы правления и т. п. в формировании национальных характерологических особенностей. *Второй* этап – с 1860-х до начала 1930-х гг., когда национальный характер стал предметом исследования специального направления – «психология народов». Необходимость создания такого направления была провозглашена в Германии в 1859 г. М. Лацарусом (1824–1903) и Х. Штейнталем (1823–1899) в программной статье «Мысли о народной психологии» в первом номере основанного ими «Журнала культурной психологии и филологии». Психология народов получила развитие, прежде всего, во Франции – в трудах историка литературы и культуры Иппполита Тэна (1828–1893), Гюстава Лебона (1841–1931), Альфреда Фулье (1838–1912), Габриэля

де Тарда (1843–1904). Но центральной фигурой этого этапа является немецкий философ и основатель психологии Вильгельм Вундт (1832–1920), который с 1900 по 1920 гг. издал десятитомную «Психологию народов», в которой исследовал свои психологические особенности разных народов на основе анализа языка, мифов, нравов и обычаев.

Наконец, начало *третьему* этапу под названием «культура-и-личность» было положено учениками знаменитого американского этнолога Франца Боаса в начале 1930-х гг. Параллельно еще в 1920 г. русский философ Г. Г. Шпет (1879–1940) предложил развивать особую науку – «Этническую психологию», а в 1927 г. издал труд «Введение в этническую психологию». Наиболее известными исследователями этого направления являются Рут Бенедикт, труд которой «Хризантема и меч», посвященный японскому национальному характеру стал мировым бестселлером, а также Маргарет Мид. С начала 1960-х гг. «культура-и-личность» получила иное название и институционализирована до сих пор как «психологическая антропология». А. А. Белик выделяет такие формы исследования национального характера в этом направлении: 1) конфигурационизм, интегральный подход Р. Бенедикт, М. Мид и других антропологов культурно-исторической ориентации; 2) кросс-культурное изучение черт поведения, присущих представителям разных типов культур; 3) «социальный характер» Э. Фромма; 4) биографический метод Г. Эриксона, который стремился через историю жизни выдающихся личностей познать особенности психологии народа; 5) художественно-публицистическое описание национального характера, осуществляемое писателями, журналистами и другими внимательными наблюдателями, имеющими дар увидеть детали образа жизни и описать это в целостной форме. Примерами подобных исследований автор называет эссе Дж. Оруэлла «Англичане» (1944), труды Ю. Овчинникова «Ветка сакуры» и «Корни дуба» о японском и британском национальных характерах [1, с. 182].

Третий этап представлен в исследовательской, комментаторской литературе очень основательно. Второй этап требует дополнительного изучения, особенно вопросы детерминизма в трудах И. Тэна «Философия искусства» и др.) и В. Вундта. Но наименее проанализированы труды, отнесенные нами к первому этапу, хотя именно в них в полном объеме поставлена проблема генезиса и детерминации развития национального характера. Наиболее представительными именами в ряду философов Но-

вого времени в связи с поставленной темой являются такие мыслители, как Ш. Л. Монтескье (1689–1755), Д. Юм (1711–1776), К. А. Гельвеций (1715–1771), И. Г. Гердер (1744–1804), И. Кант (1724–1804), Г. В. Ф. Гегель (1770–1831).

Начало размышлениям о национальном характере в философии Нового времени было положено появлением в 1748 г. сочинения Ш. Л. Монтескье «О духе законов», в котором вопрос о детерминации национальных характерологических особенностей решен в духе географического детерминизма. Монтескье употреблял термины «дух народа», «народный дух», «различные характеры народов». Все особенности этих характеров определяются исключительно географической средой, которая обозначена им как «климат». Это единственный фактор, который берется им во внимание, причем в полном противоречии с общей формулой детерминации, вводимой им же. Среди вещей, которые управляют людьми, им называются «...климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа». И далее: «Чем более усиливается в народе действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих. Над дикарями властвуют почти исключительно природа и климат, китайцами управляют обычаи, в Японии тираническая власть принадлежит законам...» [8, с. 260]. Через 150 лет В. Вундт повторил почти то же самое. Но Монтескье исповедует жесткий *географический* детерминизм, который в его изложении уже современникам представлялся сильным преувеличением. В духе крайнего европоцентризма противопоставляются климаты жаркий, холодный и умеренный, которыми и определяются различия южных и северных (европейских) народов. «Теория» проста: «Народы жарких климатов робки как старики; народы холодных климатов отважны как юноши. <...> В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других в том, что может благоприятствовать этим страстям. В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях, т. к. недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость». Даже чувствительность к боли опре-

деляется климатом. О русских пишет: «Чтобы пробудить в москвителе чувствительность, надо с него содрать кожу» [8, с. 198, 200].

Подобные рассуждения сразу породили бурную полемику. Поскольку труд Монтескье писался около двадцати лет, его идеи стали известны, конечно, раньше указанной даты. В том же 1748 г. Д. Юм опубликовал эссе «О национальных характерах», в котором решительно опровергал позицию Монтескье и какое бы то ни было воздействие климата на характеры народов и наций. Для объяснения национальных характеров им выделяются два ряда причин, которые называются моральными и физическими. Под последними понимаются именно те, которые ввел Монтескье – «...те качества *воздуха и климата*, которые, по видимому, постепенно и незаметно влияют на характер, изменяя тонус и сложение тела и придавая людям определенный темперамент, который хотя и можно иногда преодолеть при помощи размышлений и разума, но который все же будет преобладать у большей части людей и оказывать влияние на их обычаи» [13, с. 703–704]. Юм решительно отвергает какое бы то ни было воздействие климата на характеры народов и наций, и пишет: «...я не думаю, чтобы люди были обязаны какой-либо чертой своего характера или духа воздуху, пище или климату» [13, с. 706]. Поэтому моральные причины в полной мере могут объяснить национальные особенности поведения, нравов, обычаев народов. Под ними имеются в виду «...все обстоятельства, которые способны воздействовать на ум как мотивы или основания и которые делают определенный комплекс обычаев привычным для нас. К таковым относятся форма правления, социальные перевороты, изобилие или нужда, в которых живет население, положение нации в отношении своих соседей и тому подобные обстоятельства» [13, с. 703].

Сюда же относятся характер различных профессий, который изменяет природные наклонности человека; общение людей и проявляющееся в нем подражание людей друг другу; эффект кумуляции пороков и добродетелей в поколениях под воздействием лидеров нации. Юм приводит и аргументирует девять оснований – жизненных и исторических ситуаций в пользу абсолютного доминирования моральных факторов детерминации национальных характеров. Они и сейчас глубокомысленны и интересны, так же как конкретные наблюдения над характерами европейских народов. Таким образом, Д. Юм выступает как антипод Монтес-

кье. Единственное снисхождение в пользу хоть какой-то роли географической среды он делает для более «низменных» и плотских органов нашего организма, но, тем не менее, климат «...не может действовать на те более деликатные органы, от которых зависит деятельность духа и ума» [13, с. 720].

В сочинении «О человеке», вышедшем в 1773 г. [2, с. 182–187], К. А. Гельвеций разделяет скорее позицию Юма, чем своего соплеменника. В духе абсолютизации воспитания он единственным фактором, определяющим «характеры народов», считает форму правления, чередующую состояния свободы или рабства. Пафос философа посвящен дискредитации деспотизма, всегда изменяющего характер нации в худшую сторону. Общий же вывод Гельвеция однозначен: «...характер и ум народов изменяются вместе с формой их правления; ...разные формы правления придают одной и той же нации поочередно характер то возвышенный, то низкий, то постоянный, то изменчивый, то мужественный, то робкий» [2, с. 185].

Односторонние позиции названных мыслителей более взвешенно и органично синтезированы в главном сочинении основателя европейской философии истории И. Г. Гердера, которое он назвал «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791). Главное новшество в его решении проблемы детерминантов национального характера – введение совершенно нового элемента, на который предшественники не обращали внимания и который он называет «генетическая сила» или «живая органическая сила», «врожденная генетическая жизненная сила». Гердер фактически открыл то, что в современной биологии называют наследственностью, генетикой, генотипом индивида или популяции. Основная линия его рассуждений – это соотношение и взаимодействие сил внешних и внутренних, или в его терминах – климата и генезиса в определении народного духа.

Роль географической среды не только признается, она акцентируется как своего рода «судьба человека». Приведем одно место: «...все чувственно воспринимающие мир, во всем строении своем приспособленные к своей земле народы столь верны почве земли, неотделимы от нее. Все устройство их тела, весь образ жизни. Все радости и занятия, к которым приучены они с детства. Весь кругозор их представлений – все определено климатически. Отнимите у них землю, и вы отнимите

у них все» [3, с. 185]. «Климат» у Гердера – фактор дифференцированный, это и температура, и высота над уровнем моря, и воздух, и рельеф местности, например, близость горных хребтов и т. д. Одним словом, климат – «...это совокупность сил и влияний. Совокупность, служащая всему живому в своей многогранной связи, совокупность, в которую и каждое растение, и каждое животное вносят свою лепту...» [3, с. 181]. Иногда Гердер вроде бы указывает на ведущую роль наследственности. Например, пишет: «...видоизменяться и перерождаться наш род может только через посредство органических сил. Как бы ни воздействовал климат, у каждого животного, человека, растения – свой климат, ибо внешние воздействия всякий воспринимает по-своему, органически их перерабатывая» [3, с. 184]. Но общая формула, когда он подводит итог спору о генезисе и климате, очень взвешенная и звучит по-современному, в духе эволюционной биологии. Она такова: «Действие каждой спорящей силы значительно, но каждая творитсообразным ей способом. Климат – это хаос причин, весьма разнородных и действующих постепенно и по-разному, пока они, наконец, не достигают глубин существа и не изменяют самое существо через посредство привычки и генезиса; жизненная сила противодействует решительно, долго, единообразно и однородно, но поскольку и она не независима от всего, что существо терпит извне, то и вынуждена уступить со временем внешнему насилию» [3, с. 189].

И. Кант касается проблемы национальной характерологии лишь в одном сочинении – в своей последней крупной работе «Антропология с прагматической точки зрения» (1798). Во второй ее части, посвященной антропологическим характеристикам, он последовательно рассматривает характер индивида, пола, народа, расы и человеческого рода в целом. Вклад Канта в решение поставленной нами проблемы незначителен. Видя невероятную сложность доказательного решения вопроса, он фактически абстрагируется от него, фиксируя круг в определении: «Утверждение о том, что характер народа зависит от формы правления, – это ни на чем не основанное и ничего не объясняющее утверждение; в самом деле, откуда же сам этот образ правления получил свой специфический характер? – Климат, почва тоже не дают ключа к этому: переселения целых народов доказали, что эти народы на новых местах не изменяли своего характера, а только старались приспособить его к новым условиям и

что при этом в языке, в роде занятий, даже в одежде все еще видны следы их происхождения и тем самым их характер» [4, с. 352]. Кант в своей работе приводит характеристики, прежде всего, двух самых цивилизованных, на его взгляд, наций – англичан и французов. Фактически это то, что в современной психологической антропологии называется этническими стереотипами – ходячие представления массового сознания о тех или иных народах. Всегда отмечалось, что описания Канта носят негативный характер. Он не отвергал этого, но заранее дал ответ критикам, обвинявшим его в недоброжелательности: «...лесть *портит* людей, а порицание *исправляет* их, критик менее погрешает против их самолюбия, когда упрекает из всех без исключения в наличии недостатков, чем большими или меньшими восхвалениями возбуждает у них лишь зависть друг к другу» [4, с. 352]. Описания Кантом типических характерных особенностей французов, англичан, испанцев, итальянцев и немцев интересны как исторический документ, фиксирующий представления европейских наций того времени друг о друге. Немцы в изображении Канта выглядят, например, очень мирным, флегматичным народом, легко уживающимся со всеми другими народами.

Решающий вклад в обоснование методологии познания национального характера и детерминирующих его факторов внес Г. В. Ф. Гегель [1, с. 81–99]. Различные моменты его учения о «народном духе» представлены в таких его сочинениях как «Феноменология духа», «Философия религии», и особенно «Философия духа». Прежде всего, Гегель показал рождение личности и индивидуального разума (духа) посредством механизма опредмечивания и распредмечивания в процессе труда и социальной практики. Индивидуальный дух как форма идеального не только превращается в реальное посредством своего опредмечивания (объективации), но и формируется через распредмечивание продуктов деятельности, что означает овладение человеческими смыслами объективного результата деятельности. Для исследования национального характера это означало возможность его изучения через психологическую интерпретацию разного рода артефактов. Когда В. Вундт обосновывал возможность постижения народного духа посредством изучения языка, мифов, обычаев этноса, это следовало из методологической установки Гегеля, что он и не скрывал. Характеризуя предметное поле психологии народов, он пишет: «Язык содержит в себе общую форму живущих

в духе народа представлений и законы их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствованиями и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли» [Цит. по: 1, с. 105].

Принцип подхода к национальному характеру, который называется «исследование культуры на расстоянии» (М. Мид) также исходит из гегелевского принципа опредмечивания субъективного мира в доступных для изучения разнообразных артефактах и документах.

Второй важнейший момент у Гегеля – включение *религии* в число базовых детерминантов формирования национального характера. Этот момент в дальнейших штудиях по национальному характеру стал рассматриваться как само собой разумеющийся. Например, Н. О. Лосский в своей известной работе о русском характере начинает изложение материала с анализа религиозности русского народа [6]. Но ввел этот принцип именно Гегель.

В разделе «Субъективный дух» своего труда «Философия духа», Гегель подробно описывает так называемые «природные духи», под которыми понимает культурно-цивилизационные ареалы, отличающиеся уровнем общности представлений о Боге, а также «местные духи», или, по современной терминологии, национальные характеры. К описанным Кантом национальным характерам англичан, французов, итальянцев, испанцев и немцев он дополняет древних греков и римлян. Гегель в полной мере признает роль географического фактора в формировании национального характера, придавая особое значение близости моря, горных хребтов. Гегель для характеристики национальных характеров исследовал сложное взаимодействие особенностей личности, конфессий и метакультурных образований. Таким образом, он «...расширил проблему психологических стереотипов человека до изучения соотношения “этнос (культура) – религий (особенности регуляции поведения) – личность (ее самосознание и дух)”» [1, с. 85].

Гегель важен в том отношении, что в его трудах мы находим всю полноту детерминирующих национальный характер факторов. Расширения и дополнения шли в русле его методологии. Наиболее существенным в контексте нашей работы является фактор, введенный Ипполитом Тэном в процессе исследования национального характера в литературе,

искусстве и истории народов. Своим учителем он считал Гегеля. И. Тэн выделял следующий детерминирующий ряд: раса (наследственность), среда и исторический момент. По современной терминологии, как отмечает А. А. Белик, последний принцип означает «здесь и сейчас», иначе говоря, это принцип актуализма. Для нас это означает следующее. Национальный характер должен быть зафиксирован как объект и предмет исследования из настоящего в прошлое. Только таким образом можно проследить на историческом материале его генезис и развитие во времени. С этой точки зрения русский национальный характер зафиксирован дважды. Первый раз – в трудах русских философов, литераторов, публицистов, историософов на материале преимущественно XVIII–XIX столетий (русская литература, Н. О. Бердяев, В. О. Ключевский, П. Н. Миллюков, Н. О. Лосский, Г. П. Федотов и многие другие). Второй раз – в современных научных, философских, публицистических, литературных трудах о «советском менталитете», «советском характере» как он проявился в качестве трансформированного русского характера в XX столетии.

И в том и другом вариантах описания русского национального характера недостаточно осмысленным оказался, на наш взгляд, геополитический момент. Н. А. Бердяев рассуждал о «власти пространства над русской душой», но в предельно общем плане, без научной проработки, без точных, в том числе количественных, данных. Возможно, этому препятствовало предельно упрощенное изложение идеи географического детерминизма в трудах ранних авторов (Ш. Л. Монтескье, Л. И. Мечников). Поэтому Бердяев больше акцентировал религиозно-православный момент, мессианизм русского народа.

В 1995 г. вышла в свет публицистическая работа А. П. Паршева «Почему Россия не Америка» [11], в которой резко противопоставлена приполярная цивилизация России с ее среднегодовой температурой 5,5 градусов и вековым урожаем зерна сам-3, вместо европейского сам-5 – сам-10, а потом и сам-14, и цивилизация Запада, развивавшаяся в благоприятнейших, в сравнении с Россией, климатических и географических условиях. Паршев лишь обобщил то, что говорили и раньше некоторые русские историки, среди которых В. О. Ключевский, Л. В. Миллов [7] и др. И здесь вспомнили, что географический детерминизм это не только Монтескье, но и фундаментальные труды Л. Н. Гумилева, и основателя европейской геоистории Ф. Ратцеля («Антропогеография», 1899),

и другие, в которых глубоко исследован природный фактор в развитии обществ. Географическая среда воздействует на национальный характер опосредованно – через задаваемый характер деятельности, ее морфологию, сезонность, продуктивность и другие параметры, которые находят отражение в количественных показателях. Поэтому необходимо на новом уровне соотнести объективные аспекты русской национальной характерологии (нравы, стереотипы поведения и т. п.) с объективными же, проверяемыми детерминирующими их рядами. Такие исследования начинают приводиться, можно в качестве примера указать на монографию Ю. В. Олейникова [10].

Литература

1. Белик А. А. Историко-теоретические проблемы психологической антропологии. – М.: РГГУ, 2005. – 420 с.
2. Гельвеций К. А. О человеке // Гельвеций К. А. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1974. – Т. 2. – С. 5–567.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 7. – С. 137–376.
5. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры: учеб. пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 687 с.
6. Лосский Н. О. Характер русского народа // Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М.: Республика, 1991. – С. 238–364.
7. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 2001. – 576 с.
8. Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
9. Николаев В. Г. Концепции национального характера // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. Я. Левит. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 1. – С. 23–26.
10. Олейников Ю. В. Природный фактор бытия российского социума. – М.: ИФ РАН, 2003. – 258 с.
11. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. – М.: Крымский мост – 9Д, Форум, 2001. – 411 с.
12. Российская ментальность: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 25–53.
13. Юм Д. О национальных характерах // Юм Д. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 2. – С. 703–721.

**ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА:
ПРОЕКТ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТРУДАХ
РУССКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ**

*Современный христианин должен
быть культурным*

Миссионер-отшельник Ш. де Фуко

*Всякий культурный человек в наши дни
Христианин*

О. Мандельштам

Культурологическая проблематика была одной из важнейших для русских религиозных мыслителей, начиная с В. С. Соловьева и завершая представителями русской эмиграции. Прежде всего, русские мыслители диагностировали разрыв между современной культурой и Церковью, обозначили их трагический дуализм. Три темы стали центральными в исследованиях русских мыслителей: кризис Церкви, кризис культуры и разрыв между Церковью и культурой. Церковь занята спасением, творчеством же занят светский мир. Творческие дела мира не освящены Церковью. Помыслы русских мыслителей зарубежья были неразрывно связаны с будущим России и той ролью, которую она должна была сыграть в поисках выхода из глобального кризиса.

Замечательная плеяда русских религиозных мыслителей периода эмиграции рассматривала тему христианства и культуры в разных ракурсах, но общий пафос и идеи пересекались. Это дает основания сделать попытку общего обзора темы соотношения Церкви и культуры в среде русских религиозных мыслителей зарубежья. При этом мы будем опираться на следующие работы: В. В. Зеньковский «Идея православной культуры» (1923), «Православие и русская культура» (1924), «Проблема церковной культуры» (1932); С. Н. Булгаков «Догматическое обоснование культуры» (1930); С. Л. Франк «Духовные основы общества» (1930); Н. А. Бердяев «Кризис христианства и кризис культуры» (1931) и другие его работы, в которых он рассматривает различные аспекты культуры; И. А. Ильин «Основы христианской культуры» (1937).

Специфика рефлексии русских мыслителей-эмигрантов о религиозной культуре, во-первых, заключалась в том, что они, сердцем принадлежа России и, будучи православными по конфессиональной принадлежности, воочию наблюдали кризис культуры на Западе, являясь его свидетелями. Вольно или невольно, но они вынуждены были размышлять о путях христианской культуры в универсалистском ключе, т. е. в масштабах всего христианского мира, при этом напряженно думая о судьбе именно России, свалившейся в революционную бездну самой крайней формы атеистического секуляризма и явившей из застенков ГУЛАГа образцы мученической святости.

Как справедливо заметил Н. А. Струве (внук П. Б. Струве, русского философа, историка и политика), являющийся в настоящее время главным основателем издательства «Русский Путь» и целой сети библиотек русского зарубежья от Иркутска до Смоленска, характеризую состояние современной религиозности на Западе и в России, «дехристианизация в России, где веру топтали в открытую, и на Западе, где процесс размывания христианства шел подспудно, привела к более-менее одинаковому итогу: в церковь ходят около 5 процентов населения» [1, с. 587]. Это позволяет и в наши дни вслед за русскими религиозными мыслителями зарубежья продолжить тему «Церковь и культура» в универсалистском ключе.

Вторая особенность дискурса о религии и культуре, предпринятого русскими мыслителями-эмигрантами, состояла в том, что они все прошли путь от марксизма к идеализму, а затем уже к Церкви. Почти каждый из них пережил религиозное обращение от марксизма – к идеализму, а затем вернулся к вере. Почти все они руководствовались интуицией наступления новой религиозной эпохи, неизбежного возврата Церкви в историю, т. к. предвидели тупики секуляризма и безрелигиозной культуры.

В-третьих, особенность дискурса о Церкви и культуре определялась мировоззрением, онтологией русских религиозных мыслителей. Хорошо сущность ее выразил потомок русских эмигрантов, югославский диссидент Михайло Михайлов (1934–2010): «Западные исследователи все еще не понимают своеобразия русской мысли, относя ее просто к идеализму. Между тем, если идеализм делит мир на две сферы, из которых идеи выше материи, то русская мысль увидела «три, а не две сферы бытия», третья – Бог, в котором преодолевается дихотомия первых двух» [2, с. 197].

Итак, русские религиозные мыслители размышляли о путях христианской культуры в масштабах всего христианского мира. Такая оптика позволяла осознавать христианскую культуру как новый грандиозный проект – проект возрождения (рехристианизации), оцерковления культуры. Проект христианской культуры осознавался как альтернатива не только старому, просвещенческому проекту секуляризации, но и как альтернатива старому проекту христианской культуры, который воспринимался как грандиозная неудача исторического христианства. Революция в России, по оценке Бердяева, явилась свидетельством кризиса исторической Церкви, той неправды и лжи, которую она накопила в лоне своем.

Сразу следует заметить, что анализ культуры осуществлялся русскими религиозными мыслителями не только *из* Церкви *на* культуру, присутствует и обратный ракурс – со стороны культуры *на* Церковь. По словам В. В. Зеньковского, дуализм Церкви и культуры трагичен для обеих сторон. Для Церкви обособление от культуры приводит к ее историческому бессилию и делает более трудным и трагичным путь веры. В сознании современников обостряется ощущение внежизненности Церкви, особенно в ситуации, когда ее служители призываются благословить те или иные культурные явления, которые *уже* вошли в жизнь без участия Церкви. Следовательно, делает вывод Зеньковский, Церковь не является источником вдохновения, основой творчества, а приходит лишь затем, чтобы осветить то, что появилось без нее [3, с. 301–302].

Отрыв Церкви от культуры трагичен и для самой культуры. Культурное творчество, несмотря на существующее еще вдохновение, уже слабеет и находится в тупике, в нем есть жажда жизни, но утерян высший смысл ее. В данном случае Зеньковский говорит из пространства Церкви. Он убежден, что в Церкви открывается и действует преображающая сила Святого Духа. Но благодатное действие Духа не ограничивается церковной оградой. Очень важно отметить, что, согласно, Зеньковскому проблема отрыва Церкви и культуры существует только для *исторической Церкви*, а не *мистической*, «равно как и проблема церковности культуры есть проблема связи культуры с исторической церковностью».

Чтобы понять этот тезис, надо учесть, что Зеньковский выделяет **три понятия Церкви**. В первую очередь, он выделяет *Церковь мистическую* и *Церковь историческую*. Зеньковский считает этот факт очень

важным с методологической точки зрения и для правильной оценки исторической Церкви, которая не застрахована от ошибок существованием Церкви мистической, которая не стоит так близко к исторической Церкви, к ее плоти. Поэтому различение двух сторон Церкви он считает недостаточным. Существует, согласно Зеньковскому, «*общая историческая проекция Церкви*, исходящая от мистического организма Церкви», который он назвал «*духом*» той или иной исторической Церкви: Мистический организм Церкви един и целостен, но исторические формы отдельных Церквей многообразны и различаются в своем «духе», считает Зеньковский [4, с. 88].

Поэтому для понимания того, что дало православие русской культуре, важно понять, утверждает Зеньковский, «именно дух Православия», не догматические его особенности, но его исторические проявления, историческую проекцию мистической жизни. В разных православных странах дух православия воплотился по-разному, но сам дух един. Дух Православия отражает его *внутреннюю* сторону, которая одухотворяла жизнь народа и его культуру.

В книге «Духовные основы общества» С. Л. Франк рассматривает Церковь как универсальную и имманентную категорию общественной жизни. Все общественные организации и объединения «церковны», считает он. Это взгляд *изнутри* Церкви (религиозная оптика). Взгляд *извне* Церкви позволяет, наоборот, в ней увидеть аналогию с любым социальным институтом (оптика светской науки). Обе «оптики» имеют право на существование. «В основе всякого общества как его ядро и животворящее начало необходимо лежит Церковь... Соборность как первичное единство «мы» раскрывается полнее и глубже как Церковь». С. Л. Франк, как и В. В. Зеньковский, выделяет три уровня в восприятии Церкви: Церковь как мистическая реальность (1); Церковь как богочеловеческое (соборное) единство (не совпадающее с мистической Церковью, но являющееся чем-то большим, чем эмпирическая Церковь) – занимает промежуточное положение между мистической и эмпирической Церковью (2); Церковь как социальный институт, являющий собой внешнее единство (3) [5, с. 93–94].

О двойном кризисе, т. е. кризисе культуры, которая утрачивает религиозную основу, а также о Церкви, которая потеряла свою культуроопределяющую роль, говорил и Н. А. Бердяев. Культура, утверждает Бердяев, «родилась из культа, истоки ее сакральны», она имеет религи-

озные основы. В цивилизации же нет связи с символикой культа, ее происхождение мирское [6, с. 248]. Культура имеет душу, утверждает Бердяев в «Философии неравенства», «цивилизация же имеет лишь методы и орудие». Культура, в которой есть религиозная глубина, всегда стремится к воскресению». Но, продолжая эту тему в «Смысле творчества», Бердяев отмечает, что «культура по глубочайшей своей сущности и по религиозному своему смыслу есть величайшая неудача», т. к. «культура также символична, как и породивший ее культ». И Церковь, полагает Бердяев, в своих видимых воплощениях так же «имеет культурную природу и разделяет судьбу культуры и все ее трагические неудачи» [7, с. 521]. Кризис Церкви обусловил отрыв и кризис культуры.

Культура, считает Бердяев, для претворения в высшее бытие должна была пройти через секуляризацию: «Государство, семья, наука. Искусство должны были стать внецерковны, их нельзя насильственно удерживать в церковной ограде» [7, с. 522]. Секуляризация уничтожила ложь и насилие внутри исторической Церкви. Культура должна была пройти через богооставленность, т. к. сама религия в лоне исторической Церкви стала разрывом с Богом, «пафосом дистанции». Христианство, уверен Бердяев, осталось «незаконченным откровением об абсолютном значении и призвании человека». Сама Церковь должна обновиться. Философ уверен был в появлении нового религиозного сознания и новой Церкви.

Кризис Церкви, согласно Бердяеву, связан с тем, что эпоха Церкви Петровой (исторической Церкви), «церкви религиозной опеки малых сих, религиозного водительства младенцев, за которых вечно боязно, уже сделала свое дело в истории, сохранила христианскую святыню». Эта «бытовая церковная история была недуховна и даже внерелигиозна». Человечество, уверен Бердяев, выходит из эпохи детского страха и опеки, но уже «не под знаком церкви Петровой, а Иоанновой церкви». Эта Церковь – таинственная и вечная мистическая Церковь, открывающая аутентичный облик Христа, есть Церковь любви, которая преодолевает Церковь Петра – Церковь Голгофы. Она открывает перспективу восхождения к божественному творческому потенциалу, а не «приспособления к низинам человечества». Прежняя церковность закрывала от человека героический, горный, жертвенный путь самого Христа, «она снимала с человека бремя ответственности и обеспечивала духовную жизнь, в которой «минует чаша сия» [7, с. 530]. Обновление Церкви даст обновление культуры – таков вывод Н. А. Бердяева.

Оцерковление культуры, по мысли русских философов (В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева) не означает отказ от достижений светской культуры: «Светская культура не погибнет в этом, но преобразится в направлении духовности, в свободном созерцании, в духе любви, в духе органической, искренней формы, в воле к объективному совершенству» [8, с. 330].

Итак, в мистической Церкви преодолевается дихотомия Церкви и культуры. Но как воплотить это преодоление на просторах мировой истории? Погружаясь в Церковь, отмечает В. В. Зеньковский, находишь в ней завершенную полноту; целостное органическое единство. Дух Православия ищет не внешнего присоединения к Церкви, а внутреннего приобщения к ней. **Церковь обращается к внутреннему человеку.** Обнимая весь мир через Церковь, мы все его составляющие хотим возвысить в Боге. И. А. Ильин и Н. А. Бердяев уточняют этот сюжет.

«Культура творится изнутри, – поясняет И. А. Ильин, – она есть создание души и духа: христианскую культуру может творить только христиански укрепленная душа» [8, 302]. Это аксиома всякой культуры, когда «внутреннее, сокровенное, духовное решает вопрос о достоинстве внешнего, явного, вещественного», считает И. А. Ильин. Но когда философ подходит к соотношению Церкви и культуры, он уточняет, что христиане призваны творить культуру *не через Церковь и не в Церкви.* У Церкви другое призвание – блюсти веру и таинства. Культуру творит душа. Люди не могут творить культуру по указанию Церкви. В Церкви они очищаются и вдохновляются, а творчество рождается из состояния свободного и добровольного духовного акта [8, с. 319]. Ведь «Церковь не есть колпак, который делает святым то место, которое покрывает, и обрекает на гибель все, что в него не попадает», считал Н. А. Бердяев. Церковь не есть «искусственное изобретение для дезинфекции от заразы», Церковь растет *изнутри* [9, с. 257]. *Изнутри* растет и культура.

Таким образом, мы можем выделить следующие основные аспекты проекта христианской (православной) культуры:

1. Культура генетически производна от религии; православие выступает как идеал (русские религиозные мыслители отмежевались от церковно-исторической эмпирии, выделив не два – мистическая и эмпирическая, а три понимания Церкви);

2. Дихотомия Церкви и культуры преодолевается правильным решением проблемы свободы; православный путь – это внутреннее делание, творчество в свободе;

3. Задача культуры – дело богочеловечества, т. е. очеловечивание мира и обожение человека;

4. Церковь выступает как соборное единство в любви, изнутри оцерковляя все сферы жизни и творчества человека и мира.

Известный церковный публицист А. И. Кырлежев находит построения русских религиозных мыслителей слишком схематичными: «Для чего нужен этот схематизм – в чем-то справедливые, но чересчур упрощенные оценки западных христианских традиций? Ответ прост: чтобы столь же схематично представить православную традицию в ее «очевидных» преимуществах» [10, с. 183]. Церковный публицист сомневается в преимуществах Православия, поэтому проект христианской культуры русских мыслителей ему кажется не убедительным и «схематичным», а оценки католичества и протестантизма «упрощенными». Происходит это от того, на наш взгляд, что А. И. Кырлежев не учитывает, что основу методологии русских мыслителей составило отмежевание, с одной стороны, от эмпирической (исторической) православной Церкви, о которой порой были нелестного мнения, а с другой – от богословского понимания Церкви. Они всегда говорят о духе Православия, об идеальном Православии. Они выявили социально-философский аспект Церкви, который дал другую, более точную, оптику. Справедливости ради следует отметить также, что многие из них вполне осознавали, что в пределах земной формы существования многие проблемы кризиса культуры и Церкви не могут получить разрешения. Отсюда устойчивая эсхатологическая проблематика в трудах русских религиозных мыслителей. Вряд ли уместно упрекать их в «наивности» или «утопизме».

Литература

1. Струве Н. А. Православие и культура. – М.: Русский путь, 2000. – 632 с.
2. Михайлов М. Великий катализатор: Ницше и русский неоиdealизм // Иностранная литература. – 1990. – № 4. – С. 197–204.
3. Зеньковский В. В. Проблема церковной культуры // В. В. Зеньковский. Собр. соч. – Т. 2: О православии и религиозной культуре: статьи и очерки (1916–1957). – М.: Русский путь, 2008. – 528 с.
4. Зеньковский В. В. Православие и русская культура // Там же.

5. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
6. Бердяев Н. А. Философия неравенства. – М.: ИМА-пресс, 1990. – 288 с.
7. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Н. А. Бердяев. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
8. Ильин И. А. Основы христианской культуры // И. А. Ильин. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 1. – 400 с.
9. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. – М.: Канон+, 1999. – 464 с.
10. Кырлежев А. И. Русская эмиграция и проект христианской культуры // Православное богословие и Запад в XX столетии. История встречи. – М.: Христианская Россия, 2006. – С. 176–189.

П. В. Аксенов

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК ЭМПИРИЧЕСКИЙ БАЗИС ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ

Возросший за последние два десятилетия исследовательский интерес к феномену элиты неслучаен, т. к. элиты являются движущей силой социокультурного развития, задают его темп и вектор. Природу происходящих общественных процессов можно понять через изучение сущности элиты, выявления ее функций, специфики, роли, выполняемой ею в этом обществе. Однако центральная проблема при этом состоит в отсутствии единого подхода к пониманию элиты, т. к. элита представляет собой сложный и многообразный феномен, трудно поддающийся исследованию. Неоднозначность и полиаспектность проблемы элиты породили в этой связи значительное число отличающихся друг от друга теоретических подходов к ее обоснованию и исследованию, даже зародилось отдельное научное направление – «элитология», призванное разобраться в проблемном элитологическом поле. Элитология имеет свой складывающийся научный аппарат, базу, методы исследования. Методы исследования представляют собой синтез теоретического и эмпирического начал, структурируют научное знание. Теоретическому в элитологии отведено значительное место, в то время как эмпирическое не столь детально и широко проработано, что вполне характерно для складывающейся науки. Данной статьей мы хотим обозначить один из возможных

вариантов расширения эмпирического базиса исследования элит посредством включения в его компонент статистических данных, что, на наш взгляд, позволит более четко обрисовать социокультурный портрет элиты, внести определенные коррективы и уточнения в столь сложный и многоликий феномен.

Статистические методы давно перестали быть уделом исключительно прикладного знания и все более прочно занимают свои позиции в знании гуманитарном. Это объясняется сложностью строения как всей общественной системы, так и социокультурной в частности. Социальные науки должны отвечать вызовам времени и оперировать не только одним теоретическим инструментарием, но и включать в свой эмпирический базис опытное, экспериментальное, но, однако, не умаляя при этом теоретический концепт. Как статистическое, так и теоретическое начала имеют свою собственную ценность, взаимодополняют, взаимообуславливают и неотделимы друг от друга. Сегодня анализ развития современного общества немислим в отрыве от статистических данных.

Сказанное в полной мере применимо и к исследованию элит. Однако здесь, кроме того, что элита, как было сказано, является феноменом многоаспектным, добавляется другая трудность – сложность самой социокультурной среды. Возникает корреляционное сближение неоднозначного феномена элиты и сложного общественного устройства. Статистика привносит в эмпирический базис нечто новое, что теоретическое исследование не в состоянии проделать. Однако теория, в свою очередь, систематизирует, интерпретирует, придает смысл полученным статистическим результатам. В этом свете эмпирическое исследование, в основе которого заложены статистические показатели является, пожалуй, одним из точных и «удобных» методов описания элит. Оно буквально позволяет указать на элиту, вычленив из всех остальных страт общества, а полученные результаты подвергнуть теоретическому осмыслению и из всего спектра компонентов общественной системы выявить именно те компоненты, которые присущи именно ей. Затем отчертить круг этих компонентов и еще раз подвергнуть их верификации для закрепления ранее полученных результатов и так до тех пор, пока не будет выявлен общий окончательный «алгоритм», по которому можно будет идентифицировать элиту из всего социокультурного спектра. Изначально в основе подобного исследования могут лежать, например, такие компоненты как свойства, динамика, структура отдельных общественных страт, а уже за-

тем более уточненные, переработанные и применимые непосредственно к элите – место рождения, уровень образования, степень родства, материальное положение, авторитет и т. п. С течением времени и сложностью как общественной системы, так и феномена элиты (вкуче с их трансформациями и изменениями) выявленные компоненты должны переосмысливаться теоретически и проверяться статистически. Это непрерывный процесс. Для формирования эмпирического базиса не достаточно только однажды проведенного статистического измерения; данные должны быть непрерывными (т. е. отражать динамику) и адекватными тому отрезку времени, к которому апеллирует исследователь. Зубанова Л. Б., рассматривая один из продуктов статистических данных – анализ рейтинговых исследований феномена лидерства, отмечает: «Игнорирование динамической составляющей представляется необоснованным и требует введения дополнительного определения, направленного на отражение процессуальной стороны: рейтинг – это процедура оценочного ранжирования отнесенных к единому классу объектов, с последующим переводом оценок в измеряемые показатели» [2, с. 135].

Первым, кто при исследовании элит применил статистический метод, был итальянский социолог Вильфредо Парето – один из основателей теории элит. В основу эмпирического базиса своего исследования он заложил принцип строгого вычленения элиты и предложил следующую статистическую модель: «Допустим, что во всех областях человеческой деятельности индивиду дается индекс, являющийся как бы оценкой его способностей, подобно тому, как ставят оценки на экзаменах по разным предметам в школе. Дадим, например, тому, кто превосходно делает свое дело индекс 10. А тому, чьи успехи сводятся только к наличию единственного клиента – индекс 1, так, чтобы можно было поставить 0 кретину. Тому, кто сумел заработать миллионы (неважно, честным или бесчестным путем), мы поставим 10; человеку, зарабатывающему тысячи франков, – балл 6, тем, кто едва избежал дома бедных – 1, оставив 0 тем, кто туда попал... Совокупность людей, каждый из которых получил в своей области деятельности самую высокую оценку, назовем элитой» [Цит. по: 1, с. 36]. Как мы видим, подход Парето абсолютно лишен каких-либо ценностных суждений и акцентирован на «строгом» статистическом соответствии. На наш взгляд, такая модель не является полной, т. к. исключает ценностный подход, который при исследовании элиты играет определяющую роль для выработки культурологической пара-

дигмы. Однако с точки зрения статистических методов это является вполне приемлемым и объективным. Главным достоинством и в то же время недостатком статистических методов в погоне за непротиворечивостью данных является усреднение оцениваемых компонентов и как следствие – их огрубление. Однако данный пробел в известной степени компенсирует теоретическое начало, поэтому проговорим еще раз, что любая теоретическая конструкция нуждается в своем статистическом обосновании, равно как сами статистические данные без теоретических выводов, связей и обоснований ничего собой не представляют. В результате Парето делает вывод о неизбежности деления общества на элиту и массу посредством определенных способностей отдельных личностей, которые превращаются в меньшинство – элиту, при этом совершенно не важно, какой характер носят эти способности (дурной или нет), и для Парето вопрос о подлинности элиты уходит на дальний план.

Нельзя не отметить при этом, что статистические данные могут претендовать на большую широту охвата и, следовательно, большую объективность относительно исследуемого явления, при этом отстраняясь от теоретического обоснования. Как вариант этого «статистика имеет дело с совокупностями, образованными практически из неисчерпаемого числа элементов» [5, с. 84], и поэтому такая совокупность, как элита может быть исследована путем включения в статистический анализ максимального числа элементов ее характеризующих. За основу можно взять паретовскую модель, дополнив ее новыми элементами, отвечающими современным тенденциям.

Одной из таких перспективных тенденций в последнее время стала практика исследования «элиты» посредством изучения биографий современных политических деятелей в нее входящих. Если проанализировать биографию практически любого представителя современной политической элиты, то можно с легкостью зафиксировать, что «наиболее полно в профессиональных биографиях элита представляет собственный образовательный статус (наличие высшего образования, тип образования, ученые степени, опыт по повышению квалификации и др.), а также «символический капитал» (звания, награды, премии, изобретения и др.)» [3, с. 78]. А если углубится в эту биографию, то можно проследить непрерывный элитный образовательный процесс, в рамках которого уже началась инкорпорация в элиту путем приобретения связей в элитной ученической и студенческой среде. Показательны в этом отношении

сводные «рейтинги вузов по образованию представителей элиты государственного управления России», представленные в 2010 г. независимым рейтинговым агентством «РейтОР». По данным агентства в состав управленческой элиты входят представители из 423 вузов страны. Рейтинг является до того подробным, что указываются даже те вузы, из которых в состав элиты вошел хотя бы один человек (таковых добрая половина от общего числа). Бесспорными лидерами этого рейтинга стали хорошо известные всем МГУ им. Ломоносова и СпбГУ, а замыкает тройку лидеров МГИМО(У). Данные университеты, судя по статистическим данным, являются кузницей российской политической элиты. В конце рейтинга приводится образ статистически усредненного представителя современной политической элиты России: «это мужчина, родился в г. Москве, ему 52–53 года, окончил МГУ им. Ломоносова или СпбГУ, проходил срочную службу или служил в Советской Армии и других силовых ведомствах, имеет ученую степень кандидата экономических либо юридических наук, получил второе высшее образование (или еще учится) в Российской академии государственной службы при Президенте РФ» [4, с. 62].

Таков портрет статистически усредненного представителя политической элиты, в котором, равно как и в паретовской модели, нет даже намека на ценностную интерпретацию элиты, которая так важна при проведении исследований общественной направленности и социокультурной в частности. Да и вообще, ценностные начала с трудом поддаются статистическим данным, если вообще поддаются таковым. Посредством представленных статистических данных мы можем говорить лишь о статусной элите, т. е. элите политической, ограничившись профессиональной подготовленностью, уровнем образования, происхождением и возрастом. Не тронутым остается огромный и элитологический пласт ценностных ориентаций и морально-нравственных установок, а также иных типов элит и их субкультур. Даже при всей своей широте охвата и акцентировании даже на мельчайших деталях статистические данные не в состоянии дать качественную оценку элите и могут ввести в заблуждение. По утверждению аргентинского физика и философа Марио Бунге, «исключительно статистическое рассмотрение имеет тенденцию оставлять в стороне общие направления общественного развития и внутренний механизм, вызывающий данные статистические результаты» [Цит. по: 5, с. 86].

С другой стороны, статистические данные имеют большой и неоспоримый плюс, который заключается в опытным, экспериментальном подтверждении (опровержении) теоретических конструкций. Любая теория может и должна пройти проверку на состоятельность. Статистика обличает несостоятельные теории, ставит на место идеализированные и оторванные от реальности представления. «Познание социальных процессов не только на уровне первичных социальных структур, но и на уровне глубинных процессов в обществе может быть наиболее результативным, когда оно опирается на разработку и анализ статистических данных. Статистика представляет собою базу развития социальных наук, их эмпирического начала» [5, с. 91].

Таким образом, статистические данные, выступающие в качестве эмпирического базиса исследования элит, наряду с теоретическим концептом образуют собой единый научный метод, посредством которого возможно полное и объективное исследование столь сложного феномена как элита. Происходит взаимопроникновение и взаимодополнение опытного и теоретического начал. Статистические данные и, в частности, теории элит образуют собой определенную систему сдержек и противовесов, где первые систематизируют и результативным, универсальным языком и необходимой периодичностью наглядно демонстрируют нам членов этой страты, а вторые – определяют общие направления, перспективы развития, интерпретируют и наделяют смыслом полученные статистические данные.

Литература

1. Ашин Г. К., Охотский Е. В. Курс элитологии. – М.: ЗАО «Спортакадем-пресс», 1990. – 368 с.
2. Зубанова Л. Б. Духовное лидерство в социокультурном пространстве современной России: дис. ... д-ра культурологии. – Челябинск, 2009. – 317 с.
3. Колесник Н. В. Биография элиты: возможности социоструктурного анализа // Социологические исследования. – 2009. – № 6.
4. Рейтинги вузов по образованию представителей элиты государственного управления России [Электронный ресурс]. – М.: АНО НРА «РейтОР». – 2010. – Режим доступа: <http://www.reitor.ru/> (дата обращения: 18.02.2011).
5. Скачков Ю. В. Статистические данные как эмпирический базис социальных наук // Вопросы философии. – 1999. – № 7. – С. 79–93.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ ГРАФИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА

Социокультурная ситуация в современном обществе связана с интенсивно меняющимся темпом жизни. Она обусловлена кризисом устаревших форм и поиском новых средств самовыражения, переходом от одной технологии к другой. Это выражено в закономерности эволюционного процесса проектной художественно-технической деятельности от ремесленного производства к промышленному дизайну, а позднее, к дизайну графическому. Данный вид предметного творчества является одной из форм материально-художественной культуры и связан с созданием гармоничной и эффективной коммуникативной среды.

Средством передачи информации в графическом дизайне служит визуальный язык. Этот коммуникативный феномен связан с наличием знаковой системы. Она сформирована исторически и является совокупностью смыслов и ценностей, символов и кодов определенной культуры, воплощенных в визуально-графической форме. «Знаки, применяемые и разрабатываемые художниками, обладают многими чрезвычайно ценными общественными свойствами. Например, в качестве художественных творений они привлекают зрителя силой эстетического воздействия, аккумулируя в себе общественно значимую информацию», – отмечает Ю. М. Лотман в книге «Семиосфера» [4, с. 10]. Знаки в качестве произведений искусства обладают визуальной образностью и являются емкими способами хранения и передачи информации от одной традиционной культуры к другой. Вариативность их прочтения не произвольна, она зависит от нравов, обычаев, обрядов, формирующих эстетический уровень культуры, ее самобытность. Она связана с семиотикой графического дизайна, его знаковой системой, вырабатывающей закономерности конструирования межкультурной и внутренней коммуникации.

С помощью знаковой системы дизайнер проектирует сообщение, кодируя его символами, сформированными чертами определенной традиционной культуры. Зритель, воспринимая эти графические образы, декодирует их и интерпретирует смысл, но только в том случае, если владеет культурным кодом, лежащим в их основе [7, с. 23].

Знаковые системы различных традиционных культур основываются на индивидуальных специфических визуальных компонентах. Это связано с изначальной обособленностью взглядов европейцев, азиатов, латиноамериканцев и африканцев на проектируемые графические формы. Так исторически сложившаяся система знаков и кодов способствует идентификации национальных черт визуально-образного искусства определенной культуры. Обратим внимание, что с развитием теории и практики графического дизайна утвердился и иной вид символов, сокративший разрыв между знаковыми системами различных культур в ходе борьбы и навязывания. Этот интернациональный стиль является современным движением, опирающимся на принципы радикального функционализма. Он связан с использованием емких кодов, обеспечивающих межкультурную коммуникацию. В условиях высокоразвитой информационной культуры он приводит к созданию однообразной, стандартной визуально-графической среды. Доминирующая тенденция развития современного графического дизайна обусловлена преимущественным переходом от национальной знаковой системы к интернациональным компонентам. Поэтому основная задача статьи состоит в том, чтобы проанализировать специфику традиционных черт и интернациональных элементов как графических форм межкультурной коммуникации. Визуальное несоответствие их знаковых систем является проблемой, ведущей к угрозе обесценивания национального своеобразия, культуры предметного мира, окружающих современного человека. Она связана с проектированием визуальных образцов графического дизайна, сохраняющих самобытность и трансформирующих компоненты интернациональной системы.

Визуально-образные элементы традиционной знаковой системы обусловлены ценностными ориентациями и воспроизведением исторической памяти в виде характерных и отличительных особенностей: нравов, обычаев, обрядов. Они формируются с помощью объектов графического дизайна, в качестве одной из форм межкультурной коммуникации. А. П. Садохин в исследовании «Межкультурные коммуникации» обращает внимание, что «вместе с созданием ценностей культуры возникла проблема их распределения и регулирования отношений между людьми. Материальные продукты, создаваемые человеком, показывают границы их способностей и возможностей, но не определяют, как должны взаи-

модействовать реципиенты между собой при распределении и использовании этих ценностей. В связи с данным процессом возникли правила, регулирующие человеческое поведение, которые позднее получили название формы традиционных культурных ценностей» [5, с. 51]. Они воспринимаются и трактуются объективно только в рамках определенной культуры с исторически сформированной визуально-образной системой знаков. В настоящее время назначение традиций в сфере графического дизайна сводится к передаче от поколения к поколению продуктов социального и культурного наследия. Например, японская традиционная графика и живопись в виде декоративных композиций с ярко выраженным проектным мышлением, включающая ручную каллиграфию. Такое наследие закладывается с помощью выработанной гибкой системы обучения, связанной с тонким ощущением колорита, работой с природными материалами. Эти характерные черты позволили сформировать новые эстетические рамки. Утвердившийся в Италии в 30-е гг. XX в. стиль Оливетти, основанный на визуально-образной концепции, имел прямую связь с национальными традициями страны, где графические формы проектировались в соответствии с интуицией художника. Отечественная концепция супрематизма (конструктивизма) возникла в качестве реакции на проникающие авангардные направления культуры стран Запада. Она успешно реализовывалась советскими теоретиками и практиками визуально-графического творчества. Данная концепция оказала влияние на появление новых графических направлений: агитационный и киноплакат, сценический и выставочный дизайн. Подобные примеры визуальных решений графического дизайна являются трансформацией исторической памяти в новой современной интерпретации.

Знаковая система интернационального стиля, напротив, основана на убеждении, что объекты дизайна должны быть ясными, не позволяющими отвлекать зрителя от анализа содержимого. Образцы этой системы символов и кодов рациональны, проектируются с помощью ставших общепринятыми знаково-символических схем, созданных дизайнерами, работавшими в Швейцарии под влиянием конструктивизма и теоретико-практической программы Баухауза. Основанные на национальных чертах и навязанные остальным они стали графическими эквивалентами модернизма, преобладавшими в мировой архитектуре и дизайне с 1950-х по 1970-е гг. [1, с. 32]. Как правило, такие знаки являются брендами

крупных торговых и производственных компаний: «Coca-Cola», «Dior», «Ford», «Sony», «Chanel», «D&G», «Mercedes-benz», «Citroen», «Samsung». Отметим, что в традиционных культурах интернациональные символы трактуются по-разному. Это обусловлено кардинальными отличиями в специфике знаковых систем, а также зависит от степени взаимодействия культур. На такой почве возникает проблема несоответствия визуальных образцов коммуникативного дизайна. Как следствие, сохранение самобытности в графических формах находится под угрозой.

Знаковая система графического дизайна четко структурирована. Ее замыслы и визуальные формы находят материальное выражение в художественно-образных носителях информации объектами полиграфии и рекламы. Эта символическая взаимосвязь визуальных коммуникаций, трансформируясь в знак, несет различную смысловую нагрузку в виде логотипов, товарных знаков, гербов, пиктографии, иконических знаков и знаков-индексов. В качестве символа фирмы выступает логотип или товарный знак, мгновенно знакомящий потребителя с ее позицией: «Coca-Cola», «Apple», «ЕССО». К наиболее точным формам обозначенного явления относят иконические знаки, например, реклама косметической линии «Oriflame», демонстрируемая звездами отечественного шоу-бизнеса. Для ориентации, навигации и информации предназначены пиктографические изображения. Это своеобразный международный язык, заменяющий текстовые названия, например, знаки дорожного движения, указатели. В совокупности данные формы являются графической символикой и связаны с национальными и интернациональными компонентами. Объекты всех знаковых систем обусловлены установленной условностью их проектирования, где взаимодействие между означаемым и означающим не вытекает из их природы, из смежности их признаков [2, с. 16]. Таким образом устроены все символические языки, являющиеся частью межкультурной коммуникации. В этой сложной системе возникает проблема перевода с интернационального языка на национальный. И. И. Ильин в книге «Постмодернизм: от истоков до конца столетия» отмечает, что «излагаемый материал культуры-транслятора выступает в качестве популяризации, объяснения, истолкования и приспособления инородной концепции к проблематике своего национального материала, ценностной культурной традиции» [1, с. 217]. В данной ситуации сохранение самобытности в визуальных образцах знаковой

системы воспринимающей культуры имеет решающее значение. Это возможно, благодаря трансформации инородных элементов в рамках традиций.

Обратим внимание, что развитие культуры не может существовать без преемственности. Это связано с преодолением барьера, основанном на разнице традиций, между инородными знаковыми системами в отношении «свой» – «чужой». Каждый новый шаг социального развития увеличивает информационную ценность культуры, ее внутреннюю неопределенность. Данный процесс осуществляется вербальными и невербальными средствами. Языковое общение, обусловленное обменом текстовой информацией, является средством вербальным. Оно проходит преимущественно в форме диалога или монолога. Невербальная коммуникация связана совокупностью неязыковых средств, символов и знаков, использующихся для передачи информации [5, с. 140, 152]. Эти механизмы взаимодействия культур Л. Ю. Лотман выделяет в качестве диалога. «В систему с большей внутренней неопределенностью вносится текст извне. Он представляет собой не овеществленную реализацию некоторого языка, поддающегося ряду интерпретаций с позиции различных языков, внутренне конфликтную и способную в ином контексте раскрываться совершенно новыми смыслами» [4, с. 613]. В обогащении знаковых систем графического дизайна сначала осуществляется однонаправленный поток текстов. Затем, воспринятые знаки распространяются внутри культуры, происходит их адаптация и трансформация. Завершает диалог обратный поток текстов в виде переработанных символов. Такая преемственность объективно выражена в прогрессивном развитии школы японского дизайна, перенявшей технологии Запада и интерпретировавшей их. Проникновение японского ландшафтного дизайна, компьютерных технологий в естественную среду европейских стран, США, России обеспечили выход визуальных форм графического дизайна на новый виток развития. В связи с этим, дизайн как совокупность визуальных средств коммуникации способствует обогащению и усложнению знаковых систем различных культур.

Национальные и интернациональные компоненты, основанные на культурной идентичности, связаны с разделением представителей всех культур на «своих» и «чужих». Такая классификация может привести как к отношениям сотрудничества, так и к их противоборству, усугуб-

ляя проблему межкультурной коммуникации. Культурная идентичность рассматривается в качестве одного из важных инструментов, оказывающих влияние на процесс передачи информации визуальными средствами графического дизайна.

М. Беннет полагает, что для освоения «чужой» культуры необходимо развивать у человека межкультурную чуткость. Такое чувственное восприятие позволит толковать различия знаковых систем более продуктивно, приспособив их к своей культуре, сохраняя идентичность [Цит. по: 5, с. 129–137]. Освоение чужой культуры завершает интеграция, связанная с признанием и адаптацией ценностей «чужой» знаковой системы, сопровождающаяся болезненным восприятием и ощущением угрозы для своего существования. В ходе такого сложного, поэтапного процесса постепенно размываются границы отчужденности и непонимания между различными культурами. Визуальная символика графического дизайна приобретает иную форму выражения, включая в свой состав интегрированные элементы, трансформируя их в соответствии с традиционными особенностями. На этом фоне в знаковых системах современной коммуникации возникает совокупность национальных и интернациональных черт [3, с. 40]. Она имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, межкультурный обмен визуально-графической информацией обогащает ценностями не только культуру-транслятор, но и другие культуры. С другой стороны, постоянно формирующаяся символика графического дизайна порождает не всегда преодолимую проблему несоответствия знаковых систем различных культур, традиционных и интернациональных компонентов.

Попытка преодоления существенной разницы визуальных и символических форм множества традиционных культур осуществляется в процессе взаимодействия национальных и интернациональных компонентов графического дизайна. Это проявилось в процессе взаимообмена, межкультурной коммуникации. Современное отношение к данному виду визуально-графических форм связано с интенсивным распространением интернациональных символов как совокупности знаковых систем Запада по всему миру. С одной стороны, наблюдается увеличение плотности системных связей в ценностных ориентациях, усложнение символов и графических форм средствами трансформации интернациональных элементов в соответствии с традиционными особенностями и самобытно-

стью культуры. С другой стороны, проявляется внедрение интернациональных компонентов в первозданном виде в национальную среду, формирование семантической невнятности объектов графического дизайна. Такой процесс обусловлен несоответствием знаковых систем различных культур, а именно традиционных русских элементов и западных интернациональных компонентов. Поэтому проблема, связанная с сохранением традиционных специфических начал в межкультурном взаимодействии, остается нерешенной. Это наблюдается в унификации графических элементов культуры предметного мира, окружающего современного человека.

Процесс восприятия и интерпретации образных символов интернациональной культуры, обогащающий национальное своеобразие знаковой системы, возможен, если руководствоваться следующими рекомендациями. Во-первых, дизайнеру как специалисту, работающему с визуальными «кодами» различных систем, следует фокусировать внимание на особенностях коммуникативных форм, нравах, обычаях традиционных культур. Во-вторых, ему необходимо внедрять новые символы в знаковую систему, трансформируя исходный графический материал интернациональных компонентов. Такие качественные изменения в процессе проектирования визуально-образных элементов обеспечат выход на новый виток развития, повлияют на создание гармоничной и эффективной коммуникативной среды.

Литература

1. Ильин И. И. Постмодернизм: от истоков до конца столетия. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.
2. Кнорре К. Наружная реклама. – М., 2002. – 192 с.: ил.
3. Лихачев Д. С. Патриотизм против национализма // Лихачев Д. С. Заметки о русском: сб. ст. – М., 1984. – С. 39–44.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб., 2000. – 704 с.
5. Садохин А. П. Межкультурные коммуникации. – М.: Альфа-М, Инфра-М, 2004. – 288 с.
6. Садохин А. П. Культурология: теория и история культуры: учеб. пособие. – М.: Эксмо, 2005. – 624 с.
7. Храпченко М. В. Природа эстетического знака // Семиотика и художественное творчество: сб. ст. – М., 1977. – С. 7–48.

**УЧЕНЫЕ-ГУМАНИТАРИИ КУЗБАССА
ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

На сегодняшний день в регионе сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, широко известно, что Кузбасс является экологически неблагоприятным регионом, с другой стороны, население региона уже совершенно спокойно воспринимает этот факт и понятие «экологическая опасность» уже не вызывает каких-либо бурных эмоций. Несмотря на критический уровень состояния экологических проблем, в нашем обществе давно утихли алармистские настроения: к сожалению, господствующим стало осознание того, что изменить существующее положение вещей невозможно и остается только с этим мириться. Даже такое следствие критического состояния окружающей среды, как ухудшение здоровья населения не является достаточным аргументом для формирования рационального типа взаимодействия с природой. Все это свидетельствует о том, что у населения Кузбасса не сформировано активное экологическое мировоззрение как высшая форма отношения человека к природе, которая объединяет в себе рациональные, ценностные, эмоциональные компоненты, изменяющие мотивы поведения людей. Сейчас, когда страны мира провозгласили своей целью переход к устойчивому развитию, т. е. к «форме такого взаимодействия (коэволюции) общества и природы, при котором сохраняется биосфера и обеспечивается выживание и неопределенно долгое развитие человечества» [5], проблемы отсутствия экологического мировоззрения проявляются особенно заметно и требуют скорейшего решения.

В регионе работа над вопросами формирования экологического мировоззрения у населения развивается в нескольких направлениях. Без сомнения, аппаратом государственной власти давно усвоена необходимость рассмотрения и решения проблем окружающей среды. В нашем регионе сформированы институты экологической политики: Комитет по вопросам аграрной политики, землепользования и экологии Совета народных депутатов, департамент природных ресурсов и экологии, департамент лесного комплекса Кемеровской области, департамент

по охране объектов животного мира Кемеровской области. Идет работа над формированием нормативно-правовой базы по охране природы.

Кроме того, в г. Новокузнецк выпускается специализированное экологическое издание «ЭКО-бюллетень ИнЭКА» – единственное издание, которое обобщает и систематизирует экологическую информацию, актуальную для регионов Сибирского федерального округа. В области действует ряд региональных отделений общественных академий (Российская экологическая академия, Российская академия естественных наук, Российская академия естествознания и др.), занимающихся вопросами экологии, существует около двадцати общественных организаций: Информационное экологическое агентство (ИнЭКА), «Глубинная экология», Детско-юношеский экологический парламент, Союз экологов Кузбасса и др., ставящих своей целью формирование экологической культуры у населения.

Особо следует отметить роль ученых-гуманитариев Кемеровской области, уже более трех десятилетий исследующих проблемы формирования экологического мировоззрения, отсутствие которого делает все меры по улучшению экологической обстановки недейственными. Особенно активно этот вопрос разрабатывается кафедрой философии Кузбасского государственного технического университета (КузГТУ), уже в 1978 г. там была сформирована научно-исследовательская группа под руководством Раскина В. Г. с целью проведения исследований в области прикладной экологии. Результатом работы кафедры в этой научной области стала специализация ряда преподавателей кафедры (Митченкова И. Г., Мьякинникова С. П., Баумгартэна М. И.) на исследовании вопросов экологии. Исследования других ученых-гуманитариев Кузбасса в области формирования экологического мировоззрения не носят систематического характера, тем не менее, следует выделить работу научно-исследовательский институт прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ), где формирование экологического мировоззрения рассматривается через призму культурологии (Балабанов П. И., Кувшинов Ю. А.). Отдельные вопросы экологического мировоззрения у коренных народов Сибири рассматриваются учеными кафедры археологии Кемеровского государственного университета (КемГУ) (Кимеевым В. М., Бобровым В. В. и др.) и кафедры музейного дела КемГУКИ (Белозеровой М. В., Поддубиновым В. В. и др.).

Вопросы экологического мировоззрения освещались учеными на специализированных конференциях: Всесоюзной научно-практической конференции «Проблемы исследования и преодоления экологической опасности в промышленном регионе» (Кемерово, 1990); Республиканской научно-практической конференции «Социальное взаимодействие и политические процессы на территории» (Кемерово, 1996); научно-практической конференции «Традиционные знания коренных народов Алтае-Саян в области природопользования» (Барнаул, 2009) и др., а также в сборниках научных трудов: «Проблемы социальной экологии в условиях научно-технической революции» (Новосибирск, 1987); «Проблемы обеспечения экологической безопасности в Кузбасском регионе» (Кемерово, 1999–2005); «Региональные проблемы перехода к устойчивому развитию» (Кемерово, 2003) и др.

Следует отметить, что гуманитарии Кузбасса рассматривают ряд аспектов формирования экологического мировоззрения. Можно выделить следующие позиции:

1. Обоснование необходимости распространения экологического образования, просвещения. Овденко В. И., Рябых С. М., Федорова Е. Г. и др. отмечают, что «для перехода к устойчивому развитию необходимо изменить менталитет среднестатистического человека», при этом необходимо учитывать, что у взрослого населения уже сформировались жизненные позиции, поэтому менять менталитет возможно только у подрастающего поколения, «необходимо систематическое воспитание и образование молодежи, переориентация просвещения на проблемы устойчивого развития» [10, с. 347]. Действительно, экологические представления человека могут эволюционировать в форму экологического мировоззрения только в том случае, если экологическое образование станет всеобщим, непрерывным и будет осуществляться с наиболее ранних этапов становления личности.

Кувшинов Ю. А. также замечает, что особое внимание в свете перехода к устойчивому развитию следует уделить экологическому воспитанию и образованию, поддержке общественного экологического движения. По его словам, экологическое воспитание является «неотъемлемой частью воспитания всесторонне развитой личности, повышает ее устойчивость, делает развитие общества социоприродным и предсказуемым» [4, с. 128].

Таким образом, по мнению ученых, формирование системы экологического образования, распространение его на широкие слои населения – это важнейший этап на пути построения экологического сознания, а затем и экологического мировоззрения. Воспринимая экологические знания на протяжении всего образовательного процесса, человек приобретает навыки рационального обращения с окружающей средой и распространяет на нее общечеловеческие ценности.

2. Философское осмысление экологических проблем. Философские основы решения проблемы экологической опасности с 80-х гг. разрабатывал Раскин В. Г. Еще в 1987 г. он отмечал необходимость философских подходов к исследованию и разрешению проблемы антропогенной экологической опасности [11, с. 14].

Продолжая работу Раскина В. Г., для более полного понимания проблем взаимодействия природы и общества Мякинников С. П. предлагает рассматривать понятие социоэкосистемы, которую он определяет как «совокупность совместно функционирующих и развивающихся экосистем и систем общества, а также условий их сосуществования, объединенных специфическими социоприродными связями в едином пространственно-временном континууме и образующих систему взаимообусловленных явлений и процессов» [7, с. 12]. Таким образом, ученый связывает в единую систему структуры природы и общества, законы функционирования которых по сути разнонаправлены. Идея социоэкосистемы не только позволяет осознать неразрывность, взаимозависимость элементов природы и общества, но и способствует построению такой модели сосуществования этих структур, в которой максимально будут учитываться тенденции развития обеих сторон.

В настоящее время жизненно важным является отказ от идеологии потребительства, т. е. от антропоцентристских ценностей. Как пишет Мякинников С. П., на смену натурцентристскому и антропоцентристскому типам мировоззрения должно прийти экоцентристское мировоззрение, главная положительная черта которого состоит в том, что оно не отвергает общественный рост, а стремится придать ему экологически приемлемый характер [12, с. 30–31]. Такой подход отражает качественно новый тип восприятия природы как партнера человека, который заключается в отказе от традиционных захватнических ценностей и моделей поведения и распространяет общечеловеческие ценности и идеалы на мир природы.

Характеризуя современную стадию взаимодействия природы и общества, Митченков И. Г. отмечает, что в настоящее время наблюдается противостояние субъект-объектного принципа и «принципа соответствия, со-причастности, со-размерности природного и социального бытия» [6, с. 161]. Для перехода к экологически приемлемой форме существования в человеческом обществе необходимо развивать следующие типы отношения к природе: 1) духовный: экологическое сознание формируется вне институтов власти, т. е. на основе внутреннего потенциала общества и 2) государственно-властный: экополитику как технику власти необходимо заменить экополитикой «идеи» таким образом, чтобы она оказывала влияние на общественное сознание [6, с. 163–165].

3. Подход с позиции культурологии. Балабанов П. И. особо отмечает необходимость учитывать роль культуры в процессе перехода к устойчивому развитию. По мнению ученого, сегодня экологическая политика направлена на борьбу со следствиями, а не с причинами экологических проблем и источник неэффективности любых решений, связанных с вопросами окружающей среды, в отсутствии «научно обоснованной культурной политики, которая позволила бы снизить степень экологической опасности» [1, с. 388–389].

4. Распространение принципов экологической этики на окружающую среду. Красиков В. И. рассматривает экологическую этику как путь к решению экологических проблем, т. к. эта дисциплина «предлагает расширить мир ценностей настолько, чтобы природа стала общим благом и перестала быть только собственностью», таким образом, чтобы права личности распространились на всех членов экобиотического общества [3, с. 188]. Важность применения принципов экологической этики Красиков В. И. подчеркивает тезисом: «Сокращение сложности и разнообразия (сред обитания) приведет к деградации разума: ментальность и экологические горизонты сопоставимы между собой» [3, с. 191]. В такой позиции также выражается идея равенства элементов общества и природы.

5. Этнографические исследования. Среди гуманитариев Кузбасса, занимающихся данными проблемами, необходимо выделить группу этнографов. Кимеев В. М., Садовой А. Н., Белозерова М. В., Поддубиков В. В., Насонов А. А. и др. в своих исследованиях рассматривают соотношение традиционных знаний в области природопользования, рели-

гиозных представлений об окружающем мире и новых форм хозяйствования у коренных народов Сибири. Так, Белозерова М. В. отмечает, что новые способы хозяйствования терпят неудачу в среде коренных народов, т. к. при их введении не учитываются традиционные знания [2, с. 11]. Насонов А. А. анализирует синкретическое вероучение бурханизм, которое сформировалось на стыке буддийских традиций и алтайского шаманизма. По его словам, бурханизм усиливает экофильность традиционной культуры, таким образом, снижая затраты природных ресурсов в повседневной жизни коренных народов [2, с. 64–65]. В целом, как в данном, так и в других этнографических исследованиях четко прослеживается идея о том, что традиционное мировоззрение коренных народов является одной из значимых альтернатив сформировавшемуся ныне потребительскому отношению к среде.

Таким образом, мы видим, что ученые-гуманитарии Кузбасса уделяют большое внимание проблеме формирования экологического мировоззрения как основному вопросу в противостоянии экологическому кризису и обеспечении перехода к устойчивому развитию. Возможности формирования экологического мировоззрения рассматриваются через призму образования, воспитания, философии, культурологии, этических и этнографических исследований.

Для Кузбасса, как для индустриального региона с высокой степенью загрязненности водного и воздушного бассейнов и нарушения ландшафтов, внимание к проблеме формирования экологического мировоззрения несомненно необходимо. С точки зрения задач данной работы важным является то, что сегодня в Кузбассе экологическое мировоззрение является объектом целого ряда направлений научных исследований. Это свидетельствует о том, что в настоящее время переход от прагматичного потребительского отношения к природе к осознанному распространению экологического мировоззрения и соответствующим ему реальным отношениям становится все более актуальным.

Литература

1. Балабанов П. И. Культурный контекст устойчивого развития: теоретико-методологический аспект // Региональные проблемы перехода к устойчивому развитию: в 2 т. / под ред. Г. И. Грицко, Е. Л. Счастливцева, С. М. Малахова, В. И. Овденко. – Кемерово: Полиграф, 2003. – Т. 1. – С. 382–392.

2. Белозерова М. В. Опыт реформирования традиционных форм хозяйствования у коренных народов Южной Сибири в 1920–1980-е гг. // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саян в области природопользования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И. И. Назарова. – Барнаул: АРТИКА, 2009. – С. 7–11.
3. Красиков В. И. Экологическая этика и ее философские основания // Актуальная философия: образы, стили, стратегии философского знания: сб. науч. трудов / под ред. И. Г. Митченкова, Д. Б. Безрукова и др. – Кемерово: КузГТУ, 2007. – С. 188–191.
4. Кувшинов Ю. А. Ноосфера и устойчивое развитие // Региональные проблемы перехода к устойчивому развитию: в 2 т. / под ред. Г. И. Грицко, Е. Л. Счастливецва, С. М. Малахова, В. И. Овденко. – Кемерово: Полиграф, 2003. – Т. 1. – С. 126–131.
5. Мантатова Л. В. Философия устойчивого развития [Электронный ресурс] // Информационный портал «Байкал-Lake». – Режим доступа: <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=1734> (дата обращения: 12.03.2011).
6. Митченков И. Г. Идеологический дискурс и экосоциальные отношения // Проблемы обеспечения экологической безопасности в Кузбасском регионе: в 3 кн. / редкол.: М. И. Баумгартэн (отв. ред.) и др. – Кемерово, 2005. – Кн. 3. – С. 161–166.
7. Мясинников С. П. Понятие и организация экосоциального комплекса // Актуальная философия: образы, стили, стратегии философского знания: сб. науч. тр. / под ред. И. Г. Митченкова, М. Ю. Яцевича и др. – Кемерово: КузГТУ, 2008. – С. 29–37.
8. Мясинников С. П. Социоэкосистема: филос.-метод. аспекты исследования: дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск, 1998. – 150 с.
9. Насонов А. А. Традиционная экологическая культура Алтае-Саянского региона и буддизм: особенности взаимодействия и потенциал дальнейшего развития // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саян в области природопользования: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. И. И. Назарова. – Барнаул: АРТИКА, 2009. – С. 64–66.
10. Переориентация образования на проблемы устойчивого развития / В. И. Овденко [и др.] // Региональные проблемы перехода к устойчивому развитию: в 2 т. / под ред. Г. И. Грицко, Е. Л. Счастливецва, С. М. Малахова, В. И. Овденко. – Кемерово: Полиграф, 2003. – Т. 1. – С. 344–366.
11. Раскин В. Г. Философско-методологические аспекты исследования и разрешения проблемы антропогенной экологической опасности. – Томск, 1987. – 286 с.

ПРОБЛЕМЫ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Предоставление современному студенчеству роли субъекта управления в традиционном понимании соотносится с такой формой организационно-управленческих отношений, как самоуправление. Однако говорить сегодня о студенческом самоуправлении в собственном смысле слова не представляется возможным в силу объективных и субъективных причин. Среди них можно отметить значительную социальную инертность обучающейся молодежи, достаточно устойчивые патерналистские ориентации студенчества, отсутствие должной мотивации социальной ответственности за качество своего обучения.

Есть несколько подходов к определению самоуправления вообще и студенческого самоуправления в частности. Рассмотрим некоторые из них.

«Самоуправление – это управление через самих заинтересованных лиц»: такое определение давал Г. Эллинек в конце XIX в. [7, с. 5]. В энциклопедическом словаре самоуправлению дают следующее определение – «это самостоятельность какой-либо организованной социальной общности в управлении собственными делами» [8, с. 1065]. В словаре по социологии [3, с. 197] самоуправление определяется как «автономное функционирование какой-либо организационной системы (подсистемы), правомочное к принятию ею решений по внутренним проблемам, включение исполнителей в процессы выработки решений; коллективное управление – участие всех членов организации, населения, трудящихся в работе соответствующего органа правления; выработка и принятие исполнителями решения.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что самоуправление – это включение исполнителей в процессы выработки решений, право на внутреннее управление через самих заинтересованных лиц.

Самой характерной чертой студенчества как особой социальной группы является его специфическая субкультура. Ее специфичность заключается в особом характере труда, познания и общения, реализации социальных ролей, организации жизнедеятельности студента. Общность

положения и деятельности, привязанность к центру организации учебного труда и познания, каким является вуз, порождает общность и относительную гомогенность интересов студенчества, что оказывается более значимым, чем временность студенческого статуса, различия студентов по социальному происхождению, материальному положению и т. п. Общность интересов и потребностей является основой формирования особого социально-группового самосознания и особых черт студенческой морали и этики, которые формировались с периода зарождения высших учебных заведений в России.

Как коллектив, обладающий профессиональным единством, орган студенческого самоуправления характеризуется как команда, объединенная едиными целями, задачами; общими интересами единомышленников; члены студенческого самоуправления мыслят примерно в одной и той же ценностной системе координат, поскольку принадлежат к одному поколению, члены которого в профессиональной среде равны по социальному статусу (все они студенты).

Поскольку студенческое самоуправление в построении правового государства и гражданского общества играет немаловажную роль, оно опирается на те нормативно-правовые акты нашей страны, в соответствии с которыми осуществляется деятельность органов студенческого самоуправления. Конституция Российской Федерации гарантирует всем гражданам России право на объединение и свободу общественных объединений. Закон Российской Федерации «Об общественных объединениях» гарантирует право создавать общественные объединения по своему выбору без предварительного разрешения властей.

Право всем обучающимся на участие в управлении образовательным учреждением гарантирует закон «Об образовании», а законом «О вузовском и послевузовском образовании» установлено право обучающихся участвовать в обсуждении и решении важнейших вопросов деятельности высших учебных заведений, в том числе и через общественные объединения [5].

В современной постановке студенческого самоуправления просматриваются сейчас три основных функциональных предназначения, а именно:

- Студенческое самоуправление – как реальная форма студенческой демократии с соответствующими правами, возможностями и ответственностью;

- Студенческое самоуправление – как средство (ресурс) социально-правовой самозащиты.

- Студенческое самоуправление – как условие реализации творческой активности и самостоятельности в учебно-познавательном, научно-профессиональном и культурном отношениях [2].

Студенческое самоуправление есть одна из форм молодежной политики РФ, проводимая в целях консолидации студенческого общественного движения, наиболее полного использования потенциала студенчества в социально-экономических преобразованиях общества, решения студенческих проблем [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что студенческое самоуправление – это общественное, добровольное, самоуправляемое, некоммерческое объединение студентов, созданное по инициативе студентов на основе общности их интересов для управления всеми аспектами студенческой жизни. Рассмотрим социокультурный аспект студенческого самоуправления.

Система образования в XXI в. все более становится механизмом устойчивого социального развития, превращаясь в основной фактор изменения знаний, ценностей, поведения и образа жизни будущего специалиста. Качественно меняются и задачи воспитания студенческой молодежи. Важнейшим в подготовке современных специалистов выступает развитие их мировоззренческих, смысложизненных, самореализационных ориентаций, высоких нравственных качеств, профессиональной и общей культуры, гражданственности и ответственности, чувства собственного достоинства. Становление в России гражданского общества ориентирует высшее образование на формирование профессионально и социально компетентной, конкурентоспособной личности, способной к творчеству и самоопределению в условиях динамично меняющегося мира. Демократизация общественной жизни, системы образования, процессов обучения и воспитания требует продуктивного включения студентов в социально-значимую творческую деятельность, создания оптимальных условий для их саморазвития и участия в управлении вузом, решении всех вопросов вузовской жизни.

Однако, можно согласиться с исследователями, считающими самоуправление составной частью управления, развивающегося в рамках управления образовательным учреждением. Самоуправление, таким

образом, выступает как результат специально организуемого педагогического руководства. Но, в таком случае, получается, что организация, координация студенческого самоуправления во многом зависят от администрации учебного заведения.

Основная идея самоуправления заключается в передаче определенных управленческих функций студенчеству. Однако отсутствие должного уровня управленческой компетенции, необходимой социальной ответственности, несоблюдение принципов руководства, гармонизации целей и т. п. позволяют сделать предположение о невысокой степени эффективности самоуправления в студенческой среде в собственном смысле слова.

Соуправление как форма организационно-управленческих отношений позволяет сгладить обозначенные противоречия. Это понятие отражает необходимую, желательную и востребованную сегодня форму взаимодействия всех участников образовательного процесса. В этом случае студенческое соуправление можно рассматривать как тип организационно-управленческих отношений, основанный на включении всех участников системы образования в управленческий процесс, путем делегирования полномочий в соответствии с уровнем компетентности. Такой способ организации деятельности будет выступать фактором развития системы социальных отношений на принципах социального партнерства. При этом важно отметить, что студенческое соуправление, выступающее как механизм достижения гармоничного взаимодействия административного управления и самоуправления (индивидуального и коллективного уровня) обеспечивает поддержание баланса в образовательной системе между стимулированием обучения, с одной стороны, и противодействием учащихся к своему обучению и личностному развитию – с другой [4].

Учитывая то обстоятельство, что социокультурный подход к организации студенческого самоуправления практически не использовался в практике управления вузом, за исключением отдельных его элементов, нами выявлено достаточно противоречивое отношение студентов к процессам самоуправления.

С целью изучения отношения студентов к процессам самоуправления было проведено социологическое исследование в 3 этапа:

На первом этапе были изучены литературные источники по обозначенной проблеме, на втором этапе были разработаны анкеты и вопросы для интервьюирования. На третьем этапе (ноябрь – декабрь 2010 г.) было проведено анкетирование, в котором приняло участие 1356 студентов 3, 4, 5 курсов, что составляет 55 % от общего количества студентов (2465,45 чел.), обучающихся на указанных курсах, что доказывает репрезентативность выборки. При выборе методики был взят за основу подход В. И. Андреева [1].

Так, проведя исследование среди студентов трех вузов г. Кемерово (КемГУКИ, КемТИПП, КемГСХИ), стало ясно, что 24,0 % студентов считают, что могли бы участвовать в студенческом самоуправлении, но не хотят этим заниматься; каждому десятому оно совсем безразлично. Давая в большинстве своем (59 %) негативную оценку состоянию самоуправления в вузе, 51 % студентов считает, что его развитие сдерживается их собственной неподготовленностью, причем значительная часть и не хочет предпринимать каких-либо личных действий для изменения сложившегося положения. Крайне скептически относятся респонденты к возможности внедрения подлинного самоуправления. Свыше половины из них считают, что в вузе может быть только ограниченное самоуправление. Необходимо отметить рост неверия в самоуправление при переходе от младших курсов к старшим. Очевидно, это тенденция связана с различиями в возрастной психологии, ибо для большинства студентов переход в старшую возрастную группу молодежи преимущественно происходит на 3–4 курсе. Однако не меньшую роль в росте скептицизма студенчества играет реальная деятельность администрации, общественных организаций факультетов и вузов. Происходит определенное сдерживание этого развития путем ограничения самоуправления только сферой быта и, частично, отдыха.

В то же время, по мнению студентов, спектр студенческого самоуправления может быть гораздо шире и охватывать организацию учебного процесса, в том числе следующие стороны: составление расписания занятий и графика экзаменационной сессии – 45,5 % опрошенных учащихся высших учебных заведений; распределение мест в общежитии – 43,4 %; распределение внутри студенческой группы стипендиального фонда – 44,0 %; освобождение студентов от занятий по их личным

просьбам – 39,0 %; оценку качества проведения занятий – 30,4 %; совершенствование учебных программ и планов (включение новых курсов, изменение количества часов, рекомендованных для изучения учебного предмета, изменение соотношения лекционных и семинарских часов, распределение по вопросам студенческой практики) – 29,8 %; подбор кандидатур для учебы в аспирантуре – 17,4 %; решение вопросов материально-технического снабжения и обслуживания общежитий – 16,7 %. Важным аспектом самоуправления студенческой молодежи является формирование трудовой мотивации и профессиональное самоопределение. В современных условиях требования работодателей к наемным работникам включают в себя общекультурную и профессиональную компетентность, терпимость к переменам и гибкость в применении своих знаний. В студенческой среде 35,0 % придерживается мнения о том, что ценность человека определяется полезностью его труда для общества, а 44,0 % видят смысл своих образовательных и профессиональных усилий в самореализации и достижении успеха. Почти 100 % респондентов полагают, что именно высшее образование предоставляет возможности для широкого выбора видов деятельности, развивает способность адаптации к изменяющимся условиям жизни. Одновременно 78,0 % респондентов считают, что в России остро сталкиваются с проблемой труда не только малоквалифицированные рабочие, но и дипломированные специалисты.

Совместно с действующими структурами управления вузом студенческие советы участвуют в мероприятиях, где обсуждаются и утверждаются программы совершенствования учебно-воспитательного процесса; периодически заслушиваются отчеты заведующих кафедрами о качестве учебного процесса, учебных программах и современных методах обучения студентов; организуется обмен опытом работы кафедр и факультетов с привлечением специалистов из других вузов; обсуждается информация о воспитательной работе со студентами и вырабатываются меры по активизации деятельности студенческого актива; обсуждаются вопросы связи факультета с предприятиями, фирмами, учреждениями, выпускниками вуза, развития научных и гуманитарных связей со студенческими, молодежными и иными организациями и общественными объединениями в Российской Федерации и с зарубежными странами. На этой

основе организуется взаимодействие с ректоратом и деканатами, кураторами учебных групп и курсов по обеспечению учебно-воспитательной работы со студентами и аспирантами; участие в международных связях вуза с использованием соответствующих организационных структур и подразделений; осуществляется выработка рекомендаций по эффективному управлению средствами, выделенными вузом на внеучебную и воспитательную работу со студентами.

Литература

1. Андреев В. И. Конкурентология: учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – 468 с.
2. История развития студенческого самоуправления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studorg.ru>
3. Краткий словарь по социологии / сост. П. Д. Павленок. – М.: Кафедра, 2000. – С. 197–198.
4. Новиков В. Г. Самоуправление и соуправление как факторы социальной активности студентов в образовательном учреждении / В. Г. Новиков // Регионология. – 2008. – № 4. – С. 10–11.
5. Нормативно-правовая база студенческого самоуправления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studorg.ru/laws>
6. Письмо Минобрнауки «О развитии студенческого самоуправления», 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studorg.ru>
7. Самоуправление: от теории к практике. – М.: Юридическая литература, 1988.
8. Энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Энциклопедия, 1998. – С. 1065.

Раздел 2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Е. О. Кизицкая

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СМИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АСПЕКТ

В последнее десятилетие представители гуманитарных областей знания стали обращать внимание на деятельностный подход как метод решения научных проблем. «Для современного познания, особенно для гуманитарных дисциплин, понятие деятельности играет ключевую, методологически центральную роль, поскольку через него дается универсальная и фундаментальная характеристика человеческого мира» [1, с. 36]. В 1990-х гг. он был подвергнут критике, т. к., по мнению большинства ученых, советский период был производным от излишне идеологизированного учения.

Общая черта деятельностных концепций, созданных Гегелем и Марксом, – это идея опосредования. В целом, по Марксу, сознание и личность существуют лишь в результате деятельности по созданию внешнего объекта. Деятельностный подход в XX столетии развивался не только в марксовом варианте. Философия позднего Л. Витгенштейна также может рассматриваться как своеобразный и интересный вариант деятельностного подхода. У Витгенштейна коммуникация вплетена в реальные практические акты и сама может рассматриваться как практика. Философию Ж.-П. Сартра также можно трактовать как своеобразный вариант деятельностного подхода. Правда, по Сартру, деятельность уже предполагает существование сознания. Но это сознание бессодержательно и равнозначно ничто. Считается, что деятельностный подход в отечественной философии и психологии возник сначала в работах С. Л. Рубинштейна, а затем Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева. Известный культуролог Э. С. Маркарян выделял в деятельностном подходе два ос-

новых направления: одно рассматривает культуру в контексте личностного становления, другое характеризует ее как универсальное свойство общественной жизни.

Сама коммуникация может быть видом деятельности и быть формой создания социальной реальности. «Это означает, что деятельность индивидуального субъекта встраивается в систему политической культуры нации или группы, которые придают ей общий смысл и значение» [2, с. 53]. Главное здесь в том, что проникновение в область современных СМИ, объяснение через деятельность коллективную и индивидуальную (речь о блогах Рунета пойдет ниже) заставило увидеть реалии, которые были известны и раньше, но теперь могут выступить как объект специального изучения. Деятельностный же подход применяется, когда возникает потребность в объяснении закономерностей развития новой системы через объективированный в определенной форме результат ее действия. Обращение к нему обусловлено изменением специфики современной медиакультуры. Трансформация СМИ происходит за счет насыщенности, высокой плотности и совершенствования способов передачи и производства информации. Тексты СМИ становятся источником значимой для индивида информации о природной и социальной реальности, на основе которой он принимает жизненно важные решения. Информационная деятельность способствует изменению сознания и поведения человека в социокультурной среде. Имеется ряд определений понятия «деятельность». Нам наиболее импонирует определение, сформулированное доктором философии, социологом П. Д. Павленком [3, с. 64]. В соответствии с этим определением деятельность СМИ можно охарактеризовать как способ существования и развития действительности, проявление социально-культурной активности, целенаправленное отражение и преобразование окружающего мира. В данном случае, отражением окружающего мира следует считать наступление интернета на телевидение. Электронные СМИ, благодаря широким коммуникационным возможностям оперативности, являются наиболее эффективным инструментом управления мировоззрением личности на современном этапе. Наступление Интернета на телевидение началось в заключительное десятилетие XX в., но в последние время оно приобрело такие масштабы, что не заметить его невозможно. Сроки исчезновения телевидения называются разные, но то, что традиционного, привычного телеви-

дения не будет через 7–10 лет, это уже очевидно. Конечно, оно не исчезнет окончательно, но претерпит основательную трансформацию, сродни мутации.

По данным TNS Russia, доля пользователей Интернета в стране в среднем составляет: 92 % в категории 12–24 года, 76 % в населении 25–44 лет, 25 % в населении от 45 лет и более. Примечательно, что за последние два года на 42 % выросло количество пользователей мобильного интернета [4]. Проблема заключается в том, что для оценки качества электронных СМИ как продукции, которая уже активно продается, и которая влияет на формирование мировоззрения личности, нет устойчивых критериев. В этой связи необходимо более детальное изучение модели мутирующей коммуникации. Деятельностный подход позволяет на основании знания законов развития и функционирования СМИ выяснить факторы, сохраняющие и закономерно трансформирующие объект.

Целью анализа деятельности СМИ как коммуникации, с позиций культурологии, является рассмотрение способов реализации деятельности СМИ и соотнесение этих способов с задачами отражения современной действительности. Данная статья направлена на выявление причин трансформации телевидения, механизмов преобразования ТВ в универсальную модель института общественной жизни в информационном обществе. То, что в настоящее время оно таковым не является, объясняется, на наш взгляд, не только медиакратическими принципами формирования контента, но и существующей моделью «вещательного», монологического ТВ, не предполагающего дискурсов, диалогов с обществом, доминированием субъект-объектных отношений.

Очевидно, что интеграция в обществе подразумевает взаимосвязь между социальной и личностной системами. Еще не так давно, буквально в конце 1990-х гг. мы могли бы с уверенностью сказать: «Телевизор – символический центр семейной жизни, жизни дома как таковой – как свет в прихожей и в комнате или комнатах: входя, его тут же включают» [5, с. 174]. Но уже современный информационный мир оставил далеко позади ориентиры в направлении гармонии, традиции, гуманизма. Появились новые приоритеты. Парадокс современности состоит в том, что совершенствование средств массовой коммуникации, послужило усилению обособленности человека. Множество современных средств связи создают лишь видимость доступности межличностного общения. Соци-

альные сети заменяют встречи, договоренности формируют телефонные звонки и факсы, консилиумы и конгрессы – видеоконференции. В реальной действительности, быть «в контакте» – фактически означает быть в мире виртуальном. Именно СМИ, используя возможность беспрепятственного проникновения в дом, незаметно проникают в сознание, управляют привычками, предпочтениями, временем. В итоге определяют сознание бытия. Французский философ, культуролог, социолог XX в. А. Моль пишет о СМИ: «Они фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют, таким образом, все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» [6, с. 178]. Здесь, видимо, самое время согласиться, т. к. поляризация неминуемо создает двойственную или желаемую, картину мира, а значит, влияет на восприятие, формирует массовые заблуждения.

Возвращаясь к деятельности СМИ, отметим, что в современной науке выявлено два способа ее реализации, два подхода – пропагандистский и журналистский. Разные потоки коммуникации, в которые оказывается втянутым современный человек, настолько многочисленны и разнородны, что индивидуальное сознание оказывается «перенасыщенным» и «фрагментированным». Человек зачастую не может рассматриваться как автор своих поступков, т. к. реагирует в основном в соответствии с теми системами коммуникации, в которых оказался случайно. Сторонники пропагандистского подхода утверждают, что средства массовой информации оказывают серьезное влияние на граждан, на их общественные ориентации. Теоретической основой для сторонников этого подхода стала работа американского эссеиста, политического обозревателя У. Липпмана «Общественное мнение» [7, с. 157]. В ней автор, изучая влияние СМИ, пришел к выводу, что средства массовой информации всемогущи в формировании политических пристрастий граждан. Позже эта теория была дополнена Б. Коэном, который открыл и дал определение особого эффекта СМИ, позволяющего им управлять информационными потоками и темами общественных дискуссий. Он назвал этот эффект формированием повестки дня. Новый тезис состоял в том, что средства массовой информации не могут заставить людей думать оп-

ределенным образом, но могут указать своим слушателям, о чем думать. В дальнейшем эту теорию поддержал французский социолог и философ П. Бурдьё, склоняющийся к мнению, что СМИ являются главным инструментом «оболванивания» масс [8, с. 160].

Сторонники журналистского подхода отправляют нас к главным традициям и ценностям европейской культуры. Одна из таких ценностей, идущая от христианства, легшего в основание этой культуры, – это признание субъективного мира, «внутреннего человека», независимого в своих решениях от конкретной ситуации и от давления социальных обстоятельств (декартовское понимание внутреннего мира как чего-то принципиально отличного от мира внешнего). Основная мысль в том, что степень непосредственного влияния СМИ на аудиторию ничтожна из-за ряда опосредованных факторов. По их мнению, средства массовой информации всего лишь дают человеку некую информацию о политическом мире, не затрагивая его индивидуальные предпочтения. Известный американский социолог П. Лазарсфельд, анализируя влияние СМИ, пришел к выводу, что информация, переданная гражданину по каналам СМИ, лишь усиливает уже существующие установки и ориентации. Эти ориентации сформировались под воздействием таких факторов, как доход, социальный статус или профессия [9, с. 16].

Таким образом, современный человек не может уклониться от воздействия, т. е. исключить деятельность СМИ (под культурой А. Моль понимает все стороны организации общественной жизни, которые не даны природой в первоначальном виде). Воздействие СМИ на общественное мнение получило название «манипуляция сознанием». Иными словами, для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться. Стоит отметить, что особенно хорошо это до последнего времени удавалось телевидению. Бессмысленно и неучтиво, по нашему мнению, отрицать то, что невероятно высока и символическая роль телевидения в массовой картине мировой истории. Среди важнейших открытий XX в. телевидение в России (по данным социологического опроса, проведенном на рубеже веков Фондом общественного мнения ТВ) следует за электричеством. На эти позиции телевидения указали 37 % из 1600 опрошенных россиян. 34 % россиян относят телевидение к числу самых крупных технических достижений столетия (в этом плане оно почти не уступает главному достижению века

и России – полетам в Космос, их назвали 35 % опрошенных). Характерное для ТВ соединение семантики приобщенности со значениями дистанцированности обретает в наших условиях особый смысл: отстраненности, неучастия, взгляда со стороны, происходящего или произошедшего «не со мной» [10, с. 305].

В отличие от телевидения Интернет не обладает подобным «статусным» восприятием. Всемирная сеть многими сегодня воспринимается как личное пространство, как «дитя своего времени». Вопрос сегодня состоит в другом: почему аудитория ТВ охладевает к прежнему «центру семейной жизни», ведь развлекательный компонент только увеличивается. Тревожной тенденцией можно назвать то, что данные из регионов разнятся со сведениями федеральных каналов. Обратимся к эмпирическому материалу – новостным передачам региональных СМИ. Так, например, замалчивалась (как в первые дни, так и в дальнейшем) истинная информация об аварии на Саяно-Шушенской ГЭС. Другим примером может служить представление телеэфирами информации о взрыве на шахте «Распадская». О последнем событии с уверенностью можно говорить, что телезритель знал лишь о том, что обстоятельства трагедии расследуются, а ход расследования контролируется премьер-министром. Но информация о перекрытии железной дороги шахтерами оставалась недоступной. Телевидение не пускало в эфир кадров с места событий. В лучшем случае, российскому зрителю предоставлялась возможность получить информацию о требованиях шахтеров в пересказе, от третьих лиц. Таким образом, большинство россиян не владели полнотой информации. Но действительность оказалась такова, что жители Междуреченска сами решили формировать информационное поле, приняв деятельное участие в освещении происходящего. Блоги Рунета «заходились» в эмоциях, интернет-сообщество недоумевало, почему замалчивается такая простая фактическая информация. Не в лучшем положении оказались и кузбассовцы. Причина такого положения кроется в том, что телевизионная региональная конкуренция отсутствует уже несколько лет. Городские каналы, связанные условиями лицензирования, не уполномочены не только вещать на областном уровне, но и вести расширенный сбор информации. Так что все, что монополю выдает ГТРК в территориальной близости к своей аудитории, на самом деле, результат тотальной установочной политики и жесткого контроля центра. Спецслужбы, и это

не секрет, также отслеживают в сети и пытаются удалять «излишние потоки», где пользователи размещают информационные подробности. Можно сделать вывод, что государство добровольно ограничивает собственную картину мира, а анализ доступной ему информации сужает до простейших интерпретационных схем. Это дополнительно наращивает степень «беспорядка», т. к. совершенно очевидно, общество и традиционные органы управления не успевают вовремя и адекватно реагировать на события. Подобное положение вещей отчасти обусловлено тем, что в информационную эпоху частота событий увеличивается, а скорость происходящих процессов постоянно растет.

Всемирная сеть, в результате, очень настойчиво действует без ограничений, без оглядки на смысловые движения текста, культурное и политическое осмысление происходящего. В стремлении к большей оперативности телевидение все чаще задействует возможности Интернета. Сеть, затягивая пользователей, выкладывает и в дальнейшем мощно тиражирует наиболее удачный, яркий контент.

Сплав ТВ и Интернета, их симбиоз проявляется все отчетливей, рождает новую культуру современности СМИ. Сегодня мы имеем общество, где СМИ практически выполнило свою миссию, «задачей которого, является использование содержания потребляемых благ, техники их производства и распределения в целях подчинения массового сознания интересам монополий и государственного аппарата, искажения и заглушения протеста» [11, с. 67]. Возможно, что именно Интернет не позволит телевидению вернуться назад в свое «дореформенное» прошлое. Предпосылки таковы, что, скорее всего, пользователи сами сделают свой выбор в пользу Интернета, потому что он не только выглядит, но является по-настоящему более свободным, точнее, в меньшей степени подцензурным. Население активно подключает услуги кабельного, спутникового и цифрового телевидения в поисках более качественной информации и более интересного контента. Уже сейчас люди 16–25 лет практически не смотрят эфирные телеканалы. Бесплатное ТВ остается уделом в основном людей старшего поколения, и понятие «цифровое телевидение» для них – просто набор слов. Интернет-телевидение текущего момента выглядит следующим образом: каждый федеральный телеканал располагает собственным сайтом, где можно бесплатно смотреть короткие ролики телепередач. Однако в будущем названное направление деятельности,

скорее всего, будет развиваться по принципу IP-TV. Иными словами, речь идет о так называемом «телевидении на заказ». Телевизионные услуги предоставляет интернет-оператор. Тематика, набор каналов, соответствующая направленность, жанр фильмов и передач окажется зависимым от предпочтений каждой конкретной семьи, конкретного человека. Очевидно, что в этой ситуации вхождение в избирательное субъективно-личностное пространство и манипулировании им станет крайне затруднительным. Степень массовости воздействия ослабнет. Значит и пропагандистский, и журналистский подходы, как формы действия, способы функционирования СМИ, подвергнутся корректировке. Индивид органично вращается в потоки сообщений, которые в силах формировать, в том числе и самостоятельно. Аудитория становится активным социальным началом многосторонней телевизионной коммуникации, приобретает черты одного из функциональных элементов политического управления.

В настоящее время общество переживает появление новой информационной среды. Дело не только в том, что в сети уровень журналистики требует инноваций, социум заявляет требования иных механизмов в обеспечении информационной деятельности. Думается, в современных условиях перспективы деятельности СМИ следует связывать подходом, который можно именовать мультимедийным. Он позволит объединять и аккумулировать в сообщениях любые формы аудиовизуальной и текстовой информации. Кроме того, к преимуществам мультимедийного подхода относятся:

- 1) свобода в выборе формы сообщения, конструирование собственных медиа и, следовательно, и возможность тонкой регуляции силы воздействия;
- 2) возможность синтеза свойств телевидения, радио и прессы, в теле одного сообщения;
- 3) отсутствие необходимости «пересказа», явного или подразумеваемого, визуальных сообщений в текстовой или аудиоформах;
- 4) наличие скорой обратной связи, отклика на информацию;
- 5) возможность выбора и управления контентом.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в условиях современной деятельности СМИ пропагандистский и журналистский подходы постепенно утрачивают свою актуальность и форми-

руется новый мультимедийный подход. Полагаем, его эффективность проявится в случае реализации модели публичной медиасферы. Действие же может быть обусловлено только свободным доступом к информации и культурным ценностям, накопленным человечеством. Достижения результативности подхода возможно при условии открытого выражения мнений и, как следствие, свободном потоке идей, представляющих базовые ценности демократии. Мультимедийный подход представляет собой функциональное олицетворение диалога, в определенном смысле глобального дискурса информационного общества. Он неминуемо ведет к упрочению гражданской самостоятельности, политического сознания, уверенного в том, что оно способно трансформировать, корректировать, т. е. влиять на окружающую среду. Переход пассивного зрителя в положение активного участника коммуникационного процесса ставит государство и общество перед необходимостью разработки новых форм организации и управления вещательными системами. Как раз в настоящее время система нормативного регулирования СМИ находится в стадии формирования. Не вызывает сомнения, что в отношении Интернета, который пока не имеет четкого правового поля деятельности, что соответственно влечет бессубъектность распространителя массовой информации, все-таки появится правовая возможность воздействия.

Это предполагает в дальнейшем соответствующие теоретические исследования и разворачивание конкретной теории на основании развития исходной концептуальной схемы.

Литература

1. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. – М., 1978. – 391 с.
2. Голев С. В. Политическая психология: словарь-справочник. – Херсон: ОМУРЧ «Украина» ХФ, 2004. – 164 с.
3. Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности / под ред. П. Д. Павленка. – М., 2004. – 236 с.
4. Агентство TNS (Taylor Nelson Sofres) в России. Измерение аудиторий СМИ, синдикативные и заказные исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.thg.ru/technews/20101107_210400.html (дата обращения: 22.12.2010).
5. Морли Д. Телевидение: Не визуальная среда, а видимый объект визуальной культуры // Мифы телевидения. – N. Y., 1995. – 295 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2002. – 392 с.

7. Липпман У. Общественное мнение. – М.: ФОМ, 2004. – 559 с.
8. Бурдые П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. Г. Анисимова и Ю. Маркова. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», «Институт экспериментальной социологии», 2002. – 160 с.
9. Лазарсфельд П. Ф. Замечания по административным и критическим исследованиям в области связи // Исследования в философии и социальных науках. – М.: Прогресс, 1941. – Ч. 2, № 9. – 98 с.
10. Левада Ю. Индикаторы и парадигмы культуры в общественном мнении // От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000. – М., 2000. – 576 с.
11. Смольская Е. П. Массовая культура: развлечение или политика? – М.: Мысль, 1986. – 142 с.

М. А. Алексеенко

СМЫСЛ И ПОНИМАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Настоящая работа посвящена проблеме скрытых смыслов в художественном тексте. Как известно, интерпретация художественного текста рассматривается в качестве научной основы различными дисциплинами. Герменевтика в этом междисциплинарном ряду приобретает особое значение как методология толкования, целью которого является раскрытие смысла художественных образов текста. Следует принять во внимание, что главной целью изучения текста всегда является толкование смысла.

Попытка рассмотреть текст в аспекте понимания исходит из того, что смысл художественного текста является своего рода продуктом, результатом понимания. Понимание же рассматривается как результат рефлексии. Когда мы пытаемся правильно понять, истолковать замысел автора, мы, естественно, говорим о смысле текста. Традиционно понимание текста рассматривается как процесс установления его смысла. Таким образом, смысл объединяет выраженное содержание и невыраженный подтекст, т. е. объект понимания, который включает в себе замысел автора. Кроме того, при интерпретации текста нельзя не принимать во внимание читателя, т. е. субъекта понимания.

Традиционно вопросами понимания, в том числе и понимания художественного текста, занимается герменевтика – «методология толкования, интерпретации, в основе которой лежит рефлексия, а целью является понимание данного текста, понимание во всем объеме его художественно-языковых особенностей» [4, с. 46]. Как искусство толкования герменевтика есть способ выявления некоего неявного смысла в, казалось бы, очевидном и привычном. Таким образом, категория смысла – это центральная категория герменевтики.

Развитие герменевтики как науки определялось формированием различных концепций смысла и, соответственно, моделей понимания. Принимая во внимание труды видных теоретиков герменевтики, можно выделить три основных направления.

Первая концепция говорит о том, что смысл текста тождественен замыслу его автора. Представителями данного направления в слове выделялся только буквальный смысл. В XIX в. эта традиция была развита в работах Ф. Шлейермахера, который предполагал, что понимание текста связано с проникновением в духовный мир создателя этого текста и повторением его творческого пути. Герменевтические идеи Ф. Шлейермахера были основаны на абсолютизации установки на целостность и замкнутость художественного произведения и культурного текста как такового. Ученый считал, что «совершенство произведения искусства как целостности состоит прежде всего в том, что художественное произведение есть нечто в себе совершенно замкнутое» [8, с. 292]. Предполагаемая модель понимания основывалась на «вживании», «вчувствовании», «перемещении» в духовный мир автора. Шлейермахер полагал, что важно проникнуть в духовный мир автора, и это даст точное понимание того, что автор пытался выразить в своем произведении.

Как известно, Ф. Шлейермахеру принадлежит центральная идея герменевтики – идея герменевтического круга. Метод герменевтического круга, определяющий толкование целого через его части, а частей в их отношении к целому, стал основным методом герменевтического толкования. Герменевтический круг Шлейермахера ограничен текстом и исключает субъекта понимания, т. е. читателя.

Герменевтика Шлейермахера получила дальнейшее развитие в трудах В. Дильтея. Дильтей также определяет высшие формы понимания

как «вникание», «вживание» исследователя в духовное выражение другого, воспроизведение того, что уже имело место в истории, а также «истолкование», «интерпретацию» предмета, представленного в тексте. Дильтей ввел в герменевтический круг понимания автора с его «внешними» характеристиками, обуславливающими лучшее понимание его творения. Но, как и в трудах Ф. Шлейермахера, субъект понимания остается за чертой герменевтического круга. Смысл текста в данной концепции равен замыслу автора и должен быть воссоздан в том объеме, в котором его замыслил автор.

В отличие от вышеописанного, второе направление связано с абсолютизацией главенствующей роли понимания. В современной литературе по герменевтике эта точка зрения представлена в работах Р. Ингардена. По мнению автора, «произведение художественной литературы не является, строго говоря, конкретным объектом эстетического восприятия. Оно, взятое само по себе, представляет собой лишь костяк, который в ряде отношений дополняется или восполняется читателем, а в некоторых случаях подвергается также изменениям или искажениям» [6, с. 72]. Источником этих трансформаций является, безусловно, работа мысли самого читателя. Иначе говоря, смысл художественного произведения, воссоздаваемый читателем, определяется исключительно личностными особенностями и характеристиками понимающего субъекта, его культурной принадлежностью.

В современной науке данной концепции придерживаются представители так называемого интерпретационизма, для которого все идеальное, духовное, мыслимое есть только субъективное. Так, по мнению В. Демьянкова, «текст не обладает значением (т. е. смыслом) сам по себе: значения привносятся в тексты говорящими и слушающими», а «интерпретация скорее состоит в создании значения» [5, с. 54]. Также утверждается, что каждый читатель волен воспринимать текст так, как ему угодно и придавать ему любые смысловые оттенки. Очевидно, что при такой субъективистской концепции смысла толкование текста может превратиться в процедуру приписывания смысла, в том числе и противоречащего замыслу автора.

Таким образом, мы можем утверждать, что первая концепция понимания не дает полноценного объяснения проблемы множественности

толкований. К тому же не принимается во внимание тот факт, что смысловая нагрузка художественного произведения может увеличиваться с течением времени. В то же самое время второе направление отличается субъективизмом и, в общем-то, приводит к мысли о непознаваемости истинного смысла.

По мнению Солодиловой И. А., решение данной проблемы предлагает третья модель, основывающаяся на онтологическом понимании смысла [7, с. 21]. Концепция онтологического понимания смысла получила свое развитие на Западе в рамках так называемой «философской герменевтики» и прежде всего в трудах Г.-Г. Гадамера. По его мнению, «диапазон осмысления не может ограничиться ни тем, что автор изначально имел в виду, ни кругозором человека, которому текст изначально был адресован» [3, с. 85].

Учение М. Хайдеггера вызвало пересмотр основ герменевтических традиций. Определение понимания как способа бытия человека неизбежно вело к включению понимающего в герменевтический круг: тот, «кто понимает, изначально вовлечен внутрь того, что понимается». Принимая идеи М. Хайдеггера, Гадамер определяет понимание художественного текста как экзистенциальное событие человеческой жизни. И если прежняя герменевтика при объяснении процесса и результатов толкования сталкивалась с необходимостью выйти из этого круга или разорвать его, то теперь подчеркивалась невозможность и ненужность такого подхода. Задача не в том, чтобы из этого круга выйти, а в том, чтобы в него правильно войти. По мнению Гадамера, главное в понимании – это само дело, суть дела, которое «является не только моим делом или делом автора, но нашим собственным делом» [2, с. 387].

Таким образом, Гадамер одним из первых опровергает концепцию сведения смысла текста к его замыслу, на что была направлена традиционная герменевтическая стратегия толкования Ф. Шлейермахера. Основной герменевтической процедурой является, по Гадамеру, не перемещение, а применение. Дело заключается не в том, чтобы переместиться в ситуацию автора и отождествить себя с ним, что в действительности невозможно, а в том, чтобы применить опыт автора к себе. Иными словами, цель интерпретации не в воссоздании или реконструкции первичного (авторского) смысла текста, а в создании, или конструкции, смысла заново.

Таким образом, смысловое пространство художественного текста включает в себя наряду с намерением автора и намерение читателя, и сам текст. Смысл художественного текста есть не нечто раз и навсегда данное, объективно существующее вне зависимости от человека (что утверждалось представителями первой концепции), а, напротив, принадлежит ему как субъекту понимания как осознаваемое им и в то же время привязанное к тексту, его структуре и языковым средствам.

В отечественной науке данные проблемы активно разрабатываются в последнее время герменевтической школой, сформировавшейся в Тверском государственном университете. Термин «смысл», в широком понимании, используется в работах представителей данной школы в определении Г. П. Щедровицкого как «та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения» [Цит. по: 1, с. 45].

Отнесенность смысла к субъекту понимания, иными словами, включенность в герменевтический круг, позволяет разрешить проблему адекватности восприятия, множественности толкований художественного текста, возрастания его смысловой емкости от эпохи к эпохе. Уникальность внутреннего мира каждого читателя как субъекта понимания, обусловленная его образованием, вероисповеданием и т. д. неизбежно предполагает нетождественность толкований. Разное прочтение одного и того же текста связано также и с эпохой, в которой интерпретатор обращается к тексту.

Высокохудожественное произведение, вызывая к себе интерес все новых поколений читателей, будет приобретать смысловые оттенки и давать ответы на рождаемые новой эпохой вопросы. Смена культурно-исторического контекста обуславливает появление новых дополнительных смыслов, не свойственных произведению в период его создания автором.

Решение проблемы смыслового обогащения художественных текстов связано также и с относительным характером процесса понимания: расширение читательского кругозора, изменение его картины мира является причиной увеличения смысловой нагрузки художественного текста.

Отчасти привязанный к своей исторической эпохе художественный текст, созданный в прошлом, каждый раз может по-новому отвечать

на те вопросы, которые ему задаются, и задавать новые, которых не было в намерениях автора. Именно в этом смысле можно говорить об открытости художественного произведения для все новых интерпретаций. Это еще раз подчеркивает процессуальную природу смысла. Бесконечность смысловых вариантов обусловлена самим фактом существования текста, т. к. текст будет продолжать жить до тех пор, пока он понимается и осмысливается человеком.

Литература

1. Богин Г. И. Субстанциальная сторона понимания текста. – Тверь: ТГУ, 1993. – 137 с.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 368 с.
4. Гучинская Н. О. Границы стилистики, поэтики и герменевтики при интерпретации художественного текста // Междисциплинарная интерпретация художественного текста. – СПб.: Образование, 1995. – С. 44–51.
5. Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. – М.: МГУ, 1989. – 171 с.
6. Ингарден Р. Исследования по эстетике. – М.: Ин. лит., 1962. – 572 с.
7. Солодилова И. А. Смысл художественного текста. Словесный образ как актуализатор смысла. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. – 153 с.
8. Шлейермахер Ф. Лекции по эстетике // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. – М.: Искусство, 1967. – Т. 3. – 1006 с.

А. И. Тюлюева

КОНЦЕПТУАЛИЗМ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ПОСТМОДЕРНА

На стене в затемненной комнате высвечивается неоновая строчка: «Пять слов из оранжевого неона». Так называется произведение американского концептуалиста Джозефа Кошута, которое, собственно, и состоит из одной этой надписи. Зрителю, если он расположен к размышлению, предлагается вспомнить все свои ощущения от всех неоновых строк, пустых пространств, легкого сияния теплого света. Впрочем, ассоциации могут возникнуть любые. Ни одна из них не навязана и

не обязательна, поскольку в концептуализме важно не само изображение, а его значение.

Концептуализм, предстающий в последнее двадцатилетие предметом истории культуры и искусства, опирается на узловые, теоретико-смысловые каноны и принципы культуры постмодерна, которая в свою очередь выполняет функцию знаково-ценностной платформы в области искусства. Известно, что современный период культуры интерпретируют как явление «интертекста» – соотношение, взаимодействие текстов друг с другом, обеспечивающее превращение смысла на заданный автором. Настоящая ситуация стала ключом и определила смысловые перспективы концептуального творчества, которое в дальнейшем объявили неофициальным искусством в силу социально-реформаторских обстоятельств, определивших судьбу, содержание и назначение данного вида искусства. Это привело к подбору и формированию сугубо индивидуальных необходимых форм и методов в подаче информации.

В традиционном понимании концептуализма у теоретиков и исследователей эпохи постмодерна сформировалось однозначное мнение, согласно которому, данный вид искусства трактовался своеобразным разрушительным орудием тоталитарного мышления, закостенелых социалистических образов и форм. Язык концептуализма представляет собой способ развенчания официальной идеологии и, в то же время, метод развития художественной мысли, которая может стать актуальной в новой модели мира. Однако не всем и не всегда понятно, чем и к чему апеллирует концептуализм в культуре постмодерна. С одной стороны, концептуализм представляет собой некий приспособительный механизм современного вида искусства, вмещающий своеобразные, многофункциональные взгляды автора, с другой – данный вид искусства возник вовсе не случайно, для его формирования имелись достаточно основательные предпосылки. Именно последний факт является наиболее важным, актуальным и исходным в настоящем исследовании.

В связи с этим, целью настоящей статьи стало рассмотрение направления концептуализма на предмет рецепции прошлого в настоящем.

Прежде всего, следует обозначить причины возникновения концептуализма в культуре постмодерна. Начнем с того, что наиглавнейшим условием возникновения нового культурного периода, именуемого ныне постмодерном, в середине XX в., явилась потеря смысла как такового

в мировоззренческих началах, которые во все времена обрамляли художественные образы автора-демиурга. Поэтому современные художники, зараженные новой мировоззренческой парадигмой, стремятся доказать всем своим «потенциальным реципиентам (читателям, слушателям, зрителям), что любой рациональный и традиционно постигаемый смысл является «проблемой для современного человека» [3]. На основании этого можно констатировать большое количество многоплановых интерпретаций, отражающих царящий умонастрой. В этом ряду стоят постулаты: «мир как хаос» и «постмодернистская чувствительность», «мир как текст» и «интертекстуальность», «кризис авторитетов» и «эпистемологическая неуверенность», «двойное кодирование» и «пародийный модус повествования» или «пастиш», «противоречивость», «дискретность», «фрагментарность» повествования и «метарассказ». Они наполняют содержанием концептуальные экспозиции и встраиваются в эстетический план.

Поэтому и возникает трактовка постмодерна как культурного явления, представляющего собой некую игру, эксперимент, который расценивается самодостаточным, ведь в возникшем хаосе не существует ни верха, ни низа. «Постмодернизму ничего не докажешь и даже ни в чем его не упрекнешь: для него нет ни верного, ни неверного, ни правды, ни фальши, ни чистого, ни грязного... Ведь в свалке “элементов” – в отличие от порядка, иерархии и гармонии – ничего нельзя испортить, что с нею ни делай: все будет одинаково “интересно”» [4]. Напрашивается желание уточнить сущность явления постмодернизма, который представляет собой не жанр, не школу и даже не художественный образ. Постмодернизм – это бытие, ситуация в оценке автора, которая возникает в концептуальном виде как априори идей творца, поскольку, расставляя акценты художественного восприятия, он переносит их на воображение зрителя. Ввиду того, что в художественном творчестве автора отсутствует обращение к ценностно-предпочитаемым образам, осуществляется межкультурное взаимодействие образа, который наблюдается не только в процессах глобализации культуры, но и в межисторическом взаимодействии. Это – своего рода унификация культур, как в горизонтальном, так и в вертикальном историческом плане. Данные следы, возродившиеся образы ушедших культурных эпох именуют рецепциями.

Интерес к возникновению в современном искусстве, а позднее и в литературе, концептуализма обусловлен настоящим подтекстом, а именно, концептуализм является рецепиентно наследуемым, возродившимся со времен Средневековья. Приведем сравнение из справочных источников. Словарь культуры XX в. отсылает нас к следующему определению: «Концептуализм – направление в искусстве, прозе и поэзии последних двадцати лет советского строя, возникшее как эстетическая реакция на “зрелый” социалистический реализм, на искусство застоя и его реальность» [6]. Философский и современный энциклопедический словарь акцентирует наше внимание на том, что «концептуализм – (от лат. *conceptus* – мысль, представление) направление в средневековой схоластической философии» [6]. Не значит ли это, что словари противоречат или сообщают о двух разноплановых категориях? Вовсе нет. Ведь ретроспектива современного концептуализма, устанавливаемая словарем культуры XX в., определяется значением концептуализма второго.

Средневековый концептуализм возник в процессе споров об универсалиях и стал своеобразным результатом этой полемики. Как существует то, что мы называем «общим» для той или иной совокупности вещей? Отвечая на этот вопрос, схоласты разделились на номиналистов и реалистов. Стоит вспомнить, как разошлись мнения двух крайне противоположных средневековых направлений. Понимание номиналистов в определении сущности общих понятий по отношению к единичным вещам заключалось в имени (от лат. *nomen* – имя, название) – отсюда и название номиналисты. Они утверждали, что общие понятия являются лишь именами единичных предметов (признавали первичность вещей и вторичность понятий), а качества общих понятий, существующие реально, не соответствуют единичным предметам, поэтому они существуют лишь субъективно. По-другому обстояло с реалистами (*realis* – вещественный), утверждающими и верящими, что общее существует в единичном, а качества соответствуют понятиям.

Полемику о природе универсалий продолжил Пьер Абеляр (1079–1142 гг.) – французский философ и теолог, ученик номиналиста и реалиста. Ему было знакомо и понятно мнение крайних представителей этой философской дискуссии. Поэтому, размышляя и развивая суть их взглядов, исследуя и преодолевая крайности, он пришел к унифицированной, новаторской позиции, согласно которой, существующие общие признаки

предусматриваются в единичных предметах в качестве основания для объединения их в класс, что фиксируется в мыслительных актах субъекта. Именно это философское положение оформилось в средневековье под названием концептуализма. Более наглядно это можно представить на схеме:

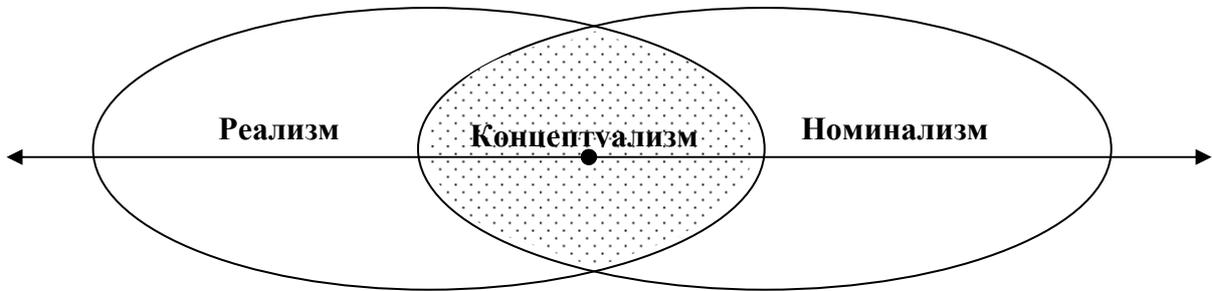

Рис. 1.

«Концептуализм (от лат. *conceptus* – мысль, понятие) – термин, используемый для обозначения философских направлений, занимающих промежуточное положение между средневековым реализмом и номинализмом в решении проблемы универсалий», – читаем в одном из современных философских энциклопедических изданий [2, с. 508].

Таким образом, получается, что в решении существующей проблемы средневековыми философами (если взглянуть в корень происходящих споров) все достаточно логично. Размышляя над вопросами бытия, пытаясь рационально соотнести три очевидных категории: то, что окружает нас, обозначается как вещи; то, что возникает в голове, именуется идеями, а изъяснения осуществляются при помощи слов. Образовавшийся треугольник – «вещи–идеи–слова» – и составил суть замысловатой теоремы, решить которую в далекие теологические времена можно было несколькими способами. Номиналисты стояли на том, что первичны вещи, через которые отражается и познается мир, а точнее, к которому мы подстраиваемся с помощью слов-идей. Поэтому у номиналистов наблюдается первичность вещей и вторичность понятий. Реалисты размышляли проще. В своих взглядах они полагали, что мир идей и мир вещей взаимосвязан. Эти миры являются равнозначными и приобретают единство при помощи слов. В свою очередь, концептуализм видел выход *в принятии идей основополагающей категорией*, а вещи лишь помогают формулировать их словами-понятиями.

Именно эта философская позиция узнаваема и понятна в кругах единомышленников, ценителей и любителей современного московского концептуального творчества. Она движет современных авторов-концептуалистов в художественных затеях, в реализации постмодернистского умонастроения. «Художник начинает мазать не по холсту, а по зрителю», – говорит Илья Кабаков, имея в виду то, что произведение концептуализма рождается в тот момент, когда идея автора соединяется с мыслями зрителя по этому поводу. Акцент переносится с самого произведения искусства на его восприятие. Ведь секретом концептуального творчества является не художественная ценность экспонатов, их невозможно продать или купить, и в этом даже не возникает надобности, потому что в композиции могут использоваться всевозможные предметы обихода, в том числе вещи со свалки, а порой в показе экспоната принимает участие сам автор. Так, например, был случай, когда американский концептуалист Стюарт Брисли, во время выставки в течение двух недель часами лежал в ванне, наполненной грязной черной жидкостью, в Лондонской художественной галерее, демонстрируя намек на загрязнение среды и плохую экологию.

Это еще раз свидетельствует о том, что главное в концептуальном постмодернистском творчестве, как и в концептуальной средневековой философии – это идея-мысль, а вещи и слова лишь способствуют, формируют главную задачу. Для более полного доказательства можно привести мысль одного из известных основоположников современного концептуализма Джозефа Кошута. В статье под обещающим названием «Искусство после философии» (1969 г.) он проливает свет на то, что основное значение концептуализма состоит в коренном переосмыслении того, каким образом функционирует произведение искусства или сама культура: как может меняться смысл, даже если материал не меняется. Он считает, что «физическая оболочка должна быть разрушена, т. к. искусство – это сила идеи, а не материала» [5]. Более весомую характеристику дает известный поэт-концептуалист Лев Рубинштейн: «Концептуализмов ровно столько, сколько людей себя к ним причисляющих, и каждый это по-своему интерпретирует» [1].

Для наблюдения прошлого, которое проявилось в настоящем, безусловно, имеются веские вышеизложенные причины, объединившие различные теоретико-смысловые тенденции. Только если в Средневеко-

вье концептуализм мог быть философской теорией, формой абстрактных размышлений, то в современный культурный период, авторы, подхватившие средневековую мысль, реализовывают ее в эмпирическом, художественном контексте. Современные концептуалисты одушевили ее, обогатили предметным содержанием, придали ей логическое завершение. Ведь в искусственной модели мира, в которой не делается различий между «словами» и «вещами», стал актуальным известный основополагающий тезис постмодернистов «мир как текст», а текст, как известно, апеллирует к мысли-идеи.

Подводя итог всему вышеизложенному, стоит сказать, что содержание настоящей статьи не в полном объеме рассматривает единство и различие концептуализма средневекового и постмодернистского, более того не рассматривает различие между двумя историческими направлениями, которые, бесспорно, имеются. Первостепенной задачей автора было выявить и обосновать то, что средневековый концептуализм актуализировался в художественной культуре эпохи Постмодерна.

Литература

1. Арт-Азбука [Электронный ресурс]. Концептуализм (в т. ч. «Московский романтический»). – Режим доступа: <http://azbuka.gif.ru/alfabet/k/conceptualism> (дата обращения: 14.03.2011).
2. Всемирная энциклопедия философии / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Минск-М.: Современный литератор, 2001. – 731 с.
3. Глава III. Постмодернизм как потенциал «Духа времени» конца XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/il/8.html> (дата обращения: 11.03.2011).
4. Издательство «Лицей» [Электронный ресурс]. Концептуализм: манифесты, идеи, основы концептуалистского искусства. – Режим доступа: <http://www.licey.net/lit/poet20/konceptManifest> (дата обращения: 11.03.2011).
5. Концептуализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://imc.rkc-74.ru/dlrstore/5/501b2de3-6199-f145-4cb8-74212119ce58/1011125A.htm/> (дата обращения: 10.03.2011).
6. Русский гуманитарный университет – словари и справочники [Электронный ресурс]. Концептуализм. – Режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio/dict.aspx?key=%EA%EЕ.ru/ED.ru/F6%E5.ru/EF.ru/F2.ru/F3%E0.ru/EB%E8%E7%EC&wh0=0&d0=on&wh=0&d=/> (дата обращения: 10.03.2011).

ЦЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В СИТУАЦИИ ИНТЕРАКТИВА

Ценностный аспект речевой культуры в условиях современного информационного общества обретает особую актуальность. Аксиологический подход затрагивает все сферы индивидуального и общественного сознания, в том числе и речевую культуру как область духовной культуры. К отечественным исследователям двадцатого столетия, способствовавшим развитию теории ценностей, можно отнести М. М. Бахтина, В. П. Тугаринова, О. Г. Дробницкого, М. С. Кагана, Д. А. Леонтьева. В русле аксиологического подхода культура трактуется как совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых людьми.

Повышение интереса к проблеме изучения ценностей происходит в период ценностных кризисов, ломки сложившейся системы и поиска новых культурных оснований и ориентаций существования человека. Конец XX – начала XXI вв. можно с уверенностью назвать именно таким периодом.

На основе предшествующей традиции переживают процесс трансформации и ценности, относимые к речевой культуре. Это обусловлено изменениями в коммуникативных процессах общества, которые привели к формированию новых форм общения: коммуникативной, перцептивной, интерактивной. Нас интересует проблема соотнесения традиционных ценностей речевой культуры и современных форм коммуникации. Объем статьи не позволяет рассмотреть ценности речевой культуры, свойственные всем указанным формам общения. В связи с этим, остановимся лишь на ценностях речевой культуры в условиях *интерактивного* уровня общения.

Для того чтобы раскрыть указанную тему нужно ответить на следующие вопросы. Во-первых, каков состав и содержание традиционных ценностей речевой культуры, во-вторых, в чем суть таких понятий, как «интерактивность», «интерактивное общение». Объектом исследования выступает речевая культура как средство коммуникации, предметом – ценности речевой культуры, проявляющиеся в ситуации интерактива. Эмпирическим материалом служат звукозаписи теле- и радиоэфиров, содержащие примеры речевой культуры в условиях интерактива. В данном

случае мы исследовали речевую культуру ведущих теле- и радиопрограмм, реализующуюся в условиях интерактива. Таким образом, задача статьи состоит в выявлении ценностей речевой культуры в ситуации интерактива.

Выяснение традиционных ценностей речевой культуры любых форм общения невозможно вне такого понятия, как «коммуникативные качества речи». Размышления об интересующих нас коммуникативных качествах речи содержатся во многих работах. Исследователи различных периодов стремились к определению ценностей речевой культуры. Так, находим размышления о «совершенствах слова» у И. С. Рижского, об «общих свойствах слога» – у М. М. Сперанского, о «всеобщих совершенствах» и «особенных качествах слога» – у А. Ф. Мерзлякова, об «условиях речи» – у К. П. Зеленецкого. В дальнейшем, В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, Б. В. Томашевский, С. И. Ожегов, А. Н. Гвоздев, А. И. Ефимов и др. касались в своих трудах понятий, называемых качествами речи. При этом необходимо отметить, что в XX столетии состав качеств речи в теории словесности был достаточно невелик и разные авторы указывали, в сущности, на одни и те же качества, отличающие хорошую речь.

Так, С. И. Ожегов, один из основоположников новой дисциплины – культуры речи, оценивал ее исключительно в рамках терминов, связанных с качествами речи: «Что такое высокая культура речи? Это умение правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка. <...> Но высокая культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т. е. самое подходящее для данного случая и, следовательно, стилистически оправданное)» [8, с. 89]. Именно эти качества будут положены в основание концепции, которая утвердилась в современной науке. Заслуга ее создания принадлежит Б. Н. Головину. Давая определение термину «культура речи», Б. Н. Головин приходит к выводу о том, что само понятие «культура речи» сводится, прежде всего, к коммуникативным качествам речи: «Культура речи – это учение о совокупности и системе коммуникативных качеств» [Цит. по: 5, с. 41]. Б. Н. Головин сделал акцент на слове «коммуникативный», поскольку сам предмет

культуры речи он определил как «языковую структуру речи в ее коммуникативном воздействии». В сущности, на сегодняшний день имеются две основные точки зрения по вопросу определяющих качеств речевой культуры. Первая точка зрения соотносит речевую культуру с понятиями «правильность» и «норма», а вторая – с прочими коммуникативными качествами.

В настоящее время специалисты в области речевой культуры по-прежнему ссылаются на вышеназванные свойства – так называемые коммуникативные качества речи. Семантическая классификация качеств речи предполагает их деление на ряды слов по признаку «терминированности/нетерминированности». Нас интересует, прежде всего, аспект терминированности. Данная классификация включает следующие уровни рядов слов: термины первого ряда – классические, обозначающие основные коммуникативные качества речи (правильность, ясность, чистота, точность, логичность, выразительность, уместность, образность, доступность, действенность, богатство) и термины второго ряда – современные: эффективность, влияние, гармоничность, экспрессивность, динамизм, действенность, коммуникабельность и некоторые др. Заметим, что у авторов начала XX столетия самих «условий» немного: правильность, ясность, точность, чистота, изобразительность (синоним выразительности). Описание этих качеств принципиально сходно, за исключением некоторых объяснений типа: «Изобразительностью называется способность словесного произведения возбуждать в душе читателя образы, т. е. представления. Выразительностью – способность возбуждать чувства», – отметил современный теоретик В. И. Аннушкин [Цит. по: 3, с. 301]. Вероятно, именно их и можно считать ценностями речевой культуры. Однако в реальной речевой практике ценность связывается уже не столько с ясностью, чистотой, правильностью, красотой, сколько с краткостью, информативностью, выразительностью, эмоциональностью. При этом в основе анализа речи по-прежнему используется ряд коммуникативных качеств, наиболее четко сформулированных Б. Н. Головиным. К ним относятся: правильность, чистота, точность, логичность, выразительность, образность, доступность, действенность, уместность. К этим качествам добавляется также богатство (разнообразие) речи. По сути дела, эти качества и воспринимаются как традиционные ценности речевой культуры. Попытаемся соотнести их с условиями современной культурной коммуникации.

В настоящее время особую популярность в условиях современной коммуникации приобрел интерактив. К ситуации интерактива относится sms-общение, общение в чате, в социальных сетях и др. Существует несколько определений интерактивности. Мы понимаем под интерактивностью специально организованную познавательную деятельность, для которой характерна ярко выраженная социальная направленность, основывающаяся на взаимодействии, в результате которого у участников возникает некое «новое» знание, родившееся непосредственно в ходе этого процесса. Моделью культурной коммуникации в ситуации интерактива могут служить различные виды художественных практик. К моделям интерактивного общения можно отнести ряд современных спектаклей, а также многие формы в деятельности СМИ. Для названных моделей интерактивного общения характерно, во-первых, прямое взаимодействие со зрителем с целью вовлечения его в процесс общения; во-вторых, пренебрежение четкой художественной формой, в-третьих, стремление к краткости (сжатости) высказывания [3, с. 5–7]. Это форма общения в данной ситуации становится доступной для большего числа зрительской аудитории. Ключевая идея интерактива – активное взаимодействие со зрительской аудиторией, с ее внутренним миром. Полагаем, что популярность проявления интерактива в художественных практиках обусловлена недостатком общения современного человека, дефицитом самовыражения человека в общении, его самопрезентации.

Для того чтобы проследить наличие речевой культуры и выявить какие качества речи актуальны на сегодняшний день в ситуации интерактива, мы записали и расшифровали телеэфиры передачи «Другие новости» телевизионной компании СТС Кузбасс в период с 03.11.2010 по 30.12.2010, а также эфиры трех радиостанций центрального вещания. Анализ этих записей подвел к выводу о том, что типичными для речевой культуры теле- и радиоэфира является наличие тавтологии. Для подтверждения высказанной мысли приведем примеры: «Пожар возник на очень высокой высоте», «Репортер проводил репортерское исследование». Кроме того, заметим, что самую многочисленную группу ошибок составляют фонетические ошибки. В свою очередь, лексические ошибки связаны с незнанием значений слов и устойчивых выражений. Например, употребление слова «обратно» вместо «снова», «опять»: «Рижский вокзал надо переименовать обратно...». Нередко журналисты начинают предложение со слов «в этой связи», в то время, как вариантом, соответ-

ствующим норме, является: «В связи с этим...». Благодаря такому сочетанию слов и устанавливается связь между уже сказанным и тем, о чем будет идти речь в дальнейшем. К лексико-стилистическим погрешностям относится и незнание особенностей лексической сочетаемости слов в русском языке. Например: «Ухудшается уровень жизни народа». В то время как уровень может лишь снижаться или повышаться. Употребление иностранных слов в некоторых случаях необходимо, однако ведущие их используют или неуместно вследствие незнания их значения, или неоправданно перегружают ими свою речь.

Кроме того, ошибки в речевой культуре СМИ связаны и с нарушением правил образования различных форм слова. Большое количество речевых ошибок встречается при употреблении имени числительного. «Здесь было около четыреста камер» (правильно: «около четырехсот»). Часто встречаются ошибки при выборе падежной формы составного числительного, оканчивающегося на «два», «три», «четыре», в сочетании с одушевленным существительным. Например: «Всего за этот месяц в госпиталь доставили тридцать два раненых» (а не «тридцать двух раненых») [9].

В эфире появляются ошибки и при образовании родительного падежа существительных множественного числа. Нормативными считаются такие образования: баржи – барж (не «баржей»), будни – будней (не «буден»). Ошибаются журналисты при склонении существительных, обозначающих названия некоторых национальностей. В частности, нередки ошибки при употреблении форм родительного падежа множественного числа, например: башкиры – башкир (не «башкиров»), якуты – якутов (не «якут»). Распространенной ошибкой журналистов является употребление существительного в родительном падеже вместо дательного с предлогами «согласно» и «благодаря».

Самой распространенной синтаксической ошибкой на телевидении и в прессе является нарушение норм управления, например: «взвесил о том...», «закон предусматривает о том...». Правильно следует говорить: «взвесил (что?) все «за» и «против»...», «утверждает, что...». Как видим по ряду требований наблюдается пренебрежение таким коммуникативным качеством речи, как правильность, что указывает на его деактуализацию.

Однако не только коммуникативное качество «правильность» теряет свою ценность в современной речевой культуре. Многие лингвист-

ты отмечают, что разговорная тональность в информационно-аналитических программах тяготеет к грубовато-просторечной, а то и вовсе подменяется ею. Разговорные элементы имеют право на жизнь в публицистике. Однако чувство меры в использовании средств разговорного стиля у журналистов нередко отсутствует.

Представленный нами анализ теле- и радиоэфиров, позволяет предположить, что в условиях интерактива такое качество речи, как правильность становится менее значимым, а выразительность речи ведущего выходит на первый план. В соответствии с традиционными ценностями в понятие «хорошей» речи включаются как минимум три признака: богатство, точность и выразительность. Показателями богатой речи являются большой объем активного словаря, разнообразие используемых морфологических форм и синтаксических конструкций. Точность речи – это выбор таких языковых средств, которые наилучшим образом выражают содержание высказывания, раскрывают его тему и основную мысль. Это можно трактовать как снижение уровня речевой культуры, а можно видеть в этом смену ценностной парадигм [1].

В данной работе мы рассматриваем речевую культуру современного периода. На основе проведенного анализа можно выделить пять качеств речи, которые следует считать актуальными в условиях современной культурной коммуникации. К ним относятся:

- Выразительность
- Информативность
- Доступность
- Краткость
- Эмоциональность

Стоит отметить, что из десяти ранее названных качеств осталось пять, это свидетельствует о том, что особенности культурной коммуникации в настоящее время подвергают сомнению традиционные ценности речевой культуры. Представленный нами выше анализ, позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день многие «профессиональные» ведущие владеют лишь тремя коммуникативными качествами речи – эмоциональностью, информативностью и краткостью. Это свидетельствует о том, что популярность интерактивной формы, которая предполагает не выверенную и прописанную заранее правильную речь, а умение ведущих спонтанно пользоваться своей «богатой» речевой культурой в условиях современной коммуникации, обуславливает ослабление пози-

ций образцовой речевой культуры и усиление позиций речевой культуры повседневности. На основе этого мы пришли к выводу, что одним из распространенных речевых качеств, рассматриваемых как ценностные, является в рассматриваемой нами сфере выразительность (эмоциональность), т. е. способность возбуждать чувства, эмоции у зрителей, для того, чтобы возник диалог (одно из условий интерактивного общения). В результате этого нарушается одно из основополагающих качеств – правильность речи, что указывает на тенденцию трансформации ценностей речевой культуры.

Литература

1. Абрамов Н. А. Искусство разговаривать // Русская речь. – 1991. – № 4. – 38 с.
2. Агеенко Ф. Л., Зарва М. В. Словарь ударений для работников радио и телевидения. – 5-е изд. – М., 1984. – 810 с.
3. Аннушкин В. И. Русская риторика. Исторический аспект. – М.: Высшая школа, 2003. – 400 с.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 608 с.
5. Головин Б. Н. Основы культуры речи. – М.: Высш. шк., 1988. – 320 с.
6. Ицкович В. А. Языковая норма. – М., 1968. – 156 с.
7. Оганесян С. С. Культура речевого общения. – М.: Просвещение, 1998. – 352 с.
8. Правильность русской речи: Словарь-справочник / под ред. С. И. Ожегова. – М., 1965. – 224 с.
9. Запись телепередачи СТС Кузбасс «Другие новости» от 14.11.10 // Архив автора статьи.

Е. И. Лопатина

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ

В настоящее время все более актуальной становится проблема встречного движения массовой культуры и академической музыки как одного из основных направлений элитарной культуры. В данной статье мы постарались определить некоторые векторы процесса их взаимодействия.

Бурное развитие средств массовой информации, активно начавшееся во второй половине XX в., повлекло за собой колоссальное распространение и потребление информации – научной, политической, экономической и художественной – с помощью технических коммуникативных средств. Влияние технических средств на культуру и искусство неоднозначно. С одной стороны, продукты массового художественного производства пытаются заменить подлинное искусство. Стандартная, порой примитивная поп-культура, неспособная вызвать чувства и эмоции, пагубно влияет на сознание потребителя.

В последние десятилетия наблюдается тенденция массовизации всех видов культуры и искусства, которая связана, прежде всего, со сложным и многоплановым периодом конца XX – начала XXI в., отмеченным многообразием, противоречивостью и неоднозначностью самой общественной жизни. Совершился переворот в сознании людей, произошла переоценка ценностей. То, что долгие годы было под запретом, стало общедоступным (многочисленные литературные произведения, кинофильмы, научные труды, исторические факты).

С другой стороны, благодаря новым средствам коммуникации, люди получили возможность изучать многовековое достояние мировой художественной культуры. Показательным в этом отношении является использование глобальной сети Интернет для расширения кругозора пользователями разных возрастов и профессий. Посетители интернет-сайтов имеют возможность «прогуливаться» по виртуальным музеям и выставкам, становиться читателями виртуальных библиотек. На сегодняшний день Интернет – это универсальное средство массового распространения аудиопродукции и академической музыки в том числе.

Миллионам пользователей стали доступны созданные профессиональными композиторами собственные сайты, на которых размещаются произведения, биографическая информация и прочие сведения. Любой пользователь может даже пообщаться с композитором в режиме on-line. В последнее время в социальных сетях появилось множество так называемых социальных групп поклонников, проявляющих интерес к творчеству современных академических композиторов.

Так, в модной, особенно среди молодежи, социальной сети «В контакте» на протяжении нескольких лет существует множество различных групп. Например, группа «Валентин Сильвестров» посвящена творчеству

самого известного украинского композитора, классика академической музыки двадцатого века; отдельный сайт предназначен для пропаганды творчества Алемдара Караманова. Другой пример – «Новая музыка «В контакте» – крупнейшая база аудио-, видео-, фотоматериалов и перечень ссылок, посвященных современной академической музыке; или «Клуб любителей современной академической музыки» (КАМН). В эти группы входят тысячи участников, которые имеют возможность сиюминутного обмена интересующей их информацией по определенному направлению. Ресурсы сети Интернет с каждым днем пополняются.

Открылись различные информационные ресурсы (появилось огромное количество различных газет, журналов, теле- и радиопередач), в общество хлынул поток коммерческой продукции, порой весьма сомнительного качества: телевидение заполнили телесериалы, а на смену литературной классике пришли жанры детектива, так называемые женские романы, фэнтэзи и т. п. Основной чертой массовой культуры XX в. стал процесс коммерциализации искусства и бурное развитие индустрии развлечений, которая и привела к возникновению феномена, названного Т. Адорно «культуриндустрией». «Кино и радио сами себя называют индустриями, и публикуемые цифры доходов их генеральных директоров устраняют всякое сомнение в общественной необходимости подобного рода готовых продуктов» [6, с. 187]. Сказанное Т. Адорно относится практически ко всем видам массовой культуры. Неотвратимая стандартизация, наступающая вследствие серийного производства продуктов «культуриндустрии», приносит в жертву все то, что отличало логику произведения искусства от логики промышленного производства. Тенденцию коммерциализации культуры отмечают в своих трудах К. Ясперс (Духовная ситуация времени), О. Шпенглер (Закат Европы); Ж. Бодрийар (Фантомы современности), П. Сорокин (Человек. Цивилизация. Общество) и другие.

Массовая культура – термин, используемый в современных гуманитарных науках для обозначения специфической разновидности духовного производства, ориентированного на «среднего» потребителя и предполагающего возможность широкого тиражирования оригинального продукта. Одно из основных направлений современной массовой культуры – индустрия досуга, включающая в себя массовую художественную культуру (приключенческая, фантастическая и «бульварная» литература,

аналогичные «развлекательные» жанры кино, карикатура и комиксы в изобразительном искусстве, рок- и поп-музыка, эстрадная хореография и сценография, всевозможные виды шоу-индустрии). Главными ориентирами шоу-бизнеса стали зрелищность, яркость и навязчивость.

Элитарной или высокой культурой (от фр. *élite* – отборное, избранное, лучшее) принято считать субкультуру избранных групп общества. Она характеризуется принципиальной закрытостью, духовным аристократизмом и ценностно-смысловой самодостаточностью. Апеллируя к избранному меньшинству своих субъектов, являющихся, как правило, одновременно ее творцами и адресатами, элитарная культура сознательно и последовательно противостоит культуре большинства, или массовой культуре в широком смысле (во всех ее исторических и типологических разновидностях – фольклору, официальной культуре того или иного социального класса, государства в целом, культурной индустрии технократического общества XX в. и т. д.). Одним из направлений элитарной культуры является академическая музыка. Произведения А. Шнитке, Э. Денисова, Г. Уствольской, С. Губайдулиной – яркий пример искусства, пользующегося повышенным интересом в первую очередь у слушателей-профессионалов.

О некоем «противостоянии» массовой и элитарной культур среди музыкантов, искусствоведов, культурологов и философов ведутся неутрачивающие дискуссии. Большинство из них склоняются к мнению, что массовая музыкальная культура настолько заполонила все культурное пространство, что полностью вытеснила музыку академического направления.

Точка зрения о том, что единственным выходом из противостояния может служить раскол культуры и выделение из нее элитарного (аристократического) искусства, уходит своими корнями в теории А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, а позднее – О. Шпенглера, Х. Ортеги-и-Гассета. Анализ элитарного и массового сознания, их взаимодействие в современной художественной культуре и в теории постмодернизма освещены в трудах Р. Барта (Мифологии, Система моды. Статьи по семиотике культуры, «Империя знаков, Избранные работы. Семиотика. Поэтика), М. Фуко (Слова и вещи, Археология знания), У. Эко (Открытое произведение), Т. Адорно (Эстетическая теория) и др.

Общее состояние культуры не могло не сказаться на творчестве композиторов, развивающих академические традиции. В связи с этим музыковед Ю. Паисов пишет о новом поколении композиторов следующее: «Целеустремленные композиторские искания сменяются порой лихорадочными метаниями, отчаянными бросками из одной крайности в другую, а призванный быть руководящим для художника этический идеал, нравственный эталон вытесняется иногда прозрачным блеском моды или, чаще, конъюнктурой пока еще дикого рынка» [Цит. по: 1, с. 124].

Современные композиторы продолжают вести активный поиск выхода из ситуации, которую М. Арановский назвал «парадоксом коммуникации» в музыке XX в. Предельно обострилась проблема взаимоотношения между композитором и слушателем, особенно молодым. Именно поиски новых форм контакта с аудиторией повлекли за собой процесс встречного движения академических жанров и массовой культуры. Развлекательные жанры – общедоступны для широкой аудитории, как правило, не требуют специального образования и понятны большинству слушателей. Так, композиторы Э. Артемьев, Г. Гладков, А. Журбин, А. Рыбников, принадлежащие к академическому направлению, обратились к сфере массовой культуры и в частности к рок-музыке – как эстетике ведущего молодежного музыкального движения 60–70-х гг. прошлого века. Эти профессиональные музыканты пытались синтезировать в своих произведениях приемы «серьезной» классической и современной музыки с приемами музыки «легкой» и развлекательной. Появление в их творчестве новых театральных жанров, таких, как мюзикл и рок-опера, было связано, в первую очередь, с тесным сотрудничеством этих авторов с театром, кинематографом и мультипликацией.

Р. Щедрин, анализируя творчество не только названных, но и других композиторов, высказал мысль о появлении в музыкальной культуре так называемого «третьего направления» (к первому направлению он относил серьезную, элитарную музыку, ко второму – легкую, массовую). С точкой зрения композитора корреспондируется и оценка ученого. Так, по мнению И. Земцовского, «композитору третьего направления не нужна интонационная экзотика, он ищет выразительность, понятную большинству и стремится к слуховой чуткости особого рода – той, что рождается на пересечении целого ряда линий: бытового музицирования, классики и эстрады разного толка, поэзии, кино и театра. Это на-

правление характеризуется культивированием не «усредненных», но объединяющих музыкальных средств» [2, с. 15].

В. Конен предлагает несколько иную классификацию: первый пласт – народная музыка, второй пласт – профессиональная, а третий пласт – музыка, выходящая за рамки как народной, так и профессиональной. По словам В. Конен, именно третий пласт стал «олицетворением массового сознания нашего времени» [3, с. 16]. Проблеме взаимодействия двух видов музыки – массовой и академической – посвящено исследование А. Цукера «Жанрово-стилевые взаимодействия академической и массовой музыки. Возможности. Пути. Перспективы». Исследователь рассматривает эти нередко конфликтующие между собой направления как две составные одной эстетико-художественной системы, показывая, что в наши дни сложные процессы синтеза, интеграции преобладают над процессами дезинтеграции, предлагая новые перспективы сотрудничества между многими сферами музыкального искусства – академическим, фольклорным, массовым и др.

По мнению В. Холоповой, «культура XX столетия, благодаря диффузии достижений всех континентов, социальных групп, активному включению технических возможностей образует хаотический плюрализм, в котором композитор делает выбор и новый синтез, тем самым стоит перед необходимостью создания тех или иных новаций. Так, родились новые виды “субмузыки” – с одной стороны, электронная, “конкретная”, их синтез друг с другом и с музыкой натуральных звучностей, с другой стороны – джаз (синтез американских и европейских традиций), рок-музыка (включает рудименты джаза, эстрады, электронику). Та же социально-культурная тенденция вызвала к жизни новые жанры – рок-оперу, песенную оперу, рок-балет, мюзикл и подобные гибриды, соединяющие элементы различных музыкальных “субкультур”» [5, с. 86].

Один из лидеров современной отечественной музыки, композитор С. Слонимский пишет: «Нынешний разгул массовой культуры пагубно воздействует на сознание детей и подростков. Разрыв между высочайшим уровнем сегодняшней подлинной музыкальной культурой и массовой продукцией, тиражируемой средствами массовой информации, небывало огромен. И чем выше технический прогресс, тем ниже уровень музыкальных вкусов владельцев и продавцов этих технических средств, ниже уровень того музыкального товара, который они непрерывным

повторением навязывают потребителям как якобы самый престижный, самый “крутой”. Удручает обвальное, направленно достигнутое падение вкусов, почти одичание немалого числа телезрителей, посетителей Интернет-сайтов, на самый низкопробный вкус рассчитаны передачи самых главных телеканалов. В качестве шика – нецензурная брань, звучащая из уст телезвезд» [4, с. 136].

Не менее пессимистично выглядит концепция композитора В. Мартынова, в которой он говорит о «смерти музыки как пространства искусства», о времени, которое он сам назвал «концом времени композиторов». Проблема получила свое развитие в нескольких книгах В. Мартынова, в которых раскрывается очень продуманная, последовательная и цельная культурологическая, антропологическая, онтологическая концепция. Размышления на эту тему были начаты авторитетным мастером еще в «Истории богослужебного пения» (1994), затем продолжены в книгах «Культура, иконосфера и богослужебное пение Московской Руси» (2000), «Конец времени композиторов» (2002) и «Зона Orus posth, или Рождение новой реальности» (2005).

Однако молодые композиторы XXI в. отказываются признавать за собой статус призраков: заканчивая обучение в консерватории, они пишут партитуры и требуют к себе внимания исполнителей и слушателей. Так, в 2005 г. была создана группа СоМа, которая стала одним из первых объединений композиторов, начавших свой творческий путь в постсоветский период. Участники группы, избрав для своего творчества курс на отрицание академических канонов, соприкоснулись с реалиями художественной среды, которые, с одной стороны, открывали новые возможности, а с другой – ставили перед глобальными вопросами предназначения и места современной музыки в российской культуре. В 2009 г. при Союзе композиторов России, председателем которого является В. Казенин, было создано Молодежное отделение (МолОт). Это творческое сообщество не только композиторов, но и музыковедов из разных регионов России сразу начало активную деятельность. В московском отделении МолОта каждый месяц проводятся смотры новой музыки, проходят концерты. В 2010 г. был выпущен первый компакт-диск с произведениями молодых авторов. Им дан шанс заново утвердить высочайший статус профессии композитора и создавать музыку XXI столетия.

Проанализировав современное состояние культуры и работы ряда исследователей, становится ясным, что со второй половины XX столетия наблюдаются попытки все большего сближения двух культур. Снимая проблему противостояния, элементы массовой культуры включаются в контекст элитарной и наоборот, таким образом, взаимообогащая и дополняя друг друга.

До настоящего времени проблема взаимодействия массовой культуры с творчеством академических музыкантов остается мало разработанной. Изучению данной проблемы именно в таком ракурсе автор статьи предполагает посвятить свое дальнейшее исследование.

Литература

1. Аверьянова О. И. Русская музыка второй половины XX века. – М.: РОСМЭН, 2004. – 140 с.
2. Земцовский И. И. Путь и стиль // Советская музыка. – 1985. – № 11. – С. 15.
3. Конен В. Д. Третий пласт. Новые массовые жанры в музыке XX века. – М., 1994. – 160 с.
4. Слонимский С. М. Свободный диссонанс: очерки о русской музыке. – СПб., 2004. – 141 с.
5. Холопова В. Н. Музыка как вид искусства. – М., 1990. – 140 с.
6. Хоркхаймер М. Т., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. – М., 1997. – 310 с.

Т. Н. Самофеева

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КАНОН» В РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

С последней трети XX в. во многих видах искусства наметился возврат канонических принципов. При обращении к канону слушатель возвращается к духовным истокам, к традиции.

В научной литературе термин «канон» применяется к явлениям науки и культуры разных эпох и стилей – от древности до наших дней. Это понятие характерно для многих художественных феноменов, развивающихся независимо друг от друга, в которых прослеживаются схожие

процессы или закономерности. Термин употребляется в значении образца для подражания и правила фиксации образа и строения формы, а поскольку правило выражается именно в образце, то значение их одинаково. К явлениям, так или иначе связанным с канонами, обращаются культурологи и искусствоведы, поскольку спектр его применения очень широк: культурология, литературоведение, музыка, изобразительные искусства. Подобная широта употребления понятия приводит к наполнению его новым смыслом, что усложняет определение сути. В современном значении его применяют к разным областям наук в смысле устоявшихся норм, при этом в философии и культурологии используется термин «канон», а в искусствоведении – «художественный канон».

Актуальность темы обусловлена потребностью осмыслить область канона как явления культуры и искусства. Цель – определить область применения и границы понятия «канон».

Канон – категория, возникшая задолго до нашей эры. Это надынаторское явление, через формально-содержательную структуру произведения отражающее мировоззрение эпохи – идею Вселенной. Она воплощалась символически с помощью цвета, геометрически в построении храма. У египтян система пропорций человеческого тела строилась по тем же гармоническим пропорциональным соотношениям, которые лежат в основе Вселенной. Канонами как структурным принципом пронизана вся система художественных образов. Проявляется канон в бесконечном варьировании одной художественной идеи. Известны цветовой, иконографический (в Византии, Древней Руси) и канон пропорций (в Древней Греции и Древнем Египте).

Культуролог А. М. Лесовиченко дает следующее определение понятия: «Канон – сложное... проявление ценностных представлений социума в рамках художественной системы», характерное для культового и фольклорного искусства [3, с. 5]. Дионисий Гарсия уточняет: «это установившееся в той или иной важной области человеческой жизни *правило*, предписывающее делать, исполнять что-то не так, как захочется каждому, «как придет в голову», а как *должно*, как *положено*, причем эта *положенность* принимается как благо» [2, с. 243]. В понятие входит категория требовательности и желательности – это связано с исходным значением канона как инструмента для определенной цели.

Я. Ассман – немецкий историк религии и культуры – отмечает, что истоки канона лежат в сфере права, где речь идет о следовании зако-

нам и договорам «...канон можно определить и как *перенос коренящегося в сфере права идеала обязательности и верного следования на всю центральную область письменной традиции*» [1, с. 114].

Понятию «канон» близки «традиция», «стиль», но это не одно и то же. Искусствовед Л. И. Ремпель проводит границу между понятиями: традиция – это повторение приемов, следование образцу вне системы, канон – это традиция, возведенная в правило и систему. Под «каноном» понимается такая форма традиции, в которой она достигает высшей внутренней обязательности и крайней формальной устойчивости. Такая «формула канона» существовала и существует в разных сферах деятельности человека: в Вавилонии как дословная передача текста «формула переписчика или хранителя традиции» – переписчику не следовало ничего добавлять или убавлять [1, с. 111].

В исследовании канона в целом выделяются следующие направления: канон как эстетическое понятие, канон как стилистический прием, канон как принцип выражения мировоззрения данной эпохи. В работах Н. А. Иофана и Н. А. Померанцевой канон представлен как иерархически выстроенная теория, включающая мировоззренческий, функциональный, художественно-композиционный уровни и служащая воплощением космогонической модели. Обобщая явление канона в искусстве, Н. А. Померанцева пишет: «Канон – это свод художественных правил, способствующих выявлению локальных черт в изобразительном искусстве данной страны и закреплению их в памятниках» [5, с. 13].

В качестве самостоятельной эстетической категории термин «канон» появился в теории греческого скульптора Поликлета (V в. до н. э.). В теоретическом труде, названном «Канон», автор обосновал правильность выведенных им пропорций идеального мужского тела. Именно на основе скульптуры и было осмыслено явление каноничности.

Художественный канон определяется как совокупность художественных приемов или правил, устоявшейся нормативной художественной символики, определяющих ее форму и содержание, которые считались обязательными в ту или иную эпоху, и как произведения, служащие нормативным образцом, мерилем художественного творчества. Он определяет сюжет, мотивы (сюжетные), композицию, пропорции, атрибуты.

Философ и филолог А. Ф. Лосев отмечал разноречивость и запутанность представлений о его сущности художественного канона.

Он вывел такое понятие: «канон есть количественно-структурная модель художественного произведения такого стиля, который, являясь определенным социально-историческим показателем, интерпретируется как принцип конструирования известного множества произведений. Эта модель оказывается образцом и критерием положительной оценки произведений искусства, воплощающих художественный канон» [4, с. 15].

О происхождении слова Я. Ассман пишет, что «...греческое слово *κανών* связано с *κάννα*, “тростник”, которое <...> восходит к шумерскому *gin*: род тростника *agundo donax*, который <...> подходит для изготовления прямых шестов и палок <...> *Κανών* – это инструмент строителя и обозначает “прямой шест, трость, правило, линейку” (с нанесенной измерительной шкалой)» [1, с. 116]. Мера, измеренность и легла в основу распространения понятия на другие сферы.

В связи с тем, что канон имеет много значений, рассмотрим его значение в культурно-историческом развитии.

В Египте в эпоху Позднего времени (вторая половина I тысячелетия до н. э.) канон существовал в значении образца – наглядных пособий для начинающих мастеров в виде изображения, выполненного на дощечке или скульптурной модели. В это время изменился взгляд мастеров на канон: из чисто практического приема он перерос в теоретическую систему пропорций, причем каноничность типа изображения в Египте определялась последовательностью расположения пропорциональных соотношений.

В античности сфера использования понятия «канон» стала расширяться – он применялся в значениях критерия, правила, образца, но обязательно в связи с конкретным значением – мерилем. Так, в теории Поликлета термин использовался в значении правила, образца. Такое же значение имела скульптура «Дорифор», созданная в подтверждение теории¹.

В разные эпохи понятие канона несколько различается. Выделяются пять групп его значений: бытовые (древнейшие), церковно-юридические, библеистические или текстологические, литургико-богослужбные и общенаучные (современные).

¹ Позже скульпторы пользовались установленной Поликлетом системой пропорций.

В древности под канонem подразумевались прямая рукоять щита, ткацкий челнок, веревка с грузилом на конце (отвес, лот). Позже – любой эталон или инструмент для проведения линий.

В Древней Греции так назывался свод основных положений или аксиом своей области знания² (этим термином пользовались философы, композиторы, грамматика, медики). Кант говорит о «каноне» философии. Его (термин) использовали философы-материалисты Демокрит³ (ок. 460–470 гг. до н. э.) и Эпикур⁴ (341–270 гг. до н. э.). В архитектуре трактат «Правило пяти ордеров» Джакома Бароцци да Виньолы (1507–1573 гг.) называли «книгой правил». В нем архитектор сформулировал формулу, которая звучит так: высота колонн любого ордера пропорциональна ее диаметру, как и другие части постройки. Такое изложение ордера стали называть канонem, а правило – обязательным.

Церковно-юридическое значение: четкая вероучительная формулировка, будущий символ веры в христианской традиции⁵. Моральная и юридическая норма, правило христианской жизни. Каноническое (церковное) право – это объективно существующая система религиозно-правовых норм, регламентирующая устройство и положение церковной организации, порождаемые ею отношения и взаимодействие с другими общественными организациями и с государством. До сих пор это значение используется и в смысле дисциплинарных постановлений: апостольских, соборных, святоотеческих правил.

Текстологическое значение: перечень книг Святого Писания (библейский канон). В значении таблицы, списка, перечня или каталога, канон использовался в эпоху римской империи⁶.

Литургико-богослужебные значения:

а) правила церковных евангельских и апостольских чтений годового, суточного и других богослужений; б) уставы церковного пения, чте-

² Это значение используется в современном научном языке.

³ Написал трактат «Каноны» или «О логике», где рассматривал нормативность, правильность процесса познания, установления истины.

⁴ Для исследования теории логики он написал трактат «Канон». Речь в нём идет о мере, о критериях различения истинного и ложного знания.

⁵ У Иринея Лионского – одного из первых Отцов Церкви (II век) само учение церкви называлось канонem – κανών, κανών τῆς πίστεως, τῆς ἀληθείας.

⁶ Таблицы астрономов для исчисления времени, список образцовых греческих писателей, установленный александрийскими грамматиками, позже – список или каталог священнослужителей и церковнослужителей известной епархии.

ния, иконописи и храмовой архитектуры; в) евхаристический канон или Евхаристическая молитва – ана́фора (греч. *anaphora* – возношение), центральный раздел полного евхаристического богослужения (Божественной Литургии); г) песнопения особого жанра гимнографии православной церкви, сформировавшегося в VIII в. и функционирующих в настоящее время в честь святого или праздника. Вид церковной поэмы-гимна из девяти песен; д) собрание покаянных и праздничных канонов в честь Иисуса Христа, Богородицы, апостолов, ангела-хранителя и святых помещается в молитвословах или отдельной книге, называемой «Канонник»; е) монашеское келейное⁷ молитвенное правило. Упорядоченная совокупность молитв, читаемых утром, вечером, перед причастием и после.

В современном научном языке канон – синоним словам «правило», «порядок», «корпус текстов», «положение (какого-либо) учения».

За современным энциклопедическим определением канона закрепились следующие понятия:

- в искусстве (изобразительные искусства, литература, музыка) – художественный канон. Он и составляет ядро канонического искусства, «строится как неповторимое открытие совершенной гармонии, воплощающей высокую каноническую идею», но не допускает повторения себя в других произведениях [7, с. 142].

Ю. Н. Плахов акцентирует внимание на том, что художественный канон «вбирает в себя далеко не систему правил вообще, а систему таких правил, которые сопряжены с определенным – каноническим (заранее предопределенным) – типом содержания. Иными словами, любое искусство опирается на систему правил, но не каждая система может быть принадлежностью канона» [6, с. 24]. Художественный канон, по его мнению, обуславливает все основные функции искусства определенного исторического периода – искусства эстетики тождества – его эстетические, социальные, художественные, выразительные, коммуникативные и прочие функции.

- в музыке значения термина «канон» многообразны:

- а) техника письма музыкального произведения, основанная на строгой имитации; б) полифоническая форма произведения, построенная на основе последовательной имитации и развившаяся в европейской

⁷ Келейное, то есть предназначенное для чтения в келье.

многоголосной музыке. «Исторически в европейском многоголосии существовали две разные формы, определяемые термином «канон», и, соответственно, два понятия канона. Первая из этих форм (канон-правило) – понятие XV–XVI вв.; вторая (непрерывная имитация или строгая имитация) – нынешнее понятие» [8]. В эпоху Возрождения целые мессы от начала до конца могли быть выполнены в канонической технике – в таком случае техника становится формообразующим принципом; в) в католической мессе (*canon missae*) – часть после *Sanctus* от слов «*Te igitur*», в которой молитвенные тексты не меняются; г) канон как принцип мышления в музыкальной культуре.

- (переносное) все, что твердо установлено, стало общепринятым;
- в искусствоведении – система мер, позволяющая по размерам одной части сделать заключение о целом, а по размеру целого – о размерах любой части.

Таким образом, значения канона очень разнообразны. Канон употребляется и в значении сочинений: труды с одноименным названием написаны Поликлетом, Демокритом, Эпикуром, Авиценной. Термин применяется к разным областям культуры и искусства. Канон как образец задает границы в пределах жанра или моральной нормы. Кроме того, канон – это система норм и правил, принятых в искусстве какого-либо направления, школы, мастера, что сближает канон с понятием стиля.

В значении совокупности правил канон характерен для древних культур Востока, средневекового искусства культур Европы и Азии. В Древнем Египте и Древней Греции канон входил в практическую часть художественного творчества, а Средневековье придало канону более символический смысл, сохранив значение термина в смысле конкретного неукоснительного правила. Он сохраняется не только в произведениях искусства Античности и Средневековья – времени господства канона, но и в более позднее время. Связан канон с воспроизведением архетипической модели и с культовой идеей, где художественные образы жестко закреплены и ограничены рамками дозволенного – темы, сюжеты, техника исполнения. Церковный канон отличает наличие в нем божественного откровения, благодати, которое проявляется в соответствии Священному Писанию.

С точки зрения эстетики канон связывается с культурами, ориентированными на сохранение и передачу в неизменном виде эстетических идеалов эпохи. Для искусствоведа и литературоведа канон проявляется в подражании – повторении наиболее удачных художественных приемов, а для богослова – в приобщении мастера к единомышленникам, проявляющейся в приближении к той же архетипической модели.

Относительно религиозных произведений мнения искусствоведов сводятся к тому, что канон определял общее формальное решение произведения такого типа, а это обуславливало выверенность мастерства авторов. То есть. канон проявлялся на художественном уровне.

Литература

1. Ассман Я. Канон – к прояснению понятия // Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. – М., 2004. – С. 111–138.
2. Гарсия Д. О каноне вообще и об иконописном каноне // Новое сакральное пространство // Духовные традиции и современный культурный контекст: материалы научной конференции. – М., 2004. – С. 243–249.
3. Лесовиченко А. М. Система музыкально-культовых канонов в европейской культуре: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – Кемерово, 2004. – 28 с.
4. Лосев А. Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: сб. ст. – М., 1973. – С. 6–15.
5. Померанцева Н. А. Принцип композиции древнеегипетских памятников додинастического периода и эпохи первых двух династий. К истокам древнеегипетского канона // Искусство Востока и античность. – М., 1977. – С. 13–23.
6. Плахов Ю. Н. Художественный канон в системе профессиональной восточной монодии (на материале инструментальной музыки народов Средней Азии). – Ташкент, 1988. – 161 с.
7. Пугаченкова Г. А. Образ Будды в античном и раннесредневековом изобразительном каноне // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: сб. ст. – М., 1973. – С. 144–151.
8. Холопов Ю. Н. Канон. Генезис и ранние этапы развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kholopov.ru/canon/canon.html>.

ТЕОРИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ЕЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Преобладающей тенденцией культуры второй половины XX в. становится возрождение предыдущего жанрово-стилевого опыта в музыке и поиск его нового ценностно-смыслового контекста. Именно поэтому музыкальная культура этого периода может быть отнесена к особому типу культуры, элементами которой становятся целые культурные традиции, структуры, знаковые системы различных эпох. На основе данных тенденций возникло целое направление в музыке второй половины XX в., которое А. Шнитке назвал полистилистикой. Приемами полистилистики стали такие явления, как цитата (квазичитата), аллюзия, стилизация. Полистилистика в музыкальном искусстве глубоко и точно выразила сущность эпохи постмодерна, ориентированной на соединение достижений прошлого и современного. Расширяются границы представлений о традициях – хронологические, географические, стилевые. Для творчества используются практически все явления мировой художественной культуры – от раннего Средневековья до созданных в последние десятилетия современных произведений. Сквозь призму этого понятия можно рассматривать творчество А. Шнитке, А. Пярта, С. Губайдуллиной, Р. Щедрина, В. Екимовского, Л. Берио, К. Штокхаузена, Дж. Кейджа и многих других современных композиторов.

Полистилистика как направление и техника композиции в музыке второй половины XX – начала XXI вв. корреспондирует с теорией интертекстуальности, которая стала актуальной и получила распространение в художественной культуре эпохи постмодерна. Проблема взаимосвязи и взаимовлияния знаковых систем, определяемая понятием «интертекстуальность» (фр. *intertextualite*, англ. *intertextuality*), уходит своими корнями вглубь веков, к средневековым схоластам и философии эпохи европейского романтизма. «Для понимания феномена интертекстуальности важно историческое значение и разнообразные воплощения металогической фигуры скрытого смысла текста – иронии, ведущей свою традицию от античной культуры (Сократ, Платон); далее в исторической перспективе ее развитие связано с именами Лукиана, Эразма Роттердам-

ского, Дж. Свифта и др.; как универсальный принцип мышления и творчества ирония ярко заявляет о себе в немецком романтизме (Ф. Шлегель, А. Мюллер, Л. Тик, К. В. Ф. Зольгер). С. Кьеркегор понимал сущность сократической иронии как отрицание наличного порядка вещей на основании его несоответствия идеям, а Х. Ортега-и-Гассет говорил о сохранении искусства в XX в. через подобное самоотрицание. Механизмом осуществления иронии выступает игра, классическая концепция которой сформировалась к началу XX в. (А. Ф. Лосев, позже И. Хейзинга)» [8, с. 4–5].

В современный научный обиход этот термин был введен в 1967 г. теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой. Теория интертекстуальности оформилась на базе различных источников: исследования анаграмм Ф. де Соссюра, историческая поэтика А. Н. Веселовского, учение о пародии Ю. Н. Тынянова, полифоническое литературоведение М. М. Бахтина. Свое развитие концепция интертекстуальности получила под влиянием теоретиков структурализма и постструктурализма (в области литературоведения в первую очередь – А. Ж. Греймаса, Р. Барта, Ж. Лакана, М. Фуко, Ж. Дерриды и др.) Каноническая же формулировка теории принадлежит Ролану Барту: «Каждый текст, является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [3, с. 78].

Теория интертекстуальности складывалась, главным образом, в ходе исследования интертекстуальных связей в литературе, однако сфера ее бытования необыкновенно широка. Во-первых, она присуща всем словесным жанрам, а во-вторых, имеет место как в вербальных текстах, так и в текстах, организованных средствами иных знаковых систем. Интертекстуальные связи устанавливаются между творениями литературы, живописи, архитектуры, театра, киноискусства и особенно в музыке. В настоящее время теория интертекстуальности по-прежнему находится в центре внимания многих исследователей. В частности, изучается ис-

пользование интертекстуализмов в политическом дискурсе, в средствах массовой информации, в научной речи, в художественной литературе и переводе и т. д.

На телевидении интертекстуальность помогает работать с текстами, которые передаются уже не столько словесно, сколько с помощью образов. Телесообщение – это не просто текст, это – симультанная система, в которой одновременно присутствуют вербальные послания, визуальные образы, мозаичная символика, электронные коды и, конечно, сам телезритель. Именно включенностью аудитории в происходящее на телеэкране и обуславливает глубину воздействия телевизионных образов.

Проблематика интертекстуальности в музыке стала привлекать к себе особое внимание исследователей только в течение последних десяти лет. Это произошло не ради умозрительного эксперимента, а на основе реальной композиторской практики. Именно полистилистический характер творчества конца 60 – начала 70-х гг. таких современных композиторов, как Л. Берио, А. Пуссер, Б. А. Циммерман, К. Штокхаузен, А. Шнитке, А. Пярт стал стимулом для преломления теории интертекстуальности в музыкознании. С позиций интертекстуальности можно анализировать и произведения композиторов первой половины XX в., которых принято считать предшественниками полистилистики в музыке второй половины столетия – И. Стравинского, Ч. Айвза, Д. Шостаковича.

В ряду сторонников концепции интертекстуальности можно назвать таких авторитетных музыковедов, как М. Арановский, Г. Григорьева, Л. Дьячкова, Д. Тиба и др. В настоящее время методы теории интертекстуальности прилагаются к анализу музыкальных произведений А. Шнитке [7], Р. Щедрина [5], Э. Денисова [8]. Хотя теория интертекстуальности имеет также и своих противников в среде музыковедов, однако, следует подчеркнуть тот факт, что использование интертекстуализмов становится важным стилеобразующим и смыслопорождающим фактором творчества композиторов эпохи постмодерна. Объективной реальностью стало наличие в нотных текстах современных композиторов элементов, которые, вследствие целенаправленного авторского замысла или на уровне интуиции, активируют в сознании слушателя другие, слышанные им ранее музыкальные произведения.

Характернейшей приметой нашего времени является развернутость музыкальной практики ко всей культурной традиции, стремление объе-

динить стили, что обусловило возрастание удельного веса заимствованного материала. Элементы интертекстуальности в музыке могут проявляться по-разному:

1) как звуковые образы в качестве модели (Э. Денисов «Силуэты» для двух фортепиано, флейты и ударных, 1969), объединившие портреты известнейших музыкальных героинь – моцартовской Донны Анны, Людмилы из оперы «Руслан и Людмила» Глинки, Лизы из «Пиковой дамы», листовской Лорелеи и Марии из оперы «Воцтек» Берга);

2) как интертекстуальная модель, которая является полным текстом музыкальной композиции прошлого («Кармен-сюита» Р. Щедрина – транскрипция музыкального материала оперы Бизе «Кармен», Ю. Каспаров «Вариации и парафразы на темы Чайковского»);

3) как интертекстуализм в виде модели «чужой» темы, которая становится объектом вариационного, вариантного развития (Э. Денисов «Вариации на тему хорала Баха для альты и ансамбля», «Вариации на тему Генделя для фортепиано», «Вариации на тему Гайдна “Смерть как долгий сон” для виолончели с оркестром»);

4) в качестве явной цитаты или квазицитаты, вкрапленной в ткань современного произведения (Р. Щедрин «Эхо-соната» для скрипки соло, «Российские фотографии» для струнного оркестра, Ф. Караев «Я простился с Моцартом на Карловом мосту в Праге» для оркестра, где используются цитаты из *Lacrimosa* Реквиема Моцарта в первой и последней частях произведения – Прелюдии и Постлюдии, как символы прощания – сквозного образа произведения);

5) как легкая еще слышная аллюзия, скрытая цитата, спрятанная в фактуре сочинения (Ф. Караев Соната для двух исполнителей, эмоциональный ключ к постижению замысла которой дается как в музыкальной аллюзии IV части – цитате «Я помню чудное мгновенье» М. Глинки; Р. Щедрин Симфонические этюды «Диалоги с Шостаковичем», где нет ни одной цитаты, но вся музыкальная ткань пронизана аллюзиями на стиль Шостаковича);

6) как интертекстуальная модель, выраженная в слове, раскрывающем замысел автора, обращенный к стилям, произведениям, композиторам прошлого. Это может быть монограмма (BACH, DSCH и др.), текстовая цитата внутри произведения или само название сочинения (А. Шнитке «Moz-art», Р. Щедрин «Музыкальное приношение», В. Екимовский «Бранденбургский концерт»).

Весьма часто разные проявления интертекстуальности объединяются в одном произведении.

Во второй половине XX в. музыка проходит целый этап развития, интенсивной эволюции и сильной трансформации: от «полистилистики», где можно было достаточно четко выявить полярные принципы цитирования, и аллюзии, композиторы перешли к иному истолкованию стиля. Новый этап связан с поисками органики. Развитие полистилистики идет от ярких коллажных эффектов к постепенному преодолению швов в композиции – к размыванию границ между «своим» и «чужим словом», от установки на инновацию композиторы переключились на ассимиляцию. Работа с цитатами постепенно раскрывает более тонкие возможности их применения.

Принцип цитирования проявляется в целой шкале приемов, начиная от цитирования стереотипных микроэлементов чужого стиля, принадлежащего иной эпохе или иной национальной традиции и кончая точными или переработанными цитатами или псевдоцитатами. Например, А. Берг Скрипичный концерт – цитирование баховского хора (интонационно связанного с музыкальным материалом произведения), Д. Шостакович Фортепианное трио – тема неоклассической пассакальи, с цитирующими стиль музыки XVIII в. тонико-доминантовыми последовательностями и уменьшенным септаккордом. Цитата может взять на себя роль кульминации. Так, в Скрипичном концерте Э. Денисова тихая кульминация основана на введении отрывка из «Прекрасной мельничихи» в ирреальном тембровом убранстве. Она же цитата-символ. Наблюдается свободное обращение композиторов с разными художественными направлениями – от народной обрядовости до неоклассицизма (в формах коллажа, стилизации, цитат). Например, в балете Р. Щедрина «Анна Каренина» цитата из П. Чайковского играет роль лейтмотива, своеобразной драматургической темы, является знаком трагической судьбы героини. Цитата – ассоциативное устройство, нередко наделенное символической нагрузкой, – часто используется в позднем творчестве Д. Шостаковича. Например, элегическая тема финала Пятнадцатой симфонии. Все большая маскировка цитат приводит к уравниванию в правах собственно цитаты, автоцитаты, квазицитаты, сближает их с аллюзиями. Так, в первом и третьем «Гимнах» А. Шнитке использует стилизации, цитаты и квазицитаты древнерусской культовой музыки, в принципе неразличимые для широкой аудитории.

Особенное усложнение различных областей музыкальной культуры – композиторского творчества, исполнительства, музыкознания – с точки зрения стилистики, требует выражение накопленного ею смыслового опыта. Оно заставляет подходить к культуре как к тексту особого рода, таким образом, усиливая культурологическое значение последнего и, одновременно, обнаруживая важность, изучать ее как особый информационно-коммуникативный феномен, структурно-смысловую целостность.

Проблема текста не является традиционной для музыкознания, это, скорее, область литературоведения. Вместе с тем ее актуальность и для музыковедов становится все более очевидной. Подтверждением этому служит все более возрастающий интерес к данной проблеме в публикациях отечественных музыковедов, в том числе, появившиеся на рубеже XX–XXI столетий. Они свидетельствуют о том, что музыковедение идет по пути освоения уже накопленного научного опыта в смежных областях гуманитарного знания, и старается выработать собственные методы исследования текста.

Литература

1. Арановский М. Музыкальный текст. Структура и свойства. – М., 1998. – 343 с.
2. Дьячкова Л. Проблемы интертекста в художественной системе музыкального произведения // Интерпретация музыкального произведения в контексте культуры: сб. тр. РАМ им. Гнесиных. – М., 1994. – Вып. 129. – С. 17–19.
3. Ильин И. Интертекстуальность // Современное литературоведение страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. – М., 1999. – 207 с.
4. Раку М. «Пиковая дама» братьев Чайковских: опыт интертекстуального анализа // Музыкальная академия. – 1999. – Вып. 2. – С. 9–21.
5. Синельникова О. Семантическая функция цитаты в инструментальной музыке Р. Щедрина 80–90-х годов // Семантика музыкального языка: Мат-лы науч. конф. 29–31 марта 2005 года. – Москва: РАМ им. Гнесиных. – М., 2006. – Вып. 3. – С. 97–108.
6. Синельникова О. Семантика цитаты или двойное кодирование в «Музыке андеграунда» Н. Корндорфа // Семиотика художественной культуры: Образ России в межкультурной коммуникации: Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. – Кемерово, 2009. – С. 192–209.

7. Тиба Д. Симфоническое творчество Альфреда Шнитке: опыт интертекстуального анализа. – М., 2003. – 157 с.
8. Яблонская Е. Интертекстуальность музыкальной культуры последней трети XX века (культурологический аспект): автореф. дис. ... канд. культурологии. – Челябинск, 2006. – 21 с.

И. А. Смирнова

КОМПОЗИЦИОННЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОТКРЫТОЙ ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКЕ

В музыкальной культуре XX в. происходит интенсивное обновление, добавление «нового» на основе предыдущего опыта. Это сопровождается определенными изменениями в музыкальном мышлении – гармонии, фактуре, ритмике, мелодике, композиции. Одно из необычных явлений, возникших в музыке эпохи постмодерна, – феномен открытой формы, который зафиксирован исследователями и в других областях искусства.

Начало теоретического анализа данного явления было положено исследованием «Открытое произведение» Умберто Эко – одного из крупнейших деятелей семиотики XX в., для которого главным материалом исследований служит литература (что не мешает ему писать и о музыке, рекламе, телевизионном репортаже и т. д.) [6].

Музыкальное произведение ушедших в прошлое эпох и стилей (барокко, классицизм, романтизм и др.) представляло собой всю совокупность звуковой реальности, которую автор организовывал вполне определенным, законченным образом, предлагая ее слушателю, или с помощью нотации наставлял исполнителя так, чтобы он, в основном, воспроизводил ту форму, которая была задумана композитором. Что касается отдельных современных музыкальных произведений XX в., то они, напротив, предполагают не законченное и определенное сообщение, не некую строго определенную форму, а возможность различной музыкальной организации произведения, которая дается исполнителю. Следовательно, подобные композиции предстают не как законченные сочинения, требующие, чтобы их пережили и постигли в заданном структурном

направлении, но как произведения «открытые», которые завершает исполнитель в тот самый момент, когда он получает от них эстетическое наслаждение [6, с. 26–27].

Понятие открытой формы в современной музыке становится многовариантным, и его можно констатировать на уровнях композиционном и смысловом. Композиционная модель открытой формы лишена материальной ясности, связана с определенными техниками письма и рассчитана на сотворчество исполнителя. Подтвердим данный факт примерами из музыкального искусства. Исполнителю музыкального произведения предоставляется необычайная свобода, когда он не только может понимать указания композитора в соответствии со своим восприятием, но просто обязан влиять на форму сочинения актом творческой импровизации, определяя длительность нот, последовательность звуков, структуру сочинения, располагая предложенные композитором фрагменты по своему усмотрению. Такая техника получила название «алеаторика» (от лат. «alea» – «жребий»), возникла она в эпоху второго музыкального авангарда (1950-е гг.). Первыми произведениями, демонстрирующими алеаторный метод письма, стали «Фортепианная пьеса XI» К. Штокхаузена, «Секвенции для одинокой флейты» Л. Берио, «Третья соната для фортепиано» П. Булеза [6, с. 24–25].

Рассмотрим подробнее образец композиции этого типа – «Фортепианную пьесу XI» К. Штокхаузена. На большом листе бумаги (форматом 52×93 см) расположены 19 самостоятельных и стабильных, в целом, структур. Исполняется пьеса следующим образом (цитирую указания автора): «Исполнитель смотрит на лист без заранее избранного намерения и начинает с первой группы, на которую упадет его взгляд, он сам избирает темп, основной динамический уровень и способ атаки. Когда первая группа сыграна, он читает обозначения темпа, динамики и способа атаки, которые следуют, затем смотрит, без заранее избранного намерения, на одну из других групп и играет ее в соответствии с тремя этими указаниями. Каждая группа может быть соединена с любой из восемнадцати других таким способом, что может исполняться в каждом из шести темпов, шести основных динамических уровней, и шести форм атаки. Если исполнитель возвращается к группе вторично, он должен сыграть ее, следуя указаниям в скобках; обычно речь идет о транспозициях на одну или две октавы вверх или вниз, различных для верхнего или нижнего но-

тоносцев. При возвращении к той же группе в третий раз, одна из возможных реализаций пьесы заканчивается. Может произойти, что некоторые группы будут сыграны лишь по одному разу, или вообще не будут сыграны. Эта пьеса должна быть исполнена по возможности два или несколько раз в течение одной и той же программы» [1, с. 128–129].

Дальнейшее развитие этих идей – в «Третьей фортепианной сонате» Пьера Булеза и «Characteres» для фортепиано Анри Пуссера. Степень свободы исполнения детерминируется композитором. В «Фортепианной пьесе XI» К. Штокхаузена пианист полностью свободен в выборе последования структур. Возвращение к одной и той же структуре происходит при минимальных ее модификациях, а сигналом к окончанию служит трехкратное повторение одной из структур. Сами структуры точно фиксированы и могут считаться стабильными (полная свобода выбора темпа, динамики и атаки допускается лишь при исполнении начальной структуры), форма же в целом – мобильна, и порядок выбора структур зависит только от исполнителя (как их количество).

«Фортепианная пьеса XI» К. Штокхаузена была первым толчком к широкому развитию так называемой «техники групп», при которой вся ткань произведения расчленяется на ряд отдельных элементов, после чего происходит установление связей между этими структурами, а также между структурами структур. Так, например, в пьесе «la» из «Characteres» А. Пуссера устанавливаются правила исполнения самих структур (допускающие небольшой элемент мобильности), взаимоотношения между структурами на каждой из шести двойных страниц нотного текста (очень мобильные), и взаимоотношения между структурами структур – последовательность исполнения этих двойных страниц, имеющая сравнительно небольшое количество вариантов, при одних из которых исполняются все шесть двойных страниц, а при других – только три из шести [1, с. 128–129].

Необходимо выделить еще одно широко распространенное в творчестве композиторов XX в. явление – полистилистика, где открытая форма декларируется не столь явно, как в примерах алеаторного творчества композиторов, но подразумевается на семантическом уровне музыкального произведения. В одном полистилистичном произведении сочетаются разнородные стилевые комплексы, что служит целям манифестации концептуального замысла. Феномен полистилистики тесно

связан со сложившимся в XX столетии отношением к истории музыки как к истории музыкального языка, элементы которого обладают истинно-смысловыми коннотациями и могут быть использованы в этом качестве для построения «музыкального дискурса». Единицами этого «дискурса» выступают точно или неточно воспроизведенные фрагменты чужих текстов. Рассмотрим это явление подробнее на примере 15-й симфонии Д. Д. Шостаковича [4].

Ключевая тема первой части (*Allegretto*) заимствована из увертюры к опере «Вильгельм Телль» Россини. Но за этой цитатой, органически вплетенной в музыкальную ткань, можно расслышать и косвенную автоцитату – опосредованную реминисценцию главной темы финала шестой симфонии Шостаковича. Процитированный в финале «мотив судьбы» из тетралогии Вагнера «Кольцо нибелунга» не менее органично, чем тема Россини, входит в ткань симфонии. Он подготовлен музыкой второй части и близок траурным хоральным аккордам *Adagio* не только по тембровому колориту, но и интонационно-ритмически [3, с. 389].

В эпоху постмодерна отмечается свободное соединение в одном музыкальном произведении разных стилей и направлений – от фольклора до рок-музыки, от григорианского хорала до авангарда (в формах коллажа, цитат стилизации). Становится актуальным освоение музыкальных традиций различных народов. Одним из главных принципов постмодернизма стала «культурная опосредованность» или цитата. По словам С. С. Аверинцева, «мы живем в эпоху, когда все слова уже сказаны», и поэтому каждое слово в постмодернистской культуре – это цитата [5, с. 221].

Во многих произведениях эпохи постмодерна многозначность интерпретации и восприятия заложена уже в самом замысле автора, предполагающего не только смысловую вариативность, но и драматургическую, композиционную, языковую, контекстуальную. Причем необычайно расширяется диапазон смысловой открытости.

Первый вариант семантической модели подразумевает наличие поводов для множества истолкований открытой формы: открытостью обладает любое произведение искусства. Второй вариант семантической модели предполагает постоянное возникновение внутренних отношений во время акта восприятия.

Возвращаясь к идее «открытого произведения», отметим, что в работе Умберто Эко еще более усложняет типологию: выделяет, «открытые» произведения «закрытые» произведения, и автотексты. Если сравнивать такие понятия, как «открытое произведение» и «автотекст», то можно заметить следующее, между ними есть принципиальные различия. Открытое произведение – «не имеет одной, предустановленной и привилегированной точки зрения. Но это не означает полного хаоса отношений внутри произведения. Напротив, подразумевается, что эти отношения регулируются неким организующим законом. Поэтому, можно сказать, что «произведение в движении» – это возможность многочисленных и многообразных личных инициатив, но отнюдь не аморфное приглашение к беспорядочному соучастию. Это – приглашение, которое дает исполнителю шанс самому сориентироваться в мире, который всегда пребывает таким, каким его задумал автор» [2, с. 5].

Все рассмотренные примеры «открытых» произведений и «произведений в движении» имеют некое значительное свойство, с помощью которого они воспринимаются именно в качестве «произведений», а не просто в качестве груд случайных компонентов, намеренных возникнуть из хаоса, в коем они пребывают, и принять какую угодно форму [2, с. 5]. Произведение является открытым до тех пор, пока оно остается произведением: за этой гранью мы сталкиваемся с открытостью как шумом [6, с. 200].

Автотексты принадлежат к третьей категории произведений. Аналогичные произведения повествуют о том, как устроены произведения, их смысл содержится именно в описании и реконструкции своей собственной формы. В художественной литературе автор не отдает полную свободу читателю, а является проводником строго определенного маршрута своего мира. Близкое и похожее по содержанию явление наблюдается и в музыке, а если быть точнее – в малой, ограниченной алеаторике, где композитор оставляет за собой контроль над драматургией композиционного единства. Этот вид техники не в состоянии изменить форму произведения, но вполне может придать выразительность семантическому замыслу.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод: во-первых, в музыке как и в художественной литературе существует автотекст, во-вторых, «открытые произведения» подвержены максимальной, но огра-

нической интерпретации, где автор дает полную свободу адаптации в его мире. А в автотексте наблюдается контроль автора за действиями читателя, как будто он сам хочет провести экскурсию и показать всю красоту его мира.

Сколь бы ни был открыт мир, он «пребывает таким, каким его задумал автор» – писал У. Эко.

Литература

1. Денисов Э. Современная музыка и проблемы эволюции композиторской техники. – М.: Советский композитор, 1986. – 206 с.
2. Зенкин С. Семиолог в отсутствие структур // НЛЮ. – 2006. – № 80. – С. 4–5.
3. Келдыш Ю. В. Музыкальная энциклопедия. – М.: Сов. Энциклопедия, 1982. – Т. 6. – С. 389.
4. Российский гуманитарный энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Полистилистика. – 2002. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 01.03.2011).
5. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
6. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. – СПб.: Академический проект, 2004. – 384 с.

О. С. Красильникова

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Коммуникативная картина современного мира, человека – многогранна, сложна, противоречива. Человек осознает себя, потому что вступает в сеть коммуникативных связей с другими людьми. Если мы проведем аналогии между культурой и личностью, то это суждение будет актуально и для культуры. Традиция сравнивать себя с другими культурами и потом утверждать свое превосходство на Западе берет начало с греческой культуры, на Востоке – с Китая. Обе культуры противопоставляли себя всему остальному варварскому миру. Уверенность эллинов, китайцев в собственной культурной значимости была основана на их убеждениях в собственном превосходстве. В греческой философии подтверждение этому можно встретить у Аристотеля, который для обозначения деятельной стороны личности использует слово «этос» в значении

«нрав», «обычай», «образ мыслей». Например, в «Риторике» он указывает на то, что доказательства достигаются с помощью нравственного характера (говорящего). Характер связан с внешним миром и проявляется в «решении людей». Внутренние свойства индивида влияют на его оценки, мотивы поведения. Аристотель отмечал, что кроме индивидуального, особого характера существует и коллективный «образ жизни», единый для всех членов социума: «...многообразен и образ жизни<...> среди людей. Наиболее ленивые из них ведут образ жизни кочевников, которые питаются, не прилагая ни труда, ни заботы, мясом домашних животных, т. к. кочевникам приходится в поисках пастбищ для своих стад постоянно перемещать место своего кочевья, то они поневоле и сами следуют за своими стадами. Другие люди живут охотой, например, для одних охотой является грабеж, для других, обитающих у озер, болот, рек или морей, обильных рыбой, охотой служит рыбная ловля, третьи охотятся на птицу или диких зверей. Все же огромное большинство людей живет благодаря земледелию и культурным растениям. Некоторые живут приятно, соединяя те или иные из этих видов и заимствуя у одного из них то, чего не хватает другому, чтобы быть самодовлеющим, например одни соединяют кочевнический и разбойничий образ жизни, другие – земледельческий и охотничий, равным образом и остальные... Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда» [1, с. 653].

Начиная с античности, философская традиция отмечает коллективный склад, и Аристотель подчеркивает разницу между кочевыми и земледельческими культурами, образами жизни. Естественно, кочевники по сравнению с древними греками оказываются отстающими. Если мы сравним это суждение с современным миром, то увидим, что оно не утратило своей актуальности. Сверхтехнологичный Запад и США считают вполне допустимыми характеристики «отсталый», «недоразвитый» в отношении традиционных культур только потому, что там не совпадает образ жизни, национальные характеры, культурные картины мира. Американский социолог Н. Дж. Смелзер отмечает: «С нашей точки зрения, западный образ жизни представляется правильным, а незападный – странным и варварским» [Цит. по: 3, с. 412].

В современном поликультурном мире происходит увеличение межкультурных контактов. Это противоречивый и двойственный процесс.

С одной стороны, коммуникацию усиливает возросшее влияние масс-медиа, усредняющее культурные различия, которые сводят культурную специфику до набора узнаваемых туристами достопримечательностей, что создает иллюзорное ощущение легкости в понимании другой культуры. В реальности разность культурных символов (вербальных, невербальных) субъектов взаимодействия затрудняет процесс общения, что является его неперенным условием. Теоретическое изучение уникальности другой культуры возможно с помощью использования такого понятия, как «национальный характер». Наиболее абстрактно его можно обозначить как «некоторые общие черты психики, связанные с историческим и культурным единством этноса», но не следует ассоциировать национальный характер только с набором некоторых психологических свойств одной этнической единицы, поскольку этот феномен гораздо сложнее, его проявления многообразны. Мы считаем, что национальный характер – это совокупность уникальных черт, которые проявляются в стереотипах поведения.

Кашаев В. Е. утверждает, что национальный характер – системное явление, в котором существует определенная логика связи его элементов, и уникальной является не отдельная черта, а совокупность черт характера, в которой какие-то особенные могут являться доминирующими. В изучении этого феномена можно выделить научный, художественный подходы, рассмотрение обыденного восприятия («предубеждения», «стереотипы», «образы») как методы анализа культурной специфики.

Исследование такого сложного явления невозможно без обращения к междисциплинарному подходу – это связано со сложностью изучаемого явления. Междисциплинарный подход должен помочь в построении многосторонней модели изучаемого явления. В изучении национального характера необходим синтез таких дисциплин, как этнология, психологическая антропология, этнопсихология, социология, социальная психология, этнолингвистика, этносоциология. Этносоциология помогает проанализировать символическую специфику быта с учетом специфики социальных структур, механизмов социального контроля, форм брака, коммуникаций, адаптационных механизмов, т. е. изучать национальный образ жизни с помощью социологических методов. Кашаев В. Е. считает, что к перечисленным дисциплинам необходимо подключить знания имиджологии, которые формируются в результате взаимодействия ряда

дисциплин (истории, психологии, литературоведения, этнологии). В центре внимания имиджологии социальная природа, происхождение стереотипов, которые связаны с такими понятиями, как «представление», «предубеждение», «образ». Их использование помогает в исследовании образов различных народов, выявляет механизм формирования этих образов, причин их возникновения и устойчивости. Рассмотрим пример, предложенный В. Е. Кашаевым. Представления – это первичные, обыденные впечатления одного народа о другом, которые создают базу для формирования стереотипов. На основе представлений, стереотипов возникают предубеждения, которые выражают негативное отношение к какой-либо этнической группе. Совокупность представлений, стереотипов, предубеждений формирует образ народа. Он может быть историческим, может быть психологическим. Психологический портрет, образ тяготеет к индивидуализации, хотя может обладать и обобщающей силой. Это сложное и спорное утверждение. Мы согласны, что невозможно автоматически использовать индивидуальные, психологические характеристики при составлении этнического портрета. В произведении А. Манфреда «Три портрета Великой французской революции» даны психологические портреты Руссо, Мирабо, Робеспьера. Но более понятным, «внятным» французский характер не становится. Возможно использование этих описаний в сочетании с таким жанром, как исторический портрет, в котором историк реконструирует характерные черты, основанные на фактологическом материале, поможет сделать образ и характер народа более информативным [2, с. 74–77].

В структуру национального характера включены этнические стереотипы, исследованием которых занимается этнопсихология, историческая этнология. Особую область исследования национального характера составляет взаимосвязь семиотики и семантики, которая позволяет проанализировать символическое значение знаков, поведенческих жестов, анализ смыслов стереотипов в культуре. Например, представления о пространстве, времени, ценностях символично. С семиотическим аспектом исследования национального характера связан лингвистический анализ.

Интересные результаты представлены в работе А. А. Мельниковой «Язык и национальный характер» [4]. Она считает, что в лексике конкретизируется, воплощается конкретно-историческая картина мира данного народа (не только воплощается, но и транслируется, т. к. ребенок усваи-

вает через языковые феномены определенный тип мировидения). Грамматические структуры создают границы для формирования национальной картины мира, а словарный состав ее достраивает, ориентируясь на меняющуюся историческую действительность. Культурологи, в отличие от представленной точки зрения филолога, считают, что культурная картина мира влияет на языковую культуру. Вопрос о доминировании остается открытым, несомненно то, что национальный характер, система ценностей, картина мира и национальный язык взаимосвязаны. Так, А. А. Мельникова проанализировала два устойчивых выражения русского и английского языка. Русское выражение «найти друга» в английском языке дословно означает «сделать друга» (to make friend). Разница объяснима с помощью культурной специфики и разных культурных кодов. В русской культуре существует дифференциация отношений – друг, товарищ, приятель, знакомый. Если в русской культуре ассоциативный ряд понятия «друг» – доверие, искренность, преданность, то в англо-американской культуре «друг» предполагает поверхностные отношения, о друзьях говорят в контексте «приятное времяпровождение, забава, удовольствие, развлечение». Наличие в английском языке определенного и неопределенного артикля подчеркивает определенность, конкретность высказываний. В английской грамматике присутствует жесткий порядок расположения слов, что способствует формированию психологической установки, которая стремится исключить случайности. Если наш язык допускает неточности (если что, авось, на всякий случай), то английский требует уточнения (if case the worst happens). Это особенность не только английской культуры. Шубарт В. в своем культурологическом исследовании отмечает любовь немцев к порядку, предсказуемости: «никаких импровизаций» – их главный жизненный принцип. Развлечения, удовольствия должны быть разработаны до мелочей, иначе отдых будет испорчен [5, с. 480].

Итак, этнолингвистический подход в сочетании с исследованиями культурологов помогают скрупулезному изучению этого явления.

Не менее значимым является анализ художественных произведений, в которых представлены этнические стереотипы с авторской трактовкой. Например, произведения Н. С. Лескова «Железная воля», «Лев-

ша»; А. П. Чехова «Дочь Альбиона», «Глупый француз»; В. В. Вересаева «Франческа»; Ф. Марсо «Капри – остров маленький»; Р. Гари «Леди Л.».

Богатый материал для анализа представлен в современном кино. Мотивы поведения американских героев не совпадают с русскими представлениями о благородстве. Об этом свидетельствуют фильмы «Брат 2» Алексея Балабанова, «Санктум» Дж. Кэмерона.

Представленные примеры позволяют сформулировать вывод о важности междисциплинарного подхода в изучении национального характера. Анализ стереотипов из художественных произведений, этнических стереотипов, языковых структур доказывает сложность этого явления. Междисциплинарное исследование способствует выработке комплексного знания об изучаемом предмете.

Литература

1. Аристотель Политика // Сочинения. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 653.
2. Кашаев В. Е. Национальный характер: опыт философского исследования. – Иваново: ИвГУ, 2000. – С. 74–77.
3. Левяш И. Я. Культурология: курс лекций. – Минск: «ТетраСистемс», 1998. – С. 412.
4. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимодействие структуры языка и ментальности. – СПб.: Речь, 2003. – С. 318.
5. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Эксмо. Алгоритм, 2003. – С. 480.

Т. С. Стенюшкина

ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ХОРОВОМ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВЕ

Пространство – одна из форм существования материи. Каждая эпоха строит свое пространство, в котором происходят события, присутствуют вещи, от которых зависит человеческое обитание. По мнению философа В. К. Егорова, «...культура всегда существует в пространственно-временной системе координат» [1, с. 163]. Каган М. С. считает, что пространственное изменение культуры обеспечивает социальную жизнь в каждый момент истории, удовлетворяет духовные потребности людей, временное – выражает необходимость хранения накопленного опыта, пе-

редачу его от поколения к поколению, а также его развитие, совершенствование, углубление знаний, накопление ценностей. Культура становится средством обеспечения актуальных человеческих нужд, механизмов наследования социальных ценностей, заменив механизм биогенетической передачи поведенческих программ у животных. Носителем культурных ценностей является только человек. Но культура не рождается внезапно, а складывается постепенно, вместе с формированием человеческого общества в пространственно-временном отрезке жизни поколения. Культура опирается на повторяющиеся факты в жизни человечества и все время обновляется, т. е. традиционное взаимодействует с новым [2].

Границы пространства культуры не всегда строго регламентированы, они имеют вариации, допуская свободу находящегося там индивида. Символический порядок не ограничен четким рабочим временем, обязанностями, контролем. Но человек вынужден подчиняться гласным и негласным правилам культуры, руководствоваться определенными символическими ценностями. Человек, опираясь на свой предыдущий опыт, знает, как ему расположиться в данном культурном пространстве, что ему позволено делать, а что нет.

В пространстве культуры функционируют те учреждения, которые являются культурными по преимуществу, т. е. те учреждения, благодаря которым сохраняются и воспроизводятся определенные культурные формы. На сегодняшний день таких учреждений достаточно много. К ним можно отнести образовательные учреждения, концертные организации, библиотеки, музеи, театры, творческие коллективы и др.

Как известно, связи людей между собой сопровождаются обменом культурной информацией. Единицами обмена являются представления, образы, выраженные в символической форме. Их упорядоченность также считается составляющей культурного пространства. В этих символических формах закреплены знания людей, переживания, оценки. Все это, закрепленное в символической форме, составляет, по словам профессора Э. А. Орловой, «разделяемый социокультурный опыт, порождаемый, осваемый и используемый в повседневной практике» [3, с. 100]. Такой опыт воплощается в носителях культурной информации – архитектурных памятниках, письменных и нотных текстах, теоретических выводах, формулах и т. д. Информация сохраняется и транслируется за счет механизма традиции, который позволяет ее собирать, хранить, передавать.

Искусство, как одна из областей символического пространства, в образной форме концентрирует представления о реальности и фантазии людей. Эта культурная информация выражена профессиональными художниками, актерами, музыкантами в соответствии с эстетическими принципами и нормами исторической эпохи.

На эмпирическом уровне одним из хранителей определенной культурной информации, носителем культуры является хоровой коллектив, который существует в культурном пространстве и, в то же время, использует его как выразительное средство. Носитель информации в данном случае – нотный текст, в который заложены все особенности стиля, эпохи и, конечно, исполнения. Хоровое исполнительство – это вид творчества, при помощи которого и идет обмен информацией, получение новых знаний, поиск средств выразительности.

Хоровое пение – это наиболее древняя и традиционная форма музыкального искусства. Важной особенностью является его коллективная основа. Каждый певец, как элемент целого, должен взаимодействовать с коллективом певцов, находить свое место в общем звучании. Музыка, и хоровая в том числе, искусство временно́е, оно отражает реальность в звуковых образах и поэтому нуждается в исполнителях, которые являются посредниками между автором и слушателями. Известно, что жизнь музыкального произведения начинается с момента исполнения. Содержание хоровой музыки связано с мыслями, чувствами, жизнью большого числа людей, поэтому носит обобщенный, надындивидуальный характер.

Хоровое исполнительство можно рассматривать в физическом пространстве – размещение хора в пространстве сцены и в акустическом пространстве, т. е. заполнение пространства вокальным звуком, т. к. эти факторы связаны с жанровыми особенностями и являются средствами воплощения художественного образа. Изучение особенностей пространства в данном случае необходимо, т. к. оно будет влиять на качество звучания, служить выразительным средством, создавать звуковой образ хорового произведения.

В классическом академическом хоровом искусстве пространство до определенного времени играло служебную роль, т. е. сводилось просто к размещению хора в пространстве сцены. Хор во время исполнения оставался в статичном положении, что способствовало координации исполнительского акта, достижению уравновешенности звучания. В традиционной модели общение исполнителей опосредовано нотным текстом,

хотя, конечно, актуально и их непосредственное общение. Дирижер – посредник в общении исполнителей и слушателей.

Освоение пространства шло постепенно в процессе снижения условности хора, от статичности церковной музыки до театрализованных форм хорового исполнительства. Те стилистические изменения, которые происходили в церковной музыке, не коснулись этой ее особенности. Эталоном всегда оставался статичный хор. Это сохранилось до сих пор, хотя, конечно, вырос профессиональный и исполнительский уровень церковных хоров. Осталась и главная функция культового пения – создание настроения отрешенности, торжественности, настройка души на возвышенный лад.

Освоение пространства, утверждение новых исполнительских форм было связано со светским искусством, театром. Право и возможность двигаться в сценическом пространстве хор получал постепенно в процессе длительного развития сценического и музыкального искусства. Хор постепенно переставал играть условную роль, роль фона, комментатора происходящего на сцене. В оперных спектаклях XVIII в. хоровые сцены уже играли значительную роль, а в русской опере XIX в. хор стал действующим лицом (оперы М. Глинки, А. Бородина, М. Мусоргского и других композиторов).

Исследователей давно привлекает проблема исполнения фольклора в условиях сценического пространства. Народное исполнительство – изначально бытовое, перенесение его в пространство сцены требует специальной работы с песней (обработка, аранжировка). К народной песне всегда обращались композиторы-классики. Их привлекал богатый и своеобразный музыкальный язык, богатство художественных образов и средств музыкальной выразительности. Русскими композиторами создан огромный пласт классических обработок русских народных песен, которые исполняются академическими хорами. Вместе с новой формой исполнительства возникла и проблема жизни народной песни в новом пространстве, которой не было в период разделения на профессиональное академическое хоровое пение и бытовое исполнение. В народном хоре как новой форме хорового искусства переплелись традиции академизма с традициями фольклорного исполнительства, т. е. пение и движение в сценическом пространстве.

Если говорить о народном исполнительстве, то здесь нужно отметить, что освоение пространства шло параллельно с развитием жанра и

новых исполнительских форм. Уже изначально процесс исполнения подразумевал ритуальные и танцевальные движения, жестикуляцию, свободную расстановку, которая не мешала бы общению исполнителей и слушателей. Слушатели всегда могли принять участие в исполнении, внести свое, личностное отношение. Это было, по словам профессора И. Земцовского, «коллективное исполнительское общение» [4, с. 6]. Не существовало деления на индивидуального исполнителя и его аудиторию. Исполнители и слушатели сливались воедино и заполняли пространство движением танца, узорами хороводов.

Одной из характерных черт русского народного исполнительства является его тесная связь с бытом. По словам Б. Асафьева, «оно чувствует себя привольно и в лесу, и в поле, и в избе» [5, с. 82]. Исполнение народной песни представляет собой синтез многих искусств – пение, игра на музыкальных инструментах, использование танцевальных движений. Игровые, хороводные, плясовые песни, спетые в статичном положении не вызывают того эмоционального отношения, которое должно быть. Поэтому заполнение пространства хороводом, пляской – важный и обязательный компонент исполнения народной песни. Некоторые обрядовые хороводы требуют для своего исполнения нескольких сотен человек. Характеристики пространства при этом все время будут меняться.

Во время исполнения хоровой коллектив заполняет пространство не только размещением и движением, но и певческим звуком, который является главным музыкально-выразительным средством хора. Певческим звуком хор делает написанные ноты живыми и доступными слушателям. С помощью различных штрихов хор выражает характер музыки, настроение, раскрывает художественный образ, весь психологический подтекст, который заложен в тексте и мелодии. Звучание хора может вызвать бурю эмоций, создать настроение, но может и не тронуть слушателей, оставить равнодушными. Это зависит, в том числе, и от акустических характеристик звучания хора, звукового пространства, которое он создает.

Расширение акустического пространства шло также постепенно от одноголосного знаменного пения, которое отличалось плавным, спокойным движением мелодии, до развитой сложной полифонии. Развитие техники дирижирования началось со специальной системы жестов, которая называлась «хирономия» и укладывалась в плоскость. Современная техника управления хором требует ощущения пространства в жесте ди-

рижера. Это, конечно, связано с расположением хора в сценическом пространстве, объемной хоровой фактурой, в которой аккордовые вертикали охватывают большой звуковой объем (4 октавы и более), необходимостью качественного акустического звучания.

Расположение звуков в пространстве, их движение, которое создает различные акустические эффекты (удаление, приближение, имитация, эхо) – все это можно назвать пространственными факторами в музыке. Пространство создает вертикальное звучание аккорда, так же как горизонтальная мелодия звучит во времени, которое, как известно, всегда направлено от прошлого к будущему.

Композиторы классической школы не раз пользовались акустическим пространством как средством художественной выразительности. Например, хоры Г. Свиридова из цикла «Пушкинский венок» «Эхо», «Зорю бьют...», в которых для изображения эха, сигналов трубы часть хора располагается за кулисами. С. Слонимский в партитуру хора «Люби жену, да не бей!» вносит ремарки о расположении хора (хоровые партии должны быть расположены в последовательности – Басы, Тенора, Альты, Сопрано), что вносит дополнительные темброво-акустические краски в звучание хора и помогает реализации авторского замысла и, в то же время, изменяет восприятие акустического пространства слушателями.

Если говорить о народном хоре, то нужно отметить особенности использования акустического пространства, зависящие, в том числе, от региональных исполнительских традиций. Например, южнорусское пение характеризуется ярким грудным резонированием, использованием разговорного регистра. Оно располагается в меньшем акустическом пространстве, чем, например, северное. Диапазон хоровой партитуры занимает меньше октавы. Северное пение, более спокойное по темпераменту, имеет большую вертикаль за счет октавного подголоска. Партитура располагается в двух октавах и заполняет собой пространство за счет использования разных тембровых красок, как высоких, так и низких. Но то и другое пение интересно, своеобразно, имеет свои достоинства, средства выразительности, художественную образность и, конечно, исторические корни, связанные с географическими и бытовыми условиями.

Таким образом, говоря об использовании пространства в хоровом пении, нужно подчеркнуть, что на его использование накладывает свой отпечаток эпоха, содержание хорового произведения, исполнительское решение, а в народной музыке еще и региональные особенности испол-

нения, которые являются решающими при выборе средств художественной выразительности. При общении с народной музыкой разрушилась традиционная модель классического хорового исполнения, и началось освоение нового пространства в хоровой музыке. Правильный вокальный звук профессор Л. В. Шамина называет «полетным, ярким, звонким, обертоново насыщенным, объемным, акустически полнокровным», т. е. тот звук, который хорошо распространяется в пространстве, заполняет его собой [6, с. 8]. И только в этом случае он может быть средством выразительности хорового коллектива. В результате процесса освоения акустического и физического пространства хоровой коллектив обретает способность отражать более разнообразный спектр красок.

Литература

1. Егоров В. К. Философия русской культуры: монография. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 532 с.
2. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
3. Орлова Э. А. Концепция социокультурного пространства: познавательные возможности // *Личность. Культура. Общество: Международный журнал социальных и гуманитарных наук.* – М., 2007. – Вып. 3 (37). – С. 96–112.
4. Земцовский И. И. Некоторые аспекты народно-певческой эстетики и феномен народного хора // *Сохранение и развитие русских народно-певческих традиций: сб. тр. ГМПИ им. Гнесиных / отв. ред. Л. Шамина.* – М., 1986. – Вып. 86. – С. 4–12.
5. Асафьев Б. О народной музыке / сост. И. Земцовский, А. Кунанбаева. – Л.: Музыка, 1987. – 248 с.
6. Шамина Л. В. Школа русского народного пения. – М.: Моск. гос. фольклорный центр «Русская песня», 1997. – 86 с.

Н. А. Примеров

ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО НА НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Когда говорят и пишут о русских народных музыкальных инструментах, то подразумевают, в первую очередь, балалайку, гармонию, баян,

домру, гусли, жалейки, ложки. Список может быть продолжен. Но стоит добавить в этот перечень, например, аккордеон и гитару, как сразу могут появиться вопросы и возражения. Далеко не все считают их русскими, тем более – русскими народными. Мы обнаруживаем основание для серьезного теоретико-методологического разногласия, а также стимул для исследования.

Среди преподавательского состава высших и средних музыкальных учебных заведений, а также среди большого числа педагогов начального музыкального образования баян, домра и балалайка, тем более аккордеон и гитара, давно не считаются русскими народными инструментами. Многие называют их академическими, эстрадными, вненациональными. К народным относят лишь «фольклорные инструменты». Опять же фольклористы не признают баян и гармонь, тем более аккордеон или гитару, «своими».

Существует и разделение музыкального исполнительства на профессиональное и любительское и концертное и бытовое. Доходит до того, что словосочетание «русский баян» или «русская гармонь» вызывает возмущение, возражения и чуть ли не запрет на употребление в печати, в книгах и официальной терминологии. Так, много споров вызвало название выпущенной мной в соавторстве с А. А. Михайловым в Новосибирске в 2006 г. книги «Русский баян» [1], а на распространение ее по учебным учреждениям в Новосибирской области был наложен негласный запрет. А на ежегодных методических педагогических чтениях уже не раз возникали теоретические споры на эту же тему. Даже на страницах всероссийского бюллетеня «Народник» развернулась дискуссия о том, является баян русским народным или же академическим вненациональным инструментом. Все это порождает вопросы. Что есть на самом деле народный инструмент? Являются ли в действительности баян и гармонь народными инструментами, и как сам народ воспринимает их? В чем он видит их предназначение, какое определяет им место в собственной жизни?

На практике к народным инструментам уже давно относят все то, что имеет касательство к профессиональному музыкальному образованию и к профессиональному, академическому исполнительству. Произошла, по сути, подмена понятий. Возобладала точка зрения, когда все то, что не относится к профессиональному музыкальному творчеству,

недостойно внимания. Любительская игра, бытовое и семейное музицирование, игра на улицах, во дворах, на празднествах стала уничижаться, даже высмеиваться. Это стало синонимом низкопробности, несовершенства исполнения, плохого вкуса. Нередко по поводу исполнения народных наигрышей, песен, плясок и танцев можно услышать: «деревенщина», «примитив», «кабацкий репертуар», «цыганщина», «музыка для гулянок» и т. п.

В итоге «выброшенным» вовсе на задворки официального музыкального исполнительства оказался такой прекрасный и самобытный инструмент, как гармонь. Его не оказалось даже в перечне музыкальных инструментов, допускаемых в средние и высшие музыкальные учебные заведения. Да и в начальном звене музыкального образования – в детских музыкальных школах и школах искусств – гармонии не нашлось места. Редки примеры обучения игре на гармонии в учебных заведениях России. И появляются эти примеры благодаря упорству и исключительной энергии горстки энтузиастов и популяризаторов гармонии, практически возвращающих этот прекрасный инструмент народу и продвигающих его в профессиональную музыкальную среду. А народное музицирование на баяне, народный репертуар и вовсе исчезли из поля зрения профессионалов и управленцев от музыки, выпали и из системы государственной музыкальной политики, финансирования. А сколько человеческих судеб разбито! Ведь народных музыкантов, самородков не жалуют в учебных заведениях, в учреждениях культуры. Вот несколько красноречивых примеров. Народного артиста России и Украины, доктора искусствоведения, профессора, художественного руководителя всемирно известного Государственного Академического Кубанского казачьего хора Виктора Гавриловича Захарченко в юности даже не приняли в музыкальное училище – из-за того, что он не знал нот, играл по слуху на гармонии, не учился в музыкальной школе [2]. Заслуженного артиста России, великого и неповторимого сибирского баяниста А. А. Полудницына в 1980-х годах лишили высшей категории и вывели за штат Новосибирской филармонии, хотя его концерты пользовались всегда огромным успехом у слушателей. Братья Г. Д. и А. Д. Заволокины не без проблем окончили музыкальное училище, при том Геннадию Дмитриевичу пришлось обучаться на домре, на баян его просто не приняли. А солиста-

вокалиста ансамбля народной музыки «Частушка» им. Г. Д. Заволокина и ведущего гармониста Алексея Ходаковского и вовсе отчислили из музыкального училища как профнепригодного. Так и работает последний многие годы, не имея специального музыкального образования. Не счесть одаренных детей, самоучек и самородков, народных талантов, которых вынудили прекратить образование в детских музыкальных школах – не вписались в систему, не смогли одолеть таких «наук», как теория музыки или сольфеджио, в которых нет даже намека на народное пение, на русские народные музыкально-певческие традиции.

Все конкурсы исполнителей на народных инструментах организуются на академических, прозападных началах. Из названий все чаще и чаще уходит само определение – «русские». Кафедры и отделения высших и средних музыкальных учебных заведений убирают из названия слово «народные» и переименовывают бывшие кафедры в кафедры баяна и аккордеона, отделения струнных, гитары...

Подобные тенденции, по крайней мере, спорны и противоречивы и не могут считаться нормальными и приемлемыми. В любом случае проблема требует изучения, обоснования, открытого обсуждения и принципиального решения.

Целью нашего исследования является обоснование необходимости законодательной защиты статуса русских народных музыкальных инструментов.

Задачи исследования многообразны:

- выявление отношения населения к народным инструментам, в первую очередь, к баяну и гармонии;
- определение места баяна и гармонии в музыкальной жизни России;
- определение национальной принадлежности баяна и гармонии;
- выявление социальных факторов, влияющих на музыкальное народное творчество, взаимосвязи с различными проявлениями в жизни российского общества;
- выявление положительных и отрицательных факторов, влияющих на развитие народного музыкального исполнительства;
- определение уровня ожиданий населения в отношении поддержки народной музыкально-певческой традиции со стороны государственных органов власти, предпринимательства, общества;

– определение роли личностей, организаций в историко-культурном процессе по сбережению традиций народного музыкального исполнительства;

– выявление современных тенденций в народном музыкальном исполнительстве.

С мая 2008 г. проводится всероссийское социологическое исследование по теме «Отношение населения современной России к народному музыкальному творчеству с использованием гармони и баяна».

Информацию исследователи получают из «первых рук», от самых широких слоев населения, а не из отчетов чиновников, как было всегда. При том, исследование проводится по широкому спектру проблем, охватывает самые разные слои населения и специалистов-экспертов. Круг вопросов охватывает самые разные сферы жизни людей, их духовные и нравственные предпочтения, интересы, потребности, мотивации. В итоге определяется роль и место народной музыки, народных инструментов в истории трех поколений, в духовном и нравственном развитии общества, в социуме, влияние их на все другие проявления социальной жизни. Делается корреляция музыкально-певческих предпочтений с проблемами социальной справедливости, со смысложизненными вопросами.

Данные, полученные в ряде регионов Российской Федерации (Новосибирская, Омская, Курганская, Кемеровская, Белгородская области, Алтайский и Краснодарский края, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Республика Башкортостан), говорят о следующем. Отмечена активная поддержка населением и экспертными группами народного музыкального творчества, проявление живого интереса к баяну и гармонии. Об этом говорят примерно три четверти (а иногда и больше) опрошенных [3]. Правда, на снижение такого интереса в обществе указывает также достаточно большой процент опрошенных (до 40 %). Однако баян и гармонь пока входят в число ведущих, самых любимых в народе инструментов (попадая в первую тройку по распространенности и умению на них играть в семьях).

Показательны ответы на вопрос «В каком музыкально-содержательном направлении должны развиваться баян и гармонь?». Большинство экспертов считает, что баян и гармонь должны сохранять русские национальные особенности, исполнительство на них должно следовать народным музыкальным традициям – 90 % и более. Желательный

репертуар – бытовая музыка, народные танцы и песни – 89,7 %, русская классика – 61 %. Более 60 % опрошенных считает, что баян должен развиваться именно как массовый народный инструмент. Как русский национальный инструмент баян определяют 79,5 % опрошенных. Противоположные, значительно уступающие мнения: баян не имеет национальной принадлежности или баян – это академический, эстрадный инструмент.

Еще более доказательны ответы на вопрос о направленности «Международного Маланинского конкурса-фестиваля», проводимого в Новосибирске более 20 лет, на народные формы и жанры музицирования. До 90 % опрошенных отметили, что это бесспорно положительное явление, которое заслуживает всяческой поддержки. Более того, 59 % подчеркнули, что нужно усилить народную направленность конкурса-фестиваля.

Усиление интереса населения к народному музыкальному творчеству, к баяну и гармонии участники опроса связывают, в первую очередь, с ростом национального самосознания, возрождением жизненных сил и духовной мощи русского народа, реакцией славянских народов России на экспансию западной музыкальной массовой культуры, с активной деятельностью общественных организаций, в том числе и Всероссийского центра «Играй, гармонь!», «Международного Маланинского конкурса-фестиваля», а также с проявлением энтузиазма и инициативы отдельных граждан. В то же время меньше всего население видит в этом процессе заслугу государственных органов управления, предпринимателей, профессиональных учебных учреждений и СМИ.

Любопытно, что падение интереса к народному музыкальному творчеству, к баяну и гармонии население объясняет именно невниманием государства и предпринимательства, все тем же влиянием западной музыкальной массовой культуры, нарастанием кризиса русского национального самосознания и ослаблением жизненных сил русского этноса.

Характерные ответы на соответствующие вопросы в социологическом опросе отличаются большим диапазоном мнений и позиций. Например: «отсутствует четкая политика государства в области народного музыкального творчества»; «практически нет поддержки на местах тем, кто искренне трудится и популяризирует народную музыку»; «отсутствие эфирного времени для народных музыкантов и певцов»; «отсутству-

ет государственная поддержка и законодательная основа развития русской народной музыкально-певческой культуры»; «западная музыкальная массовая культура доминирует над русской национальной»; «засилье западной эстрадной, поп- музыкальной культуры на радио и ТВ»; «отсутствие внимания со стороны ЦТВ и региональных ТВ к русской народной музыкально-певческой культуре»; «отсутствует ощутимая помощь властных структур любительским музыкальным коллективам». Подобные оценки встречаются фактически в любой из обработанных нами анкет.

Ознакомление с материалом опросов приводит к выводу, что, несмотря на все потери культурного, нравственного и духовного богатства, до сих пор у россиян сохраняется высокий духовный и патриотический настрой. На вопрос о том, что же является главным, основным в характеристике культуры современного русского человека, более 60 % опрошенных ответило: «верность, служение обществу, корневые традиции, духу русской культурной жизни, понимание характера ее роли, приверженность русскому православию».

В народном сознании проявляется явное превосходство традиционных ценностей над нетрадиционными – модными, прозападными, заимствованными извне. То есть, по сути, прослеживается разрыв в мировоззрении и отношении к народному музыкальному творчеству между руководящим слоем искусства и огромным большинством населения страны. Баян и гармонь продолжают оставаться любимыми русскими народными инструментами и по-прежнему входят в число наиболее распространенных в обществе.

«Глас народа» свидетельствует о том, что основой музыкального развития детей должна быть именно народная музыка. А народные инструменты должны звучать не только со сцен концертных залов, но в первую очередь в быту, в семьях, школах, во дворах [4].

По определению доктора искусствоведения, профессора РАМ им. Гнесиных М. И. Имханицкого, «не имеет никакого значения то, в какой стране, у какого народа впервые появилась первоначальная конструкция того или иного народного инструмента для выявления его национальной принадлежности. основополагающий критерий – именно традиционность бытования в определенной этнической среде для выражения национального музыкального искусства» [5, с. 19]. И далее: «как только распространенный в национальном музыкальном быту инст-

румент начинает выполнять важнейшую для общества массово-просветительную роль, он обретает именно эту социальную составляющую своей народности. Более того, теперь народность баяна, балалайки, домры, гитары перемещается от этнического компонента понятия «народный» к социальному. Этнический компонент, естественно, при этом остается, но он занимает теперь далеко не основное место в культуре общества, хотя и является очень важным для национального самосознания людей» [5, с. 37].

Результаты исследований еще резче обозначили проблему – поистине полярные представления о народности баяна и гармонии двух категорий общества – музыкальной элиты, профессуры, с одной стороны, и большинства населения – с другой. И пока элита не перестроится, не изменит своего отношения к баяну и гармонии, не откажется от игнорирования народного, пока учебные программы и репертуар будут строиться на академических началах и по западному образцу, будет падать престиж концертирующих музыкантов-профессионалов, играющих на народных инструментах, а также все более уменьшаться набор на отделения и факультеты народных инструментов в музыкальных учебных заведениях.

Русская культура должна, на наш взгляд, выступать системообразующим началом в социокультурном пространстве России, а народная традиционная музыка, баян и гармонь – занимать особое место в художественной, духовной и нравственной жизни населения России. Никакое возрождение, развитие общества, страны невозможно без внимательного и бережного отношения к народному музыкальному творчеству. Без создания благоприятных условий для приобщения детей и подростков к народной музыке, без разработки специальных мер и законодательной защиты, без поддержки и гарантий со стороны государства благополучная перспектива страны не только в чисто культурной области, но и во всех других сферах, невозможна.

Нельзя сохранить свою независимость как суверенного государства, как народа с самобытной культурой без охраны духовных рубежей. Но для этого нужно многое изменить в существующей системе музыкального образования, просвещения, в отношении к народному творчеству, народным музыкантам, русским народным инструментам. В музыкальных учреждениях необходимо существенно пересмотреть программы и учебный репертуар. Фестивали, конкурсы также нуждаются в концептуальном реформировании. Обязательно надо создавать ус-

ловия для народного музицирования, выделять помещения для занятий, всячески поощрять семейное музыкально-певческое творчество. Особого внимания требует производство и ремонт музыкальных инструментов. Во всех регионах нужно создавать «Центры народной культуры», принимать специальные государственные программы возрождения и развития традиций народной музыкально-певческой культуры.

Безусловно, проблеме сохранения и развития традиций народного музыкально-певческого жанра с применением баяна и гармони должно уделяться гораздо большее внимание и поддержка, чем это происходит сегодня.

Начатые исследования отношения населения России к народному музыкальному творчеству с использованием гармони и баяна нуждаются в продолжении. Ведь до сих пор данная тематика в социологических исследованиях не имела места. Исследования выявили много интересных связей, проблем, предпочтений населения, что дает богатую пищу для размышлений и анализа, сопоставления, разработки практических мер, программ, законопроектов.

В процессе исследований выявляются тенденции и проявления духовно-нравственной жизни народа, которые обычно ускользают от обыденного опыта. Область же возможного применения представленных данных наших исследований очень широка. Пожалуй, не найдется сферы жизнедеятельности общества, где бы не нашли применения полученные результаты: образование, социальные и гуманитарные науки, культурная и молодежная политика, экология культуры и человека, экономика, право, социальная защита, духовно-нравственное и патриотическое воспитание.

Литература

1. Михайлов А. А., Примеров Н. А. Русский баян. – Новосибирск: Экор, 2006. – 300 с.
2. Примеров Н. А. Геннадий Заволокин. – Новосибирск: РОУ «Музей сибирского баяна и гармони им. И. И. Маланина», 2008. – 544 с.
3. Григорьев С. И., Марченко Ю. Г., Примеров Н. А. и др. Современная Россия: отношение населения к народному творчеству с использованием гармони и баяна. – М.; Новосибирск; Барнаул, 2008. – 79 с.
4. Григорьев С. И., Марченко Ю. Г., Примеров Н. А. и др. Современная Россия: отношение населения к народному творчеству с использованием гармони и баяна. – М.; Новосибирск; Барнаул, 2009. – 51 с.

5. Имханицкий М. И. История исполнительства на русских народных инструментах. – М.: Изд-во РАМ им. Гнесиных, 2002. – 37 с.

О. А. Беляева

ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЛЬНОГО ДЕКОРИРОВАНИЯ НА ПРЕДМЕТАХ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КУЗБАССА

Конец XX в. ознаменован возросшим интересом российского общества к истокам и своеобразию народной культуры. Стали возрождаться забытые народные художественные промыслы и ремесла России, в том числе и в Кузбассе.

«Феномен орнамента в культуре, как знаковая система в антропологической картине мира, представляет собой очень древнюю проекцию сознания в деятельности. Простые, а затем и сложные геометрические формы орнамента, начиная с первобытности, а затем и через этническую традицию исторически отражают специфическую информацию о внутреннем и внешнем мире человека» [6, с. 255].

Наиболее ранние формы орнаментов встречаются на предметах материальной культуры эпохи неолита и бронзы. Как писал С. В. Иванов, в изображениях на предметах «находили отражение наблюдения над явлениями природы, мысли о жизни и жизненных функциях организмов, попытки осмыслить строение вселенной, устройство тел человека и т. п.» [2, с. 165]. Орнамент сопровождал человека повсюду, присутствовал на одежде, домашней утвари, жилых постройках. Первыми изображениями были простейшие фигуры: точки, линии, круги, спирали, ромбы, кресты и т. д., соединение которых привело к образованию орнаментальных композиций. Орнамент приобрел определенное смысловое содержание, что придавало предмету, на который он наносился, определенную смысловую нагрузку.

На протяжении тысячелетий Сибирь являлась зоной активного взаимодействия различных этнических культур, о чем свидетельствует декоративно прикладное искусство народов проживающих на территории Кузбасса, которое развивалось не изолированно, а в тесной связи с культурой других этнических групп, в частности переселенцев. С. В. Иванов отмечает: «Эти связи в особых, присущих орнаменту

формах отражают различные этапы этногенеза в истории этих народов» [2, с. 478].

В связи с недостаточной разработанностью данного вопроса возникает необходимость исследовательской работы в целях прослеживания взаимодействия народов в приемах декорирования предметов материальной культуры. Изучение вопросов, связанных с проблемами декоративно-прикладного искусства Сибири, началось сравнительно недавно. Орнаментам на предметах материальной культуры народов Сибири посвятил свое исследование С. В. Иванов. Изучением домовой росписи Западной Сибири занималась В. А. Лапинская, исследованием культуры народов Притомья – Т. И. Кимеева, которая подробно рассмотрела межэтнические взаимодействия коренных народов и русских переселенцев. Е. А. Ащепков первым проявил интерес к крестьянскому зодчеству Западной Сибири, описал основные виды жилищ русского населения, проживающего на территории Сибири, а также рассмотрел взаимодействие культур русских переселенцев с культурами коренных народов в приемах декорирования жилых построек [1]. Переселенцы, осваивая Сибирь, несли с собой культурные традиции, которые, в свою очередь, были основаны на языческих представлениях.

Декорирование домов было свойственно как переселенцам, так и телеутам и томским татарам. Дома украшали резным и пропиленным орнаментом, выполняемым простыми инструментами – ножом, топором, долотом [1, с. 123]. В основном орнаментировали самые уязвимые участки жилища, через которые могли попасть в дом «злые силы», – карнизы фронтонов, карнизы и фризные доски, наличники, ставни окон, крыльцо, ворота и калитки. Мастера любили украшать изделия геометрическим растительным и зооморфным орнаментом. Нередко в узоры наличника использовалось сочетание простого геометрического и растительного орнамента. В качестве примера Н. А. Томилов в работе «Русские Нижнего Притомья (конец XIX – первая четверть XX вв.)» приводит описание декора на наличниках дома в селе Калтай, который был привезен из деревни Константиновка Яшкинского района Кемеровской области и принадлежал этническим русским. «Центральное место на верхней доске занимает, – пишет он, – “занавес”. Шапку окаймляет бордюр в виде сердцевидных фигур. В верхней части боковой доски – геометрическая фигура, состоящая из 3-х прямоугольников, полукруглых

в сечении, и плоского прямоугольника с 5-ю круглыми отверстиями. Ниже – прямоугольник, в котором находятся 2 круглые розетки с круглыми отверстиями посередине, соединенные с вытянутым прямоугольником, на котором расположены 3 ряда круглых сквозных отверстий. В нижней части боковой доски с каждой стороны – четырехгранная пирамида с прямоугольным основанием, соединенная нижним концом с плоской ромбовидной фигурой. В нижней части наличника – криволинейный геометрический узор» [8, с. 151–152]. Другим примером могут служить деревянные дома г. Мариинска, которые имеют более богатое резное убранство. Для Мариинска характерен декор наличников с изображением зооморфного мотива: «бараньи рога», «петушки» с сочетанием геометрического или растительного орнамента. Мотив «бараньи рога» встречается и у телеутов, проживающих в Беловском районе. Причелины домов украшались доской, нижней край которой богато декорировали прорезным орнаментом в виде кружков и зубчиков – что олицетворяло у славян небесную воду, от которой зависело плодородие и жизнь человека. Большое распространение в конце XIX в. получил декор в виде балясин. Фризы домов украшались одно- или двухъярусным резным орнаментом. Декорирование наличников встречается и у томских татар. Мастера, зная основные композиционные элементы домовой резьбы, вносили свои мотивы орнамента, заимствованные из городской архитектуры конца XIX в., что было характерно только для русского населения Кузбасса. С появлением новых элементов орнаментации, места декорирования оставались неизменными.

Для материалов XX в. характерно строгое убранство деревянных домов, незначительное орнаментальное декорирование наличников. В основном декор присутствует на карнизе в виде аппликации одного ромба или занавесок, реже встречается декор в виде пятиконечной звезды. Впрочем, этот вид орнаментации распространен не только на территории Кузбасса, но и по всей России.

Из предметов домашнего обихода большое распространение в России получили прялки, особо любимые и бережно хранимые. Русское население в прядении пользовались также валиками, трепалами, веретеном. В конце XIX в. на территории Кузнецкого края при прядении, пользовались цельными и составными лопатообразными прялками. По мнению Т. И. Кимеевой, прялки Кемеровской области отличались сдержанно-

стью, простотой и канонизированными формами. В декоре прялок преобладают мотивы розеток в технике выямчетой и трехгранно выямчетой резьбы, что характерно для населения русского Севера [4, с. 110]. На рубеже конца XIX – начала XX в. встречаются прялки с живописно расписанным растительным орнаментом [7, с. 538]. Резным декором украшали деревянную посуду, сундуки. Для декорирования использовали геометрический и растительный орнамент. Орнаментация на дереве встречается на бытовых предметах не только у русского населения, но и у коренных народов. В музейных коллекциях встречаются шорские деревянные предметы, орнаментированные контурной резьбой. Деревянные курительные трубки, табакерки, разнообразные короба. Рукоятки ножей украшали горизонтальными и диагональными линиями, ромбами, точками. Т. И. Кимеева в книге «Культура народов Притомья как результат межэтнических взаимодействий конца XIX – начала XX века» описывает характерный для шорского народа тип орнаментации: «Орнаментированные мотивы относятся к саяно-алтайскому типу, однообразны и просты по форме. Между горизонтальными полосками заключались бордюры из пересеченных прямых линий диагональными, прямоугольников и треугольников», что свидетельствует о малоразвитом декорировании предметов быта» [4, с. 114]. У телеутов резьба по дереву была более развита, чем у шорцев. В декорировании использовался не только геометрический орнамент, но изображения стилизованных животных [4, с. 114].

В изготовлении предметов быта использовали бересту. Этот материал был в обиходе не только у коренного населения, но и переселенцев. Русские при изготовлении туесов, большое внимание уделяли оформлению края и декору. Применяли тиснение, ажурную резьбу, а также на территории Кузбасса встречаются туеса с лубочной росписью. Орнаментация бала разнообразной, начиная от геометрического и заканчивая ажурным растительным орнаментом. Прослеживается заимствование основных мотивов растительности Сибири. Конец XIX в. ознаменован спадом изготовления деревянных и берестяных изделий, что связано с фабричным производством домашней утвари.

Широкое распространение в Сибири получили такие виды творчества как ткачество, вышивка, плетение кружев и вязание. Одним из самых распространенных видов русского народного искусства было ткачество. В бранном ткачестве русского населения преобладал геомет-

рический орнамент и, в частности, «шашечный» мотив. Впоследствии появляются восьмилепестковые геометрические цветы, иногда в сочетании с «шашечным» или ромбовидным орнаментом. Ткачество было известно и коренному населению, в основном ткали пояса, которые имели функцию оберега. На поясах шорцев выполнялся орнамент в виде горизонтальной полосы, от которой в разные стороны отходили небольшие ответвления. Встречаются пояса с разнообразным геометрическим орнаментом: решетки, крючки и т. д. У телеутов были распространены пояса с горизонтальными разноцветными полосками [4, с. 110].

Орнаментом украшали не только одежду, но и другие тканые изделия различного назначения полотенца, скатерти подзоры и многое другое. Русскому населению Сибири было известно множество техник вышивки: счетная гладь, тамбурная вышивка, вышивка крестом и другие. Вышивку счетной гладью использовали в декоре полотенец. Основные мотивы были: геометрические, мифологические и растительные композиции. Вышивка крестиком получила распространение только в конце XIX в. и являлась, по мнению Т. И. Кимеевой, отражением городской культуры [5, с. 108]. Преобладали цветочные мотивы. Исполняли и сюжетные композиции. Но уже в середине XX в. этот вид творчества носил живописный характер. Вышивкой шорцы, в основном, украшали края рукавов, подола халатов, пояса и шапки. Применяли, геометрический орнамент, выполненный тамбурным швом. Основные элементы: зигзаги, параллельные и горизонтальные полосы и т. д. Вышитый бордюр из четырех розеток встречается на поясах [4, с. 106]. У телеутов орнаментация одежды бала менее разнообразна. На женских платьях декорировался стоячий воротник. Д. А. Функ так описывает воротник: «По всему периметру воротника, на расстоянии одного сантиметра от края, нашивали тесьму или полоску сатина, обвитую золотой нитью. На тесьму ближе к краям накладывались берестяные или картонные квадратики «ачка» поставленные на угол. Яркой особенностью телеутского праздничного женского платья является нагрудное украшение «тошток». Декорированное прямоугольниками «ачка» располагаются вдоль разреза на груди с левой стороны перед «ачка» пришиваются ажурные пуговицы» [9, с. 148–149]. У томских татар особое место занимает шитье золотом и серебром – это древнейший, глубоко традиционный вид народного декоративно-прикладного творчества. Шитье серебром и золотом является

наиболее выразительной и изящной составляющей художественного оформления мужских и, особенно, женских костюмных ансамблей. В женском костюме украшали нагрудники, накосные украшения, перевязи, манжеты рукавов, чаще всего расшивались головные уборы. Основными мотивами были геометрический, зооморфный и растительный орнамент. В декорировании преобладает растительный орнамент. Неотъемлемой частью крестьянского костюма были украшения. Изготавливали серьги, кольца, перстни, нагрудные украшения, броши. У шорцев были распространены круглые, спиралевидные серьги, у телеутов преобладали серьги в виде опущенного вниз цветка или в виде стилизованной фигуры женщины [5, с. 118]. У русских бытовали серьги, украшенные прорезным орнаментом в виде кружков и треугольников. Также у русских, томских татар и телеутов встречаются серьги с чеканным растительным и зооморфным орнаментом. Перстни украшали простыми геометрическими фигурами, встречаются изображения завитков. У томских татар были распространены перстни с геральдическими изображениями.

Таким образом, можно сделать вывод, что орнамент народов проживающих на территории Кузбасса, характеризуется большим разнообразием техник в декорировании предметов быта, применением разнообразных орнаментальных мотивов. Решающую роль в трансформации декора сыграли межэтнические взаимодействия, в результате которых произошли определенные изменения в декорировании предметов материальной культуры народов Кузбасса, отражающие характерные для него взаимовлияния этнических культур.

Литература

1. Ащепков Е. Русское народное зодчество в Западной Сибири. – М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1950. – 140 с.
2. Иванов С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья: сб. музея антропологии и этнографии. – М., 1957. – Т. XVI. – С. 165–264.
3. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). Народы Севера и Дальнего востока. – М., 1963. – 500 с.
4. Кимеева Т. И. Культура народов Притомья как результат межэтнических взаимодействий конца XIX – начала XX вв. – Кемерово, 2007. – 295 с.

5. Кимеева Т. И. Орнамент на предметах шорских коллекций в музеях России // Археолого-этнографический сборник. – Кемерово, 2003. – С. 158–165.
6. Привалова В. М. Орнаментальная культура. Аналитический обзор символов и знаков геометрического орнамента в антропологической картине мира // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, 2010. – Т. 12. – С. 255–263.
7. Рындина О. М. Очерки культурогенеза Западной Сибири. Орнамент. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – Т. 3. – 640 с.
8. Томилов Н. А. Русские Нижнего Притомья (конец XIX первая четверть XX вв.). – Омск: Изд-во Омского пед. ун-та, 2001. – 198 с.
9. Функ Д. А. Бачатские телеуты XVIII – первой половины XX в. Историко-этнографическое исследование. – М., 1993. – Кн. 2. – 326 с.

Н. В. Медведева

ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОРОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ НА РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ КЕМЕРОВСКОГО РЕГИОНА

Хоровое пение в течение огромного исторического периода является неотъемлемой частью жизни людей, поскольку в коллективном музицировании отражаются ментальные особенности, эстетические, философско-религиозные и этические взгляды народа, господствующие в ту или иную эпоху. На рубеже веков в период существенных изменений в области политико-культурной жизни России отечественное хоровое исполнительство претерпевает кризис. Наметившуюся тенденцию охарактеризовал Георгий Александрович Струве – один из выдающихся музыкальных деятелей России конца XX в. По его мнению, современная культура из-за утраченного интереса к этому виду музицирования теряет свое извечное качество, что в свою очередь превращает российское общество в носителя диссонансов и какофонии, способствует вырождению народа, приводит к деградации молодого поколения. Выход из сложившейся ситуации Струве видел в сохранении традиций хорового пения, основанного на культурных ценностях России, именно они позволили бы преодолеть тот «хаос», который захватывает души людей с самого ран-

него возраста [8]. Столь категоричная точка зрения хормейстера не случайна, поскольку хоровая культура, представляя собой музыкально-коммуникативные связи общества, издревле оказывала огромное влияние на духовный мир человека, формировала его личностные и мировоззренческие позиции, положительное отношение к национальным традициям и нравственно-культурным идеалам.

Хоровое искусство неотделимо от концертирования профессиональных и любительских, больших и малых коллективов. Отметим, что особый расцвет отечественного хорового творчества пришелся на 70–90-е гг. прошлого века: в этот период активно функционируют Государственная академическая капелла им. А. Юрлова под управлением В. Полянского, Московский камерный хор В. Минина, Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга В. Чернушенко и другие. В отдаленных от культурных центров регионах своеобразными подвижниками являются Новосибирский камерный хор (И. Юдин), Академическая хоровая капелла Томского государственного университета (В. Сотников), Камерный губернаторский хор Кузбасса (О. Шабалина), Новокузнецкий муниципальный камерный хор (С. Липовой) и другие коллективы.

Рассматривая исполнительско-хоровую деятельность музыкантов Кемеровской области в сравнении с другими сибирскими регионами, можно обнаружить ряд влияющих на ее развитие моментов экономического и социокультурного характера. Поэтому цель данной статьи – охарактеризовать деятельность хоровых коллективов и дирижеров города Кемерово, способствующую развитию культурных традиций индустриального региона. В последние десятилетия ведущими среди музыкантов профессионалов и любителей являются Губернаторский камерный хор Кузбасса (О. И. Шабалина), Академический хор Кемеровского государственного университета (Н. В. Степанова), Губернаторский юношеский хор Кузбасса «Утро» (Н. Л. Фомичева), камерный женский хор Кемеровского государственного университета культуры и искусств «Академия» (И. В. Шорохова) и концертный хор старших классов центральной детской музыкальной школы (ЦДМШ) № 1 «Юность» (Л. В. Коваленко). По уровню исполнительского мастерства и концертной практике названные хоры можно отнести как к полупрофессиональным («Утро», «Юность», хор университета), так и к профессиональным коллективам

региона (камерный хор, «Академия»). Они являются лауреатами различных фестивалей и конкурсов, ведут активную исполнительскую деятельность не только в Кемеровской области, России, но и за рубежом, тем самым влияют на культурную жизнь региона. Большинство коллективов на протяжении десятилетий беспрерывно руководят опытные хормейстеры, получившие признание: О. И. Шабалина – заслуженный деятель искусств России, Л. В. Коваленко и Н. Л. Фомичева – заслуженные работники культуры РФ.

Интенсивное развитие хоровой культуры Кемеровской области началось с появлением первых специалистов, направленных в Западную Сибирь после окончания высших учебных заведений по распределению. Среди них были выпускники Свердловской (ныне Уральской) государственной консерватории – П. А. Бурнашов, Э. А. Савченко, О. И. Шабалина, Ю. М. Молоков, Т. М. Фролова; дипломированные специалисты Новосибирской консерватории – В. Е. Панько, Д. С. Шабалин, С. А. Липовой, Г. Е. Гринчак, И. В. Шорохова и другие. Прибывшие хормейстеры начали активную работу по организации и развитию любительского хорового движения в крупных городах индустриального региона.

Среди наиболее значимых для развития музыкальной культуры области деятелей назовем доктора искусствоведения, профессора, заслуженного работника культуры России Дмитрия Семеновича Шабалина, который на протяжении ряда лет работал в Кемеровском государственном институте искусств и культуры (КемГИИК) – ныне Кемеровском государственном университете культуры и искусств (КемГУКИ). Благодаря его усилиям были созданы любительский и профессиональный коллективы: хор Кемеровского государственного университета и Камерный (ныне Губернаторский) хор Кузбасса. В то же время Шабалин занимался и научной деятельностью – расшифровкой малоизученных старинных древнерусских знаменных распевов, что позволило ему в 1991 г. опубликовать монографию «Певческие азбуки Древней Руси», в которой представлено собрание древнерусских учебных и музыкально-теоретических руководств по знаменному пению. Д. С. Шабалин принимал активное участие и в культурно-просветительской жизни региона: с середины 70-х гг. он являлся заместителем председателя Хорового общества Кемеровской области, а с середины 1990-х гг. возглавил Музыкальное общество Кемеровской области. Два хоровых коллектива, орга-

низованные Шабалиным, на протяжении многих лет способствуют упрочению и обогащению культурных традиций региона, активно пропагандируя хоровое искусство. Личностью, сочетающей ученого-медеевиста и хормейстера-практика, выделяющейся среди своих коллег, называл Шабалина выдающийся хормейстер современности В. Н. Минин [См.: 6, с. 229].

Более подробно осветим деятельность организованных Шабалиным хоровых коллективов. Так, созданный в 1973 г. академический хор Кемеровского государственного университета (КемГУ) стал одним из перспективных любительских коллективов Кемеровской области. В настоящее время творческая работа коллектива органично соединяет в себе накопленные веками европейские и общероссийские, а также региональные традиции хоровой культуры. Показательно, что именно на базе этого хора возник первый профессиональный коллектив – Камерный хор Кузбасса. Деятельность хора КемГУ влияла на формирование хоровой инфраструктуры Кемеровской области. С одной стороны, коллектив осуществлял просветительскую деятельность, с другой, академический хор инициировал появление других коллективов, организовывал своеобразное хоровое движение в Кузбассе.

В течение года коллектив представлял 20–25 концертных программ (или принимал в них участие), выступал перед разнообразной аудиторией, делал записи на радио и телевидении. Хор являлся базой и для курсов повышения квалификации, стажировок, семинаров, проводимых городскими и областными методическими и педагогическими организациями. Активная деятельность с течением времени позволила хору из любительского стать полупрофессиональным и в 1978 г. хор получил почетное звание «Народный коллектив». Доказательством возросшего мастерства хора стало и получение звания лауреата международных, всероссийских, межрегиональных конкурсов и фестивалей. Коллектив неоднократно выезжал за границу – в Германию, Испанию, Чехию, где достойно представлял индустриальный регион России.

С 1990 г. хор возглавила выпускница КемГИиК Нина Викторовна Степанова, студентка класса профессора О. И. Шабалиной. Новый руководитель сохранила и преумножила традиции: обогатился репертуар, расширились географические границы концертной жизни. Репертуар хора в настоящее время включает более 300 произведений мировой хоровой литературы, многие произведения исполняются а cappella. Важно

обратить внимание на педагогическую и методическую деятельность хормейстера: Н. В. Степанова сотрудничает с областным институтом усовершенствования работников образования (КРИПКиПРО), на базе академического хора КемГУ студенты дирижерско-хорового отделения Кемеровского государственного университета культуры и искусств проходят практику.

Именно хор КемГУ способствовал рождению Камерного хора Кузбасса: в сентябре 1990 г. Д. С. Шабалин организует его из наиболее опытных певцов академического хора. Уже первые концертные программы доказали, что хор имеет творческие перспективы: выступления на городских и областных праздниках, фестивале церковных хоров Сибири и Урала, проходивших в Кемерове, Мундыбаше, Прокопьевске и Яшкино, пользовались неизменным успехом.

В качестве высокопрофессионального коллектив начал свою творческую биографию первого января – как Камерный хор Кузбасса. По сей день его художественный руководитель и главный дирижер – Ольга Ивановна Шабалина, заслуженный деятель искусств России, профессор Московского государственного университета культуры и искусств (МГУКИ). Многие годы Ольга Ивановна возглавляла кафедру дирижирования КемГУКИ, воспитала не одно поколение профессиональных хормейстеров, которые работают с хоровыми коллективами не только в нашем регионе, но и за его пределами. Среди продолжателей – заслуженный работник культуры РФ, заслуженный хормейстер Федерации детских и юношеских хоров России, организатор Детской хоровой школы и бывший руководитель муниципального хора г. Междуреченска Т. В. Белоусова, руководитель хора «Гаудеамус» и преподаватель кафедры академического хора КемГУКИ О. В. Бигеева, хормейстер Губернаторского камерного хора Кузбасса Н. В. Щеглова.

В первые же годы Камерный хор Кузбасса приобрел известность в городе и области как самобытный интерпретатор светской и духовной музыки. В 1996 г. по инициативе О. И. Шабалиной хор возглавил фестиваль «Хоровые ассамблеи Кузбасса», посвященный открытию Кафедрального Знаменского собора. Коллектив неоднократно приглашался в Красноярск на фестиваль «Весенние акапеллы», участвовал в межрегиональном фестивале «Хоровое вече Сибири» (г. Новосибирск). По сей день коллектив является постоянным участником Рождественских и Пасхальных концертов. Совместно с Губернаторским симфоническим

оркестром Кузбасса на протяжении ряда лет Камерным хором проводятся циклы концертов «Опера в концертном исполнении» и «Вокально-симфоническая музыка».

Высокий профессионализм исполнительского искусства Камерного хора Кузбасса был отмечен на международных хоровых фестивалях-конкурсах за рубежом (Финляндия, Ватикан). Профессиональный уровень вокально-хорового мастерства коллектива позволил ему участвовать в праздничной мессе в соборе Святого Петра в Ватикане. Участие коллектива в международных конкурсах позволили установить культурные связи с Федеральным молодежным хором Северной Рейн-Вестфалии (руководители Кристиана Цувитц-Годланд и Герман Годланд) в Германии, которые, безусловно, обогатили культурные традиции Кемеровской области. В 2003 г. коллективы предприняли совместное концертное турне по городам Германии (Франкфурт, Аахен, Кельн, Дюссельдорф и др.). Упрочилась традиция «обязательного исполнения музыки без использования микрофонов и фонограмм» [5]. Важно и то, что профессиональный коллектив поспособствовал появлению в Кемеровской области муниципальных хоров в Новокузнецке (1992) и Междуреченске (1997).

Важным звеном хоровой инфраструктуры региона является детское исполнительство. Детские музыкальные школы часто становятся центрами культурной жизни индустриального региона. В каждом музыкальном учебном заведении имеются хоровые коллективы, которые активно участвуют в культурной жизни города и всего региона. А такие детские хоры, как «Утро» и «Юность» являются лидерами детского музицирования.

Напомним, Губернаторский юношеский хор «Утро» на базе хора старших классов ДМШ № 2 Кировского района был организован в 1976 г. Ниной Леонидовной Фомичевой, заслуженным работником культуры Российской Федерации, выпускницей КемГИиК (класс Э. А. Савченко). Сложность формирования коллектива на первых этапах была связана с отдаленностью музыкальной школы от центра города, некоторые участники коллектива были из неблагополучных семей. Однако опытный хормейстер уверен: «Из коллектива районного масштаба он вырос в хор европейского уровня» [4]. Действительно, репертуар хора включает более трехсот произведений мировой классики, духовных сочинений, различных обработок, оригинальных аранжировок композиторов-современников. Благодаря поддержке спонсоров нередко творческие

встречи с профессиональными хоровыми коллективами Кемеровской области, России и зарубежья. Возросший исполнительский уровень подтверждают регулярные концерты и зарубежные гастроли, участие во все-российских и международных конкурсах. На протяжении ряда лет поддерживаются творческие связи с немецко-русским союзом города Лаар. Каждый год хор готовит новые программы, с которыми выступает в городах Германии, укрепляя культурные связи между народами двух стран. Коллектив является лауреатом и дипломантом российских и международных конкурсов в Германии, Франции, Англии, Израиле, Чехии. В 1998 г. хору «Утро» за пропаганду русской культуры в России и за рубежом первому в Кузбассе присвоили статус Губернаторского. По инициативе Н. Л. Фомичевой на базе своего коллектива в 2005 г. создана хоровая студия, в которой обучение осуществляется на основе авторской системы вокально-хорового образования.

Другой известный концертный хор «Юность» был организован в Центральной детской музыкальной школе № 1 г. Кемерово на базе учебного хора в 1977 г. Сегодня его возглавляет Любовь Васильевна Коваленко, заслуженный работник культуры Российской Федерации, выпускница Кемеровского музыкального училища (класс Э. А. Савченко). Юные музыканты, обучающиеся хоровому пению у Л. В. Коваленко, быстро овладевают исполнительской культурой и техникой вокального искусства, что неслучайно, поскольку основными задачами хормейстера являются не только обучение пению, но и всесторонне развитие личности каждого участника хора. По инициативе Л. В. Коваленко исполнение некоторых хоровых сочинений из опер предполагает костюмированное театральное действие.

Настоящим культурным событием стало исполнение в 1983 г. детской оперы на стихи К. Чуковского «Бармалей» – ученика Андрея Масленникова. Дети с удовольствием разучивали произведение своего школьного товарища, шили костюмы и участвовали в кинозаписи, осуществленной при поддержке кинотеатра «Юбилейный». Опера была показана по телевидению Кемеровской области, через месяц – Центральным.

В Кемерово коллектив неоднократно принимал участие в серьезных филармонических концертах. О высоком уровне хорового мастерства юных музыкантов сообщала и журналистка газеты «Кузбасс» [1, с. 4]. В 1988 г. хор «Юность» принял участие в областном культурном

проекте, посвященном 70-летию г. Кемерово. В союзе с коллективами академического хора КемГУ, Губернаторского юношеского хора Кузбасса «Утро» и Губернаторского симфонического оркестра Кузбасса певцы исполнили ораторию «Наша Земля» кемеровского композитора В. В. Шергова. Мастерство «Юности» доказывают не только сложные концертные программы, но и выступления на сценах Кемеровской государственной филармонии, Новосибирской и Московской государственных консерваторий, Санкт-Петербургской академической капеллы имени М. И. Глинки. Хор успешно гастролировал в Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Румынии. Дети порой репетировали произведения в поезде или автобусе.

Высоких результатов в области хорового музицирования за сравнительно небольшой промежуток времени достиг женский камерный хор КемГУКИ «Академия», созданный на базе учебного хора кафедры дирижирования в 2001 г. Его возглавляет выпускница Новосибирской государственной консерватории (класс Б. В. Певзнера) Инна Вячеславовна Шорохова. Целью деятельности является «сохранение и творческое развитие национальных традиций русской хоровой культуры, пропаганда лучших образцов современного хорового искусства, внедрение инновационных форм хорового исполнительства» [9]. В 2005 г. коллектив наряду с лучшими профессиональными камерными хорами Сибири принял участие в концертах межрегионального фестиваля «Хоровое Вече Сибири», стал постоянным участником ежегодного хорового фестиваля «Покровская осень». Подчеркивают молодежный статус хора исполнения оригинальных аранжировок песен группы «Beatles», «Queen» и других эстрадных сочинений, народных песен. По инициативе И. В. Шороховой установлены творческие связи «Академии» с хоровыми коллективами и ансамблями Новосибирска: с Камерным хором под управлением заслуженного деятеля искусств, профессора И. Ф. Юдина, со студенческим хором «Мегаполис» под руководством Е. В. Рудзей, с камерным ансамблем А. А. Паримана «Viva la musica», а также с вокальным ансамблем заслуженного артиста России П. А. Шаромова. Сотрудничает «Академия» и с детскими хоровыми коллективами области: с хором ЦДМШ № 1 «Юность», коллективами ДШИ № 15.

Высоким достижением в профессиональной карьере коллектива стало успешное выступление на международном фестивале предрождественской и рождественской музыки им. Петера Эбена, проведенного

в Праге в 2008 г. Жюри назвало женский хор золотым лауреатом и пригласило «Академию» выступить с гастролями в Голландии, Германии и Франции. В сентябре 2009 г. хор выступал в Китае, обменивался творческим опытом со студентами Чаньчуньского педагогического университета. «Академия» является лауреатом Международного фестиваля-конкурса «Поющий город» (2009 г.), обладателем Гран-при Первого Международного конкурса детского и юношеского творчества «Сто друзей» (2010 г.), лауреатом Международного фестиваля-конкурса «Хоровое вече Сибири» (2010 г.).

Подводя некоторые итоги, подчеркнем: хоровая культура в Кемеровской области начала бурно развиваться с 70-х гг. прошлого века. Именно в это время проявляют свои таланты самобытные музыканты-хормейстеры и педагоги, которые упрочивают в творческой жизни региона традиции профессионального академического искусства. Созданные ими яркие хоровые коллективы своей активной концертной деятельностью уже в начале XXI в. вносят весомый вклад в развитие культурных традиций индустриального региона. Во многом благодаря просветительской деятельности и гастрольным выступлениям хоров установились межкультурные связи с другими регионами России и государствами. Как положительный момент отметим и процесс воспитания в области профессиональных музыкантов, продолжающий традиции хормейстеров-воспитателей за пределами Кузбасса.

Литература

1. Глебова М. Новая встреча с русским хором // Кузбасс. – 1985. – Декабрь. – С. 4.
2. Интервью с Л. В. Коваленко [Звукозапись]. – 27.02.2011 // Архив автора.
3. Интервью с Н. В. Степановой [Звукозапись]. – 12.09.2010 // Архив автора.
4. Интервью с Н. Л. Фомичевой [Звукозапись]. – 20.02.2001 // Архив автора.
5. Интервью с О. И. Шабалиной [Звукозапись]. – 24.05.2009 // Архив автора.
6. Мохонько А. П. Кузбасс музыкальный: Очерки по истории музыкальной культуры Кузбасса. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – 368 с.
7. Румянцев В. От природы каждому дан абсолютный слух // Учительская газета. – 2002. – № 50. – 10 дек. – С. 3.
8. Струве Г. А. Программа развития хорового пения [Электронный ресурс] // Материалы VI педагогического семинара. – 17.04.2003. – Режим доступа: <http://www.nne.ru/education/materials/program.php> (дата обращения: 10.01.2011).
9. Шорохова И. В. Хор «Академия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kenguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&i106%3A---lr-&catid=25&Itemid=281 (дата обращения: 04.01.2011).

Раздел 3. МУЗЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ

О. В. Самаковская

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Конец XX – начало XXI в. характеризуется становлением информационного общества, в котором информация служит важнейшим показателем развития общества в целом. Стремительное развитие новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) приобретает сегодня всеобъемлющий характер, поскольку затрагивают все сферы жизнедеятельности общества – политику, экономику, управление, финансы, науку, культуру, международные отношения в целом. Информационные ресурсы становятся одним из ценнейших элементов как национального, так и общечеловеческого достояния.

В мировой науке понятие «информационное общество», появившись во второй половине XX в., формировалось на протяжении 50 лет, и сейчас многие ученые вслед за американскими социологами Д. Беллом и О. Тоффлером считают, что информационное общество – это новое название для постиндустриального общества, подчеркивающее не его положение в последовательности ступеней общественного развития, а основу определения его социальной структуры – информацию [2, с. 2].

В монографии А. А. Чернова [6], автора ряда публикаций по вопросам формирования информационного общества, обобщены существующие подходы к трактовке понятия «глобальное информационное общество». В настоящее время под таковым понимается:

- общество нового типа, формирующееся в результате новой глобальной социальной революции, основой которой является взрывное развитие и конвергенция информационных и телекоммуникационных технологий;

- общество знания, в котором главным условием благополучия каждого человека и каждого государства становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информации и умению с ней работать;

- глобальное общество, в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ; где с помощью научной обработки данных и поддержки знания будут приниматься более продуманные и обоснованные решения с целью улучшения качества жизни во всех ее аспектах;

- общество, которое, с одной стороны, способствует взаимопроникновению культур, а с другой, открывает каждому сообществу новые возможности для самореализации [6, с. 37–38].

Процесс формирования информационного общества происходит во многих странах мира. Россия не стоит в стороне от общемировых процессов. Направления собственной информационной политики нашли свое отражение в таких нормативных документах, как «Федеральная целевая программа “Электронная Россия (2002–2010)”» [5], «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» [4], «Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» [3], Государственная программа РФ «Информационное общество (2011–2020)» [1].

Учитывая направленность нашего исследования, особо хотелось бы отметить последний документ [1]. В Программе большое внимание уделено вопросам развития цифрового контента и сохранения культурного наследия, решение которых в первую очередь предусматривает оцифровку объектов культурного наследия, включая архивные фонды, а также развитие средств обработки и предоставления удаленного доступа к цифровому контенту [1, с. 20].

Таким образом, можно констатировать, что государственная информационная политика нацелена на решение таких важных задач, как формирование единого информационного пространства России, и вхождение нашей страны в единое мировое информационное пространство. При этом большое внимание уделяется развитию сферы информационных услуг, созданию и дальнейшему обеспечению доступа к цифровому контенту, отражающему российскую историю и культуру, в том числе и культурные ценности, хранящиеся в музеях страны.

В настоящее время вопросам информатизации музеев уделяется большое внимание на международном и российском уровнях. В последнее десятилетие значительно выросло количество международных и отечественных конференций, круглых столов, коллоквиумов, а также монографий, статей и других публикаций, посвященных процессам информатизации и автоматизации учреждений культуры. Существуют специализированные центры и сетевые профессиональные объединения, такие, как «Главный информационно-вычислительный центр Минкультуры России» (ГИВЦ), «Центр по проблемам информатизации в сфере культуры» (Центр ПИК), некоммерческое партнерство «Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии» (АДИТ) и другие, направления деятельности которых связаны с музейной информатизацией и автоматизацией.

К числу актуальных проблем, обсуждаемых специалистами, относится проблема расширения и изменения музейной деятельности, в частности, переосмысление способов управления, дальнейшего сохранения и продвижения культурных ценностей, предоставления доступа к своим коллекциям широким слоям населения, функционирование как в традиционном, так и в сетевом глобальном информационном пространстве. Эти изменения продиктованы тенденциями развития современного информационного общества. Именно использование современных информационных технологий и средств коммуникации в деятельности музеев предполагает их на совершенно новый уровень, не отрицающий традиционную деятельность музеев, а открывающий новые возможности их развития в современном информационном обществе.

Научно-исследовательским институтом информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово) совместно с Межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение» (г. Новосибирск) в 2010 г. проведено социологическое исследование музеев Западной Сибири, нацеленное на выявление уровня их информатизации и возможностей представления своих коллекций в мировом информационном пространстве.

В исследовании принял участие 31 музей, что составляет 36 % от общего числа – 86 музеев Западной Сибири, содержащих этнографические коллекции. В ходе анкетирования собран фактический материал по этнокультурному наследию Западносибирского региона, большая

часть которого сосредоточена в музейных этнографических коллекциях, изучено современное состояние информатизации музеев. Анализ данных позволил определить степень доступности этнокультурного наследия для широких слоев населения.

Основные результаты исследования заключаются в следующем.

Анализ характера этнографических коллекций в собраниях западносибирских музеев позволил выделить их особенность – присутствие коренного населения на территории Западной Сибири определило и наличие этнографических коллекций, прежде всего, в районах их компактного проживания. Еще одной особенностью является тот факт, что этнокультурное наследие, хранящееся в музеях Западной Сибири, не ограничено предметами культуры и быта коренных народностей этого региона: в большинстве крупных музеев содержатся богатые коллекции по народам Сибири в целом. Собранный материал позволил выявить состав редких и ценных этнографических предметов, хранящихся в западносибирских музеях. Таким образом, музеи Западной Сибири имеют огромный потенциал, который требует своего представления в едином информационном пространстве с помощью ИКТ.

Вместе с тем, изучение выявило в большинстве исследуемых музеев серьезные проблемы использования информационно-коммуникационных технологий, от которых напрямую зависит сохранность фондов, трансляция и доступность культурных ценностей для широких слоев населения.

Анализ осуществлялся по следующим параметрам, характеризующим состояние информатизации музеев:

- наличие в структуре музея специализированного подразделения и штатных единиц, ответственных за реализацию информатизации музея;
- состояние автоматизации учетно-хранительской деятельности;
- использование в работе современных способов коммуникации, таких как электронная переписка и участие в телеконференциях;
- продвижение музея и его коллекций в сети Интернет: наличие собственного сайта, электронных каталогов и др.

В большинстве обследованных музеев (74 %) отсутствует структурное подразделение, которое призвано выполнять разработку концеп-

ции информатизации музея, обеспечивать внедрение информационных технологий в музеи, оказывать помощь музейным сотрудникам в освоении информационных технологий и эксплуатации информационной инфраструктуры.

Важнейшими показателями, определяющими возможности предоставления населению информационных ресурсов в области культурного наследия, в частности этнокультурного наследия, являются объемы электронных каталогов музеев, а также наличие сайтов в сети Интернет. Результаты исследования показали, что в 61 % музеев не ведется работа по оцифровке фондов этнографических предметов. Собственный сайт имеют лишь 29 % музеев. Соответственно, информация об этнокультурном наследии 71 % музеев недоступна для широкой аудитории сети Интернет.

Исследование показало, что в музеях активно используются как традиционные способы коммуникации, такие, как личные встречи (87 %) и официальные письма (74 %), так и электронная переписка (68 %). В наименьшей степени музеи используют сеть Интернет для участия в телеконференциях (6 %).

Таким образом, выяснилось, что лишь 32 % музеев, принявших участие в анкетировании, активно используют в своей деятельности информационно-коммуникационные технологии. В структуре этих музеев имеются подразделения с квалифицированными кадрами, ответственными за внедрение и использование ИКТ; автоматизирована учетно-хранительская деятельность; имеется собственное представительство в сети Интернет и ведется работа по продвижению коллекций и экспонатов музея в сети; активно используются электронные средства связи. Однако большинство музеев (68 %) не значительно используют в своей деятельности ИКТ, из них 35 % – не используют совсем.

Подавляющее число музеев (81 %) ответили, что испытывают сложности при внедрении и использовании информационно-коммуникационных технологий. В ходе исследования выявлены основные барьеры, препятствующие информатизации музеев. К их числу относятся:

- проблемы материально-технического характера (слабое техническое обеспечение музея – 42 % музеев); отсутствие/низкое качество подключения к сети Интернет – 55 % музеев);

- проблемы кадровой обеспеченности (отсутствие/недостаточность подготовки персонала к использованию ИКТ, отсутствие возможностей для обучения персонала использованию ИКТ – 39 % музеев);

- проблемы психологического характера (отсутствие у персонала/руководства мотивации к использованию ИКТ; боязнь музейных сотрудников переходить на новый уровень работы (электронный тип работы); не готовность музеев передавать свои информационные ресурсы в «коллективное пользование» – 19 % музеев);

- проблемы теоретического характера. Большинство музеев (84 %) испытывают потребность в методической литературе и обучающих семинарах по разработке музейных сайтов.

Полученные результаты социологического исследования позволяют сделать следующие выводы.

В эпоху информационного общества своевременны и актуальны проблемы сохранения и трансляции национального историко-культурного наследия с помощью современных средств ИКТ. Благодаря использованию информационно-коммуникационных технологий музей не теряет своей уникальной значимости и «историчности» для современного общества, а приобретает новые возможности по взаимодействию с посетителями. Информационные технологии позволяют развивать цифровые услуги музейных учреждений, оцифровывать фонды и предоставлять открытый доступ к музейным ценностям.

Однако в ходе нашего исследования выявлена противоречивая ситуация, характеризующая имеющиеся возможности использования ИКТ и степень их практической реализации в музеях.

Большинство музеев Западной Сибири, в фондах которых хранятся уникальные экспонаты, отражающие этническое разнообразие данного региона, не адаптированы к информационной действительности, тем самым остаются закрытыми для широкой публики. Учитывая тот факт, что музеи являются основными культурно-историческими туристскими ресурсами, можно предположить, что ограниченность информации о них в глобальной сети оказывает отрицательное влияние на развитие внутреннего туризма региона в целом.

Основными барьерами при внедрении и использовании в музеях ИКТ являются как проблемы материально-технического характера, так и

проблемы кадровой обеспеченности. Следствием этого является не адекватное представление в глобальной сети Интернет музейных собраний западносибирского региона. Сдерживающим фактором, препятствующим полному и точному отражению богатых региональных музейных коллекций в мировом информационном пространстве, продолжает оставаться неразработанность теории проектирования и оценки качества контента музейных сайтов. В связи с этим целесообразно дальнейшее исследование теории и технологии формирования модели контента сайтов этнографических музеев.

Литература

1. Государственная программа РФ «Информационное общество (2011–2020 г.)» / утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. – № 1815-р.
2. Куняев Н. Н. Основные направления и условия развития Информационного общества в российской федерации // Российская юстиция. – 2009. – № 8.
3. Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р «О Концепции формирования в РФ электронного правительства до 2010 г.» // Собрание законодательства РФ. – 19.05.2008. – № 20. – Ст. 2372.
4. Стратегия развития информационного общества в РФ (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) // Российская газета. – 2008. – № 34. – 16 февр.
5. Федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 гг.) [Электронный ресурс] // Федеральные целевые программы России. – Режим доступа: <http://fcr.economy.gov.ru/> (дата обращения: 12.02.2011).
6. Чернов А. А. Становление глобального Информационного общества: проблемы и перспективы. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. – 251 с.

Л. З. Боголепова

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕТА ДОКУМЕНТОВ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ МУЗЕЯ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (КемГУ)

Система музейного учета призвана обеспечивать сохранность историко-культурного наследия, которым являются музейные коллекции, закрепляет их за определенным музеем и оформляет принадлеж-

ность к основному или научно-вспомогательному фонду. Учетно-фондовая работа является фундаментом музейной деятельности, и от того, как она организована, зависит и научное проектирование экспозиции, и квалифицированная экскурсионная деятельность, и сохранность для последующих поколений части невосполнимого историко-культурного наследия. Учет музейных фондов ведомственных вузовских музеев должен проводиться в соответствии с Инструкцией по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР, утвержденной в 1980-е гг. Однако, в современном обществе, характеризующимся активным ростом числа музеев, необходима выработка новых подходов к сохранению и использованию сосредоточенных в их фондах памятников.

Для вузовских музеев истории насущной проблемой является кадровая проблема. Штатное расписание не обеспечено профильными должностями. В расписании отсутствуют научные сотрудники, хранители фондов, экскурсоводы и т. д. Как правило, учетно-фондовая работа остается на заднем плане, а значимой определяется экскурсионно-экспозиционная работа. Фонды вузовских ведомственных музеев официально значатся государственными, а условия и технологии хранения, учет, площадные нормативы, юридическая ответственность сотрудников, штатное расписание резко отличаются от того стандарта, который определен для музеев со статусом государственных [2, с. 57].

Тем не менее, музейные предметы, хранящиеся в фондах музеев по истории высших учебных заведений трудно переоценить. Включенные в музейное собрание, т. е. прошедшие через систему первичного учета и подвергнутые научной систематизации, документальные и письменные памятники составляют основную часть фонда музея истории вуза. Это – музейные предметы, содержащие информацию с помощью знаков письма и отличающиеся разнообразием источников (рукописи, книги, бланки, справки, приглашения, письма и т. д.) [3, с. 375]. Документальными источниками традиционно считаются приказы, уставы, личные документы и др. В музее истории вуза документальными памятниками можно считать и фотоматериалы, содержанием которых является история создания вуза, этапы его развития и научно-образовательной деятельности и т. д.

Трудоемкость и неперспективность ведения учетно-фондовой документации без применения компьютерных технологий в сочетании с низкой оплатой труда работников музеев приводят к тому, что учетом и хранением неопределенного историко-культурного наследия в музеях истории вузов занимаются не на должном уровне. Создание рукописных вариантов книг поступлений, инвентарных книг, научных паспортов (по требованию Инструкции) занимает очень много времени и требует специального штатного сотрудника.

Фонды музеев по истории вузов являются важной документальной базой для проведения региональных научных исследований для студенческой и преподавательской аудитории. И задачей сотрудников музея является создание условий, при которых документальные источники могут быть приближены к информационным потребностям общества. Решению этой задачи призван способствовать предлагаемый музеем истории КемГУ электронный вариант системы музейного учета, актуальный как для многочисленных создаваемых сегодня вузовских музеев, так и музеев специальных учебных заведений, школьных музеев и т. д.

Современные информационные технологии, вошедшие в музейно-образовательное пространство России, позволяют выйти на новый уровень работы ведомственным вузовским музеям. В настоящее время информационные технологии применяются в работе отечественных музеев во всех сферах их деятельности (учетно-фондовой, экспозиционно-выставочной, научно-просветительской и т. д.). Это типовые проекты автоматизированной информационной системы (АИС): система «КАМИС», «НИКА», «АС-Музей», используемые в крупных государственных музеях. Для музеев истории высших учебных заведений, находящихся на балансе вуза, они пока не являются приемлемыми из-за высокой стоимости их установки, дальнейшего сопровождения системы, перегруженностью функциями, выделением высококвалифицированной отдельной штатной единицы.

Применение информационных технологий в ведомственных музеях позволит облегчить труд сотрудников, усовершенствовать все формы музейной работы. Электронная форма учета и составление электронной базы данных дает возможность легко и быстро получить необходимые биографические сведения, информацию, фотографию, документы, опи-

сание музейных предметов и т. д. По необходимости – распечатать их на бумаге.

Сохранению и одновременно эффективно использованию информации, содержащейся в документальных и письменных источниках, способствует применение следующих электронных форм музейной работы:

1. *Создание электронной книги поступлений (ЭКП)* по систематизации, учету и хранению музейных предметов в программе Microsoft Excel. Книга поступлений как государственный документ охранного порядка в соответствии с требованиями Инструкции в конце года выводится на бумажный носитель, прошивается и скрепляется печатью музея и подписью хранителя фондов. Дополнительно вся электронная база данных хранится в высоком разрешении на цифровых носителях – CD-дисках.

2. *Формирование электронных инвентарных книг* на основе электронной книги поступлений в соответствии с классификацией коллекционного материала, а также научных паспортов. Данные о музейном предмете переводятся в электронные инвентарные книги, на последующих этапах информация о музейном предмете может дополняться, корректироваться.

3. *Формирование электронной базы данных музейных предметов путем их сканирования и оцифровки.* Для получения цифровых изображений используют цифровые фотокамеры и сканеры. С помощью сканеров (оптико-электронных устройств) можно создавать электронные изображения (черно-белые или цветные) документальных, письменных, вещественных, изобразительных источников в памяти компьютера. При сканировании документальных памятников появляется возможность управлять качеством получаемого изображения: цвет, яркость и т. д. Использование сканированных и цифровых фотодокументов, документов официальных и личных в экспозиционно-выставочной деятельности позволит сохранить подлинники. Уникальные любительские фотографии в основном печатались в домашних условиях, подвержены выцветанию, ломкости.

4. *Создание текстовых электронных материалов.* Накопление электронной базы данных по истории высших учебных заведений ставит своей целью собрать больше документальных свидетельств недавнего

прошлого, зафиксировать воспоминания участников становления высшего образования в регионе. Текстовые документы в электронном виде значительно ускоряют предоставление необходимой информации. С помощью электронной базы данных сотрудников и преподавателей вуза можно воссоздать коллективный портрет научно-педагогического коллектива, его вклад в развитие интеллектуального социокультурного потенциала региона.

5. *Составление научных паспортов с использованием информационных технологий.* Научный паспорт предмета является исходным документом для всякой научно-исследовательской работы с использованием музейных предметов. Источниками информации при составлении паспорта является сам предмет, документация и литература, каталоги других музеев, статьи в газетах и журналах, рекламные, информационные и архивные материалы, план комплектования коллекции музея, инвентарная книга, а также сведения, полученные в результате консультации со специалистами. Форма паспорта в каждом музее может быть своя, но содержание должно отвечать единым общеустановленным для музеев требованиям. Научный паспорт представляет собой унифицированную форму описания предмета. Объем сведений в каждой графе должен обеспечивать достаточно полноценную и лаконичную характеристику предмета с выделением признаков, определяющих его музейное значение. Электронный научный паспорт также распечатывается на бумажном носителе.

6. *Создание электронного каталога* – конвертирование полученных результатов работы в Microsoft Excel в базу данных электронного каталога, которая включает систему регистрации, хранения, пополнения и просмотра информации в форме, удобной для пользователя. Функциями электронного каталога являются хранение описания и изображения экспонатов, их классификация, осуществление быстрого поиска и выборка экспонатов по заданным признакам, т. е. то, что поможет квалифицированно подобрать материал для создания будущей экспозиции. В базе данных электронного каталога можно создавать любое количество карточек для описания экспонатов – научных паспортов музейных предметов.

Учет документальных и письменных источников осуществляется также последовательно, как и других типов памятников: от первичных форм учета до научной обработки музейных предметов, в ходе которых предметы подлежат атрибуции, выявлению их музейной ценности. Согласно общепринятым в музееведении нормам, эти памятники проходят следующие этапы учетно-фондовой и исследовательской работы:

1. Составление актов приема и выдачи музейных предметов в постоянное и временное хранение.
2. Занесение сведений о предметах в электронную книгу поступлений основного и научно-вспомогательного фондов.
3. Составление инвентарных книг (книг учета, в которые все поступающие в музей экспонаты записываются по типам источников (документы, письменные источники и т. д.).
4. Присвоение коллекционного номера
5. Научная паспортизация (полное научное описание экспоната).
6. Составление научно-справочной документации (картотеки – именная, тематическая, предметная).

Документальные и письменные памятники имеют свою специфику. Их атрибуция и отнесение к основному фонду музея осуществляется с учетом того, что они – объективные источники историко-культурных ценностей, созданные при участии научно-педагогической интеллигенции, формирующей становление высшего профессионального образования. На примере их жизни, вклада в культурное наследие региона, страны исследуется становление духовно-нравственного климата в вузе, воспитываются целые поколения студентов. Творческий путь почти каждого ученого связан с созданием научных школ, кафедр университета, доцентами и профессорами которых стали сегодня их ученики. В связи с этим возрастает значение музея истории как хранителя и транслятора духовно-нравственных ценностей. Интересные, содержательные и конкретные факты и примеры из жизни и деятельности ученых дают студентам возможность более близко познакомиться с избранной профессией, проникнуться любовью и уважением к труду преподавателей.

Описание документальных памятников для более полного раскрытия его исторического значения осуществляется по следующей схеме:

- Название музейного предмета (членский билет, приказ, устав).
- Автор документа. Лицо или учреждение, которому выдан документ (диплом, паспорт и т. д.).
- Описание документа (подлинник, заверенная копия, за подписью ректора, в картонном переплете, оклеен дерматином, на развороте листа, текст, надпись на обложке, 8 листов и т. д.).
- Дата, место создания документа (например, 12.03.1949 г., начало XX в. и т. д.).
- Материал (бумага, картон). Техника исполнения (печатный текст, рукописный и т. д.).
- Размер (по вертикали и по горизонтали в см).
- Сохранность (загрязнен, выцветший, помят, стертый, оборван, пятно в верхнем левом углу, пожелтевший, края листа обтрепаны, ветхий и т. д.).
- Номер акта поступления.
- Коллекционный номер – на оборотной стороне, в левом нижнем углу.

Современный научный подход к изучению документального материала позволяет получить информацию о духовной стороне жизни людей, так называемого «неосязаемого (нематериального) достояния» человечества. Под этим понятием понимается производственный, социальный и бытовой опыт людей (научно-педагогической интеллигенции), их духовные ценности и представления, зафиксированные в традициях и передаваемые от поколения к поколению» [1, с. 94]. Внедрение новых форм инновационной деятельности в систему научного комплектования музейного собрания по истории КемГУ показывает, насколько высок потенциал музея в различных аспектах: историческом, образовательном, культурологическом. Этот потенциал складывается из богатого коллекционного собрания музейных предметов по истории вуза.

Востребованность коллекционных материалов по истории высших учебных заведений в современных условиях обусловлена естественной реакцией на потребности общества в сохранении, эффективном использовании и воспроизводстве историко-культурного наследия, связанного с процессами просвещения, образования и воспитания. Учетно-фондовая работа, являющаяся фундаментальной основой всей деятельности музеев, должна быть организована в музеях истории вузов на научной основе

и с применением информационных технологий. Только в этом случае региональная часть историко-культурного наследия страны может быть исследована во всех аспектах, реализована в современной жизни и сохранена для последующих поколений.

Литература

1. Кулемзин А. М. Об определении понятия «Нематериальное культурное наследие» // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. науч. ст. – Кемерово, 2009. – Вып. III. – С. 91–95.
2. Москвитин С. С. Общие и частные проблемы вузовского музея // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе: сб. науч. ст. – Томск: Изд-во Томского университета, 2009. – С. 57–63.
3. Юренева Т. Ю. Музееведение: учебник. – М.: Академический Проект, 2003. – 560 с.

А. Е. Егоров

РОЛЬ ДИЗАЙНА В МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НА ПРАКТИКЕ КОЛЛЕДЖА И ШКОЛЫ

Современный социальный мир обладает огромным потенциалом культуры. Однако вследствие неразвитости его механизмов вовлечения людей в сферу прекрасного и недостатка эффективных методик формирования умений и навыков жить по законам красоты у достаточного количества людей нет соответствующих нравственно-эстетических ориентаций и потребностей следовать культурным традициям.

В решении этой серьезной проблемы каждый музей образовательного учреждения играет большую роль в нравственно-эстетическом и историко-патриотическом просвещении и вовлечении людей в различные формы социально-культурного творчества.

Как свидетельствует практика, уровень работы большинства музеев в образовательных учреждениях значительно отстает от заложенных в них объективных возможностей. Традиционные формы подачи материала уже не актуальны, в связи с тем, что подрастающее поколение имеет совершенно иные нравственно-этические приоритеты и ритмы восприятия своей действительности в социальном мире. Поэтому стандартные формы подачи патриотической информации кажутся унылыми и

навязчивыми, теряя былую возвышенность и актуальность. Также само внутреннее пространство музеев в образовательных учреждениях предсказуемо и тематически логично, согласно строгим советским стандартам, не преследующие никакого индивидуального выражения (см. Приложение 1).

Текущая ситуация ставит новые задачи и поиски современных средств перед музейными педагогами образовательных учреждений для улучшения своих экспозиций. Активные деятели музеев проводят эксперименты и внедряют инновации по модернизации экспозиций, применяя все новые методы воздействия в подаче информации. Одним из таких экспериментов является привлечение дизайна в музейно-педагогическом пространстве.

Дизайн уже перестает быть проектированием окружающего нас предметного мира, его компетенции становятся существенно шире. Так, на Западе дизайн превращается в глобальный инструмент, оттесняющий маркетинг и социологию. Его задача сегодня – поиск дифференциаций, рождение потребностей, открытие новых направлений [3, с. 46–47].

В этой статье мы хотим поговорить о роли дизайна в музейно-педагогическом пространстве на практике.

Первый пример – это музей в ГОУ СПО КПК. Здесь разрабатывалась автором этой статьи экспозиция «Ожидание» в честь 65-летия Великой Победы (см. Приложение 2). Открытие состоялось в феврале 2010 г. [4]. Результат был положительный: первое место в городском соревновании ООНПО и СПО в номинации «65-летию Победы посвящается».

Нужно отметить, что экспозиция не являлась просто отдельным демонстративным элементом в музее. Экспозиция проектировалась в помощь педагогу как эффективный метод эстетического воздействия, несущий мотивацию для положительного восприятия информации [2]. Раньше студенты работали абстрактно, т. е. с разрозненными понятиями: фотографиями, отдельными предметами и повествовательными этикетками, которые можно было только посмотреть за стеклянной тумбой. Сегодня студенты находятся в специальной среде, где экспонаты заключены в сюжетную композицию со звуковым сопровождением и имеют игровой диалог с посетителем. Теперь намного легче моделировать вре-

мя и события, в котором студенты никогда не были, но благодаря экспозиционному воздействию они могут себе это максимально представить и в буквальном смысле прикоснуться к эпохе военных лет.

Дизайн создает здесь пространство исходя из цели и задач музейного педагога, а дидактика позволяет целенаправленно использовать формирующие возможности, которые это пространство предоставляет. Таким образом, эстетически формирующая среда имеет множество моделей, использование различных вариантов которых позволяет добиться максимального результата в оказании формирующего влияния на развитие личности учащегося данного учебного учреждения. Приведем пример такой модели в использовании экспозиции согласно специальному учебному плану: «Встреча с детьми Отечественной войны». Здесь экспозиция играет вступительную часть: специальная среда, особое освещение и звуковое сопровождение погружает внимание посетителей в прошлое. После аудиопрограммы приглашенный человек рассказывает студентам о своей нелегкой жизни в военное время. У каждого студента есть уникальная возможность окунуться в прошлое и задать свой современный вопрос, согласно своим ценностям. Впечатления от таких встреч с обеих сторон были трогательными и сопровождались искренними слезами и улыбками понимания.

Варианты такой модели, показывающей эффективный симбиоз дизайна и музейной дидактики, могут развиваться благодаря творческой личности педагога и заинтересованной активности студентов.

Таким образом, задачи эстетического воспитания в решении дизайна исключительно важны для формирования высокодуховной личности. Преимуществом такого эстетически организованного учебно-воспитательного пространства является его способность повышать мотивацию педагога к педагогической деятельности и мотивацию учащегося к обучению, развивать творческое отношение к собственной деятельности и адекватно ее оценивать, вырабатывать навыки саморазвития и самообучения, увеличивать коммуникативные навыки.

Следовательно, образовательные учреждения нуждаются в разработке современных дизайнерских решений, которые позволяют, с помощью создания определенного визуального образа, связать образовательную, воспитательную, эмоциональную и эстетическую среды в единое

целое и целенаправленно использовать их формирующие личность возможности. Особая образовательная деятельность, включающая совместную проектную и творческую деятельность учащихся и педагогов, – единственное основание и неформальный ход в «оживлении» или изменении качества учебного пространства [6, с. 20–23].

Второй пример удачного симбиоза дизайна и музейно-педагогического пространства, о котором мы хотим рассказать в этой статье, – музей в МОУ «СОШ № 58». Это пока планируемый директором проект музея, посвященный теме «Игрушка», который рассчитывает свое осуществление в сентябре 2011 г.

Основная цель данного проекта заключается в создании не просто внутреннего пространства, где находятся предметы в строгой тематике – а, напротив, в создании специального познавательно-игрового пространства. В этой внутренней среде учащиеся будут не только знакомиться с природой игрушки, но и заниматься творческими занятиями, т. е. непосредственно вступать в созидательный процесс внутреннего пространства (например, изготавливать игрушки, которые тут же превращаются в экспонат музея).

По мнению ученых, всю видимую среду условно можно поделить на две части – естественную и искусственную. Естественная среда находится в полном соответствии с физиологическими нормами зрения, а это – лес, горы, море, облака. Находясь в этой среде, человек отдыхает, ничего пристально не разглядывая. Продолжительный взгляд на зелень листвы способствует отдыху уставших глаз, снижает напряжение. Зеленый цвет растений успокаивает человека, снижает артериальное давление. Искусственная же визуальная среда все больше отличается от природной и иногда находится в противоречии с законами зрительного восприятия человека, поэтому может оказывать негативное влияние [1, с. 56–70]. Следовательно, нам необходимо осознанно вмешаться в содержание окружающей нас визуальной среды и максимально избавиться от негативного влияния. Решением проблемы негативного влияния визуальной среды характерно разнообразие элементов в окружающем пространстве – кривые линии различной толщины и контрастности, разнообразие цветовой гаммы, сгущение и разрежение видимых элементов [1, с. 72–73].

Все выше сказанное было применено в проектировании образа будущего музея. Автором статьи было разработано два варианта эскизов с учетом всех функциональных и эстетических предпочтений заказчика. Проект выполнен в эклектике, т. е. содержит элементы разных стилей, а именно – минимализм, хай-тек и бионика.

Первый вариант носит строгий характер, он был рассчитан на постоянное существование и смену в себе содержания разных тематических экспонатов (см. Приложение 3). Второй вариант имел специальную сказочную среду для игрушки, выражая образ детской мечты (см. Приложение 4). Второй вариант вызвал ожидаемое предпочтение: именно он отвечал поставленной цели и реализации эстетического диалога.

Рассматривая второй вариант, мы видим, что здесь два основных цвета (зеленый и синий) и два нейтральных (белый и черный). Синий цвет – это небо, создающее иллюзию глубины (как было выше сказано – это естественный элемент среды), зеленый цвет – это кустарники (также природный успокаивающий цвет), он в основном делит пространство на зоны; основной цвет белый – это образ волшебного сундучка, где происходят чудеса. В целом получается легкое воздушное пространство. Это было рассчитано с целью, что туда в будущем будут помещены игрушки, как малые акценты на общем пятне.

При проектировании, мы решили, что игрушки должны быть не все под стеклянным «колпаком», поэтому мы сделали открытые полки для тех игрушек, которые можно рассмотреть в руках. Эти полки так же могут демонстрировать работы учащихся.

Важно упомянуть о столе, за которым будут проходить будущие занятия. В нем находится второе дно, для экспонатов.

Таким образом, находясь в такой среде, где учащиеся превращаются в волшебников или творцов процесс обучения будет всегда увлекательным и эффективным.

А теперь перейдем к вопросам дидактики, которые планируются в будущем музее. Так как на сегодняшний день в школьных программах предмет «ИЗО» приобрел свою содержательность вплоть до 9-го класса, где изучаются практически все виды искусства, в этом случае среда музея будет эффективнейшим помощником в эстетическом воспитании.

Приведем пример специальной модели урока: «Основы пластилиновой и нарисованной мультипликации» (3–4 урока. Совмещение ИЗО, литературы, музыки и информатики). Здесь учащиеся смотрят на проекторе отрывки советских мультфильмов. Преподаватель кратко объясняет принципы мультипликации и предлагает всем ребятам слепить или нарисовать один мини-фильм, распределив задачи каждого. Сделав фильм, ребята его смотрят и обсуждают основные положения. Так в музее появляются свои минимультфильмы. В этом творческом процессе ребята реально становятся творцами своих творений и могут их подарить своим близким.

Такая модель урока очень эффективна в воспитании коллективных работ. Она практически показывает пользу изучающих предметов в комплексе их применения. Результаты такого комплекса создает мотивацию у учащихся, внушая уверенность у них в собственные силы и стремление осознано ставить перед собой цели в определенное будущее. А специально созданная среда будет всегда оставаться гарантом того, что уроки в таком пространстве будут всегда интересны и памятными, рождая в душе у учащихся ожидание будущих уроков, где они вновь смогут себя проявить.

В заключении хочется еще раз подчеркнуть важность влияния внутренней среды на человека в образовательных учреждениях для эффективного обучающего процесса, а по сути, влияние это актуально для всех других учреждений. Психологи уже давно заметили закономерности воздействия света и цвета на психику человека. Потому в коммерческих заведениях проектированием внутренней среды занимаются профессиональные дизайнеры для эффективного привлечения и длительного удержания посетителей в данном заведении.

Мы затронули роль дизайна в проектировании лишь музейно-педагогической среды для эффективного нравственно-эстетического воспитания. Однако существуют и другие среды в образовательном учреждении, которые также требуют привлечения профессионального дизайнерского подхода.

Из всего вышесказанного следует, что существует необходимость создания такого типа образовательных учреждений, эстетизация учебно-

воспитательного пространства которых полностью соответствовала бы их типу и профилю, отражалась в учебных планах, обеспечивала целостность воздействия на интеллект и эмоции учащегося, а формирующие возможности пространства полностью использовались в учебном процессе.

В современных условиях движение педагогики и эстетики навстречу друг другу привело к пониманию мира образования как целенаправленно создаваемой действительности, создающей методологическую основу для проектного осуществления принципа вариативности [5, с. 15–16]. А с возникновением дизайна принципиально изменились возможности эстетики, превратив ее из привлекаемого дополнительного средства в содержание образования.

Дизайн может стать содержательной основой целостного учебно-воспитательного процесса, осуществляемого любым образовательным учреждением в учебное и внеучебное время.

Объединение эстетики и педагогики, создание на основе дизайна, формирующего учебное пространство способно повысить эффективность и качество отечественного образования.

Литература

1. Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р. Психология восприятия. – М.: Изд-во Моск. унт-та, 1973. – 246 с.
2. Егоров А. Е. Инновационные формы в новой экспозиции, посвященной 65-летию Великой Победы в музее ГОУ СПО КПТК // Актуальные проблемы социокультурных исследований: межрег. сб. науч. статей. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – Вып. 6. – С. 203–211.
3. Калянина Л. Пришло время дизайна // Эксперт. – 2006. – № 37. – С. 46–50.
4. Николаева Н. Об экспозиции областная массовая газета «Кузбасс» [Электронный ресурс] // ГОУ СПО КПТК. – 2010. – Режим доступа: http://www.kptc.org/index.php?option=com_content&view=article&id=134&Itemid=160 (дата обращения: 17.02.2010 г.).
5. Осипова Н. В. Эстетизация учебно-воспитательного пространства школы. – М.: МГОУ, 2002. – 206 с.
6. Слободчиков В. И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего обучения. – М., 1996. – 135 с.

**Музейно-педагогическая среда в образовательных учреждениях
(стандартный тип)**

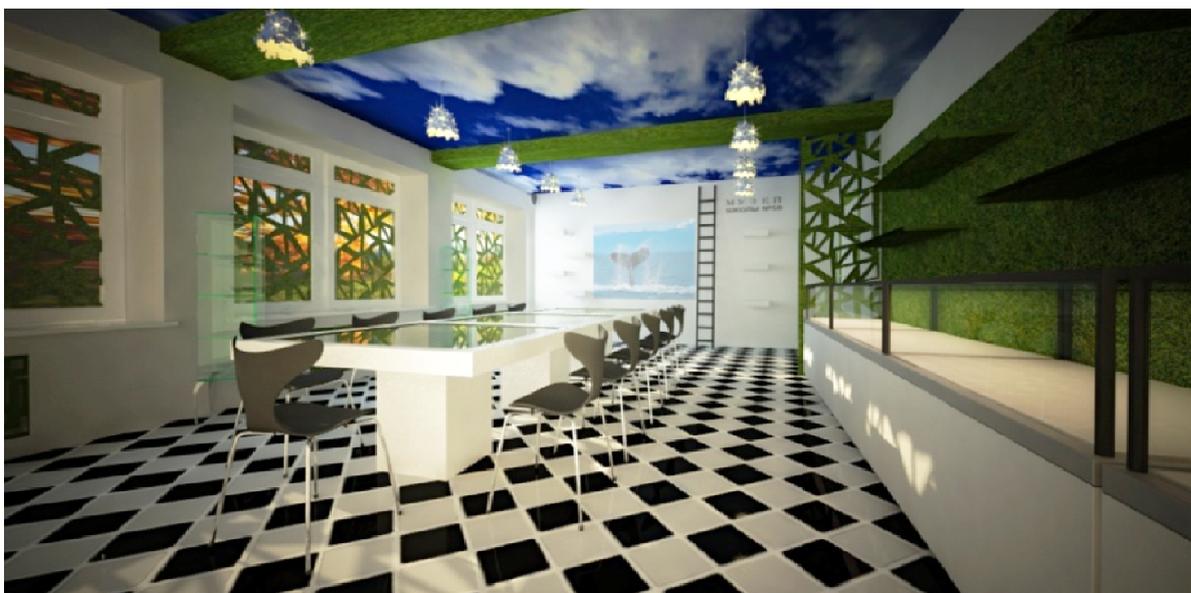
Экспозиция «Ожидание»

Интерьер музея «Игрушки» (вариант 1)

Интерьер музея «Игрушки» (вариант 2)

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ МУЗЕЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Школьные музеи в настоящее время активно развиваются. Мы сейчас переживаем «музейный бум». Ежегодно появляются новые школьные музеи. Некоторые школы открывают по второму музею в своих образовательных учреждениях (Новосибирск). Музейная сеть Новосибирска постоянно растет (в 2010 г. – 153 школьных музея). Данные были опубликованы на сайте nios.ru в разделе «музейный компас» в 2010 г. На сегодняшний день в Новосибирске насчитывается более 160 школьных музеев (по результатам смотра школьных музеев в г. Новосибирске в 2011 г.). Данные этого смотра пока не опубликованы. Это около 80 % образовательных учреждений, где имеются школьные музеи.

Многие из этих музеев ведут активную поисковую, просветительскую, научно-исследовательскую работу. Но есть и те, которые практически не функционируют или функционируют не в полную силу.

Музей должен развиваться, быть востребованным, органично входя в образовательный и воспитательный процесс школы.

Школьный музей – это особая школьная структура, которая влияет на многие аспекты деятельности образовательного учреждения и позволяет внести свой вклад в духовно-нравственное воспитание обучающихся.

Возникает проблема между быстрым ростом школьных музеев и организацией их эффективной деятельности.

В связи с этим очень важна объективная оценка работы музея. Необходимо наличие определенных критериев для оценки деятельности музеев школы.

Критерии эффективности воспитательной работы музеев образовательных учреждений, к сожалению, не разработаны. Эффективность работы определяется по итогам участия в различных мероприятиях (конференции, олимпиады, конкурсы), по итогам смотров или проверок. Организация смотров школьных музеев в разных областях отличается. В Кемеровской области смотры проходят чаще и часто имеют тему, приурочены к определенным событиям. В них участвует большее количество

во человек. В Новосибирской области это происходит при паспортизации музеев и в 2 этапа. Оценочные листы имеют разную структуру. В Кемеровской области при проведении смотра использовались различные критерии и различное количество оценочных листов в разные годы. При проведении первых смотров – конкурсов использовалось около 5 оценочных листов [3, с. 123–127]. Они были разработаны бывшим методистом Детско-юношеского центра гуманитарно-экологического развития им. Веры Волошиной (ДЮЦ ГЭР им. Веры Волошиной), Горбуновым В. С. Данные критерии учитывали: основную работу музеев, планирование работы музеев, работу с активом музея, экскурсионную работу, музей в системе воспитательной работы, место и роль музея в общей модели воспитательной системы школы. Они достаточно подробны и вызывают много споров. Позже стали использовать другие оценочные листы. В Новосибирской области первые оценочные листы были похожими. В настоящее время они включают в себя более краткую оценку состояния работы музея образовательного учреждения. А именно:

Образовательное учреждение. Название музея. Профиль музея. Дата паспортизации музея. Наличие ставки педагога дополнительного образования-руководителя музея.

Ф. И. О. руководителя музея. Квалификационная категория. Дата прохождения курсов (тема).

- Количество залов. Оснащенность оргтехникой:
- наличие компьютера принтера
- сканера
- другое
- Наличие электронных версий экскурсий (да/нет, указать темы).
- Наличие электронного каталога (да/нет).
- Наличие музейного актива:
- из числа обучающихся (кол-во человек)
- из числа педагогов (кол-во человек)
- из числа родителей, общественности
- Количество единиц основного фонда
- Количество единиц вспомогательного фонда

Однако эта информация не может дать нам полной картины качества и эффективности воспитательной работы музеев школы.

Существуют также критерии для оценки качества деятельности музеев образовательных учреждений.

Отделом по патриотическому воспитанию Дворца творчества и учащейся молодежи «ЮНИОР» (ДТД и УМ «ЮНИОР») г. Новосибирска предлагаются для использования и обсуждения критерии и показатели работы школьных музеев. Эти критерии можно найти в следующем источнике [1]. Они были опубликованы в 2007 г., несмотря на это, не используются школьными музеями в полной мере. Причин несколько: не в каждом школьном музее есть данный источник, загруженность руководителей музеев (у которых не хватает времени оценить свой музей по данным критериям), не все руководители школьных музеев пытаются работать профессионально, не пытаются обращаться к специалистам.

Эти оценочные критерии можно объединить по следующим блокам: духовно-нравственные параметры, количественные показатели, нормативно-правовая база деятельности музея ОУ. По этим показателям в сентябре каждого года школьный музей может отчитываться в ОУ на педагогическом совете, совещании и др.; администрация ОУ – перед отделом (управлением) образования администрации района; район – перед управлением образования мэрии.

Объективные показатели работы музеев являются основанием для управленческих решений и поощрений музеев.

Мы поставили своей задачей применить данные критерии в работе своего школьного музея и музеев других районов г. Новосибирска (МБОУ СОШ № 32, 41, 29, 63).

**Духовно-нравственные параметры
(измерение параметров: анкеты, интервью, наблюдение,
эксперимент, математическая обработка)**

№ п/п	Параметры	Индикатор в баллах (всего баллов)
1.	Школьные традиции	
2.	Роль музея в сохранении и передаче традиций	
3.	Проведение мониторинга «Мое отношение к школьному музею»	
4.	Создание системы работы, обеспечивающей удовлетворение потребностей обучающихся в образовании, развитии, воспитании	
5.	Положительная динамика индивидуального развития обучающихся	

Количественные показатели

№ п/п	Мероприятия	Кол-во за ед. в баллах (1 балл за шт.)	Кол-во мероприятий	Инди- катор в баллах (всего баллов)
I. Система массовых мероприятий				
Выставочная деятельность в музее ОУ:				
1.	Проведено выставок			
2.	Организовано тематических экскурсий			
3.	Фестивалей			
4.	Конкурсов			
5.	Создано экспозиций			
6.	Организация работы по созданию аудио-, видеоматериалов экспозиций и выставок			
Показатели участия в массовых мероприятиях:				
7.	Районных			
8.	Городских			
9.	Областных			
Реализация музеем ОУ:				
10.	Образовательных программ патриотической направленности			
11.	Творческих проектов патриотической направленности			
II. Поисково-исследовательская деятельность музея ОУ:				
12.	Пополнение фондов			
13.	Показ результатов поисковой деятельности			
14.	Участие в НОУ			
III. Организация просветительской деятельности				
Проведение по проблемам музейного дела:				
15.	Семинаров			
16.	«Круглых» столов			

№ п/п	Мероприятия	Кол-во за ед. в баллах (1 балл за шт.)	Кол-во мероприятий	Индикатор в баллах (всего баллов)
17.	Конференций			
18.	Классных часов			
19.	Тематических вечеров патриотической направленности			
20.	Уроков мужества			
21.	Встреч с ветеранами			
Сотрудничество музея ОУ с:				
22.	СМИ			
23.	Государственными музеями, архивами			
24.	Библиотеками			
25.	ВУЗами			
26.	НИПКипРО			
27.	Военно-патриотическими клубами			
28.	Советом ветеранов			
29.	Другими общественными организациями			
Создание музейных объединений:				
30.	Факультативы			
31.	Кружки			
32.	Поисковые отряды			
33.	Клубы			
34.	Другие объединения			
Наличие музейного актива:				
35.	Взрослого			
36.	Детского			
37.	Органов соуправления			
Работа «Школы юного экскурсовода»				
38.	Подготовлено экскурсоводов			
39.	Проведено экскурсий			
Итого:				

Нормативно-правовая база деятельности музея ОУ

№ п/п	Наименование документа	Индикатор в баллах
1.	Письмо МО РФ № 28-51-181/16 от 12.03.03 г. «О деятельности музеев ОУ»	
2.	Приложение к письму МО РФ № 28-51-181/16 от 12.03.03 г. «Примерное положение о музее ОУ»	
3.	Постановление главы НСО № 813 от 22.12.03 г. «О поддержке музеев ОУ»	
4.	Устав (Положение) музея	
5.	Приказ по ОУ о создании музея	
6.	Книга учета основного фонда	
7.	Книга учета научно-вспомогательного фонда	
8.	План работы музея	
9.	Журнал учета проведенных мероприятий	
10.	Анализ работы музея (за 3 года)	
Итого		

Данные оценочные критерии были взяты за основу при написании анализа работы за прошедший учебный год в Муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении «Средней общеобразовательной школе № 32» (МБОУ СОШ № 32), Октябрьского района города Новосибирска и школьных музеях других районов (МБОУ СОШ № 32, 41, 29, 63). Этими критериями очень удобно пользоваться, сложности могут возникнуть лишь при измерении духовно-нравственных параметров. Здесь могут помочь такие методы, как анкеты, интервью, наблюдение, эксперимент, математическая обработка.

Некоторые пункты можно не использовать. Это зависит от вашей работы, которую вы провели в данном учебном году, а также от вашего профиля музея, его плана работы, целей вашего образовательного учреждения.

На наш взгляд, эти критерии необходимо разместить на образовательном портале Новосибирска – nios.ru (газета «Интерактивное образо-

вание», раздел «Музейный компас», на страницах районных отделов образования), сайте городского отдела музеев – patriot.edusite.ru. Данные оценочные критерии могут использовать в своей работе не только руководители школьных музеев, но и завучи по учебно-воспитательной работе, методисты отделов по патриотическому воспитанию, педагоги дополнительного образования, все, кто связан с деятельностью музея образовательного учреждения.

Эти критерии можно также использовать при планировании работы музея ОУ:

- при подведении итогов музея за прошедший год;
- при составлении плана работы на следующий год.

Эти критерии необязательны, они предлагаются для обсуждения и доработки.

Литература

1. Букарева Н. Н., Шихваргер Г. А. Деятельность музеев образовательных учреждений: критерии оценки качества // Сибирский учитель. – 2007. – № 1(49). – С. 39–40.
2. Рекомендации по планированию работы музея образовательного учреждения // Музей образовательного учреждения: проблемы, опыт, перспективы: сб. науч. ст. – Новосибирск: Новосибирский институт повышения квалификации; Музей развития образования в Новосибирске и Новосибирской области, 2010. – С. 41–42.
3. Оценочные листы городского жюри смотра-конкурса школьных музеев // Школьное музееведение: методические материалы в помощь руководителям школьных музеев / авт.-сост. В. С. Горбунов; под ред. Н. А. Черновой; МОУ ДПО «НМЦ». – Кемерово, 2004. – Ч. 1. – С. 123–127.

Раздел 4. ПЕДАГОГИКА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ, СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ

М. Г. Котляров

МУЗЫКАЛЬНО-ПОСТАНОВОЧНАЯ КУЛЬТУРА СПЕЦИАЛИСТОВ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ СФЕРЫ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Если обратиться к будущему системы высшего профессионального образования в сфере культуры и искусства в РФ, то ее концепция развития видится в определении – «культура, основанная на знаниях». Такое определение в полной мере выражает компетентностное измерение этой образовательной концепции, что, в свою очередь, наглядно демонстрируют макеты образовательных стандартов третьего поколения.

«Компетентностный подход характеризуется личностным и деятельным аспектами, т. е. он имеет и практическую, прагматическую, и гуманистическую направленность. Поэтому цель профессионального образования состоит не только в том, чтобы научить человека что-то делать, приобрести профессиональную квалификацию, но и в том, чтобы дать ему возможность справляться с различными жизненными и профессиональными ситуациями» [5].

О значительной роли музыки в различных видах зрелищного искусства и музыкальной образованности как необходимом профессиональном атрибуте специалистов данной сферы говорили и говорят ведущие театральные педагоги (К. С. Станиславский [11], В. Э. Мейерхольд [8], В. И. Немирович-Данченко [9], И. Г. Шароев [13] и др.).

До настоящего времени при подготовке специалистов в данной сфере использовались знания, умения и навыки, способствующие формированию исключительно специфической, заключенной в рамки специальных дисциплин, профессиональной компетентности.

«Компетенция общая – это способность применять знания, умения, успешно действовать на основе практического опыта при решении задач общего рода, также, в определенной широкой области» [1].

«Компетенция профессиональная – способность успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний при решении задач профессионального рода деятельности» [1].

Под профессиональной компетентностью специалиста культурно-досуговой сферы понимается интегральная характеристика, определяющая способность решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной деятельности, с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта, ценностей и наклонностей. «Способность» в данном случае понимается не как «предрасположенность», а как «умение». «Способен», т. е. «умеет делать». Способности – индивидуально-психологические особенности – свойства-качества личности, которые являются условием успешного выполнения определенного вида деятельности. Компетентность всегда проявляется в деятельности. Природа компетентности такова, что она может проявляться только в органическом единстве с ценностями человека, т. е. при условии глубокой личной заинтересованности в данном виде деятельности [7].

«В коллективной монографии “Компетентностный подход в педагогическом образовании” под редакцией В. А. Козырева и Н. Ф. Радионовой было уточнено понимание профессиональной компетентности как совокупности ключевой, базовой и специальной компетентностей;

- Ключевые компетентности по определению авторов необходимы для любой профессиональной деятельности, они связаны с успехом личности в быстро меняющемся мире. Ключевые компетентности приобретают сегодня особую значимость. Они проявляются, прежде всего, в способности решать профессиональные задачи на основе использования информации, коммуникации, в том числе на иностранном языке, социально-правовых основ поведения личности в гражданском обществе.

- Базовые компетентности отражают специфику определенной профессиональной деятельности.

- Специальные компетентности отражают специфику конкретной предметной или надпредметной сферы профессиональной деятельности. Специальные компетентности можно рассматривать как реализацию

ключевых и базовых компетентностей в области профессиональной деятельности» [15].

Разумеется, все три вида компетентности взаимосвязаны и развиваются одновременно. Это и формирует индивидуальный стиль творческой деятельности, создает целостный образ специалиста и, в конечном итоге, обеспечивает становление его профессиональной компетентности как определенной целостности, как интегративной личностной характеристики [7, с. 8–9].

Профессионально-компетентный специалист сам ставит цели своей деятельности, определяет пути и средства их достижения, несет ответственность за последствия ее реализации. В отличие от исполнителя он владеет деятельностью в целом, удерживает ее предметность в многогранных практических ситуациях, способен к построению деятельности, ее изменению и развитию [15].

В учебном пособии «Режиссура массовых театрализованных зрелищ и музыкальных представлений» Горюнова Ирина Эдуардовна ставит вопрос о качестве профессиональной деятельности режиссеров-постановщиков. Говорит о том, что: «Новая Россия поставила перед организаторами и создателями массовой театрализованной и концертной деятельности новые проблемы. На повестку дня встал вопрос художественного уровня и качества предлагаемой продукции. В последние годы известными деятелями культуры не раз подчеркивалось, что уровень этот крайне низок. Диктатура безвкусицы, воцарившаяся и практически узаконенная на эстрадных подмостках, поставила под угрозу существование и развитие жанра» [5].

На наш взгляд, данная проблема имеет свое начало в недостаточной, а во многих случаях и крайне низкой музыкально-постановочной культуре специалистов. Это связано с тем, что в настоящее время в ГОС учреждений высшего и среднего профессионального образования отсутствуют дисциплины, формирующие музыкально-постановочную культуру специалистов культурно-досуговой сферы.

В проектах государственных образовательных стандартов третьего поколения по направлению подготовки «Режиссура театрализованных представлений и праздников» выделен ряд профессиональных компетенций и обозначены основные области их преломления: художественно-творческая, режиссерско-постановочная, организационно-управленческая и просветительская деятельность [12].

Детальное рассмотрение профессиональных компетенций режиссера театрализованных представлений и праздников усматривает очевидным то, что во всех указанных их разновидностях отсутствуют компетенции, связанные с музыкальным оформлением театрализованных представлений, а данные компетенции являются важной составляющей профессионального мастерства будущего режиссера [14].

В данном случае мы имеем дело с формированием музыкально-постановочной культуры специалиста исключительно на основе довузовской подготовки и общей музыкальной культуры личности. Итогом такой подготовки являются программы, в которых музыкально-постановочная составляющая носит случайный характер либо задачи по подготовке музыкального материала и звуко-шумовому сопровождению перекладываются на специалиста (звукорежиссера) на заключительном этапе подготовки проекта.

Второй случай широко используется при подготовке масштабных, дорогостоящих программ на главных площадках нашей страны с тем лишь отличием, что взаимодействие режиссера-постановщика и звукорежиссера происходит на всех этапах подготовки мероприятия, включая формирование самой идеи. Стоит заметить, что специалисты культурно-досуговой сферы зачастую не видят разницы между звукооператором и звукорежиссером, и в связи с этим получают весьма сомнительный результат своей профессиональной деятельности.

Музыкально-режиссерские знания включают в себя: осознание специфики бытования музыки в театрализованном представлении; знание, понимание и апеллирование основными музыкальными понятиями, необходимыми для осуществления музыкально-постановочной деятельности; знание особенностей музыкальной драматургии в театрализованном представлении и драматургических функций музыки в нем; осуществление музыкально-режиссерского анализа произведений музыкального искусства; знание алгоритма музыкального оформления театрализованного представления.

Под постановкой в современной литературе понимают «творческий процесс создания драматического, оперного и балетного спектакля, циркового представления, эстрадного обозрения, а также кинофильма. Постановка осуществляется на основе постановочного замысла режиссера, который включает: идейное истолкование (интерпретацию) пьесы; характеристики отдельных персонажей; определение необходимых сти-

листических и жанровых особенностей актерского исполнения; решение спектакля во времени: ритм и темп спектакля; решение спектакля в пространстве: мизансцены, планировки; определение характера и принципов оформления» [3].

К основным музыкально-постановочным навыкам режиссера относятся: навыки грамотного монтажа музыкального материала и выстраивания музыкальной драматургии театрализованного представления в музыкально-шумовой партитуре; навыки самостоятельного решения режиссерских задач средствами музыкального искусства.

В отличие от драматического спектакля, где у режиссера есть достаточные средства и время для детальной разработки образов и характеров, в театрализованном представлении эти возможности ограничены и музыка является весомым выразительным средством, компенсирующим сжатые для этого постановочные условия. Знание музыкального искусства, его законов и принципов применения в театрализованном представлении является одним из условий повышения качества постановки данного жанра [14].

Знание основ звукорежиссуры так же является необходимым звеном в работе над творческим проектом. Примером может послужить такое техническое средство, как микрофон.

Микрофоны играют одну из ключевых ролей в процессе проведения массового музыкально-театрализованного представления. Их правильное использование и четко продуманный райдер, вписанный в режиссерский сценарий, – сфера профессиональных интересов режиссера-постановщика. Для этого весь «микрофонный путь» представления должен быть строго зафиксирован в режиссерском сценарии, и специально обученным людям (минимум по одному человеку в «карманах» сцены) следует обслуживать представление строго по сценарию. Желательно «не загружать головы» этих людей полным режиссерским сценарием, а выдать им специальный краткий райдер с учетом времени и места появления артиста за кулисами перед выходом на сцену. Тогда микрофонная «накладка», одна из самых распространенных в нашей профессиональной практике, а вместе с ней ненужная сценическая пауза, будут исключены [4].

Пренебрежение этими основами, а иногда и их незнание приводит к ошибкам в процессе самого представления. Как следствие, нервная обстановка на площадке и за кулисами.

Среди непосредственных участников мероприятия складывается негативное мнение о режиссерах-постановщиках досуговых программ, о их профессиональной компетентности. У зрителя формируется искаженное представление о происходящем. Подобный продукт может полностью изменить культуру потребителя, перенаправив его исключительно в развлекательное русло, отбросив смысловую составляющую.

Определяя профессиональный образ специалиста культурно-досуговой сферы необходимо обратить внимание на целостное видение образа жизни специалиста, связанного с другими формами и видами жизнедеятельности человека.

В слове «образ» – корень «аз» [2]. «Азь» в славянском языке – местоимение первого лица единственного числа, т. е. «Я»; отсюда «образ» – обретение «Я», возвращение к себе.

Если обратиться к психологическому словарю, то под образом понимается субъективная картина мира или его фрагментов, включая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий. Понятие образа неотделимо от широкого понятия образа мира как целостной, многоуровневой системы представлений человека о мире, о других людях, о себе и своей деятельности [10].

Понятие образа профессиональной деятельности неразрывно связано с личностью, которая является его носителем. Особой чертой профессионального самоопределения в профессиях гуманитарного типа выделяется личностная значимость профессии вследствие высоких социальных требований и общественных ожиданий. Высокий уровень требований к личностным свойствам профессионала объясняет расхождение в профессиональной Я-концепции: разницу между реальной профессиональной самооценкой и идеальным образом профессионала у представителей данного типа профессии. Значимость профессии проявляется в осознании и личностном принятии специфического предмета и мотива профессиональной деятельности личности. Представители гуманитарного типа профессий значительно чаще идентифицируются с профессионалом, ориентированным в своей деятельности на реализацию общекультурных общественных ценностей.

Человек в процессе труда предвидит и предусматривает его продукт. Это предвидение имеет форму построения идеального представления, которое, вместе с тем как сознательная цель предшествует производству продукта (как материального, так и духовного). Эта цель как

закон определяет способ и характер действий человека, который подчиняет ей свою волю.

Во всех видах деятельности процессу получения ее предметного результата предшествует возникновение потребности, влечения, внутреннего образа, представления и цели. Эти понятия имеют разное содержание, но их объединяет понятие идеального. И в идеальном плане они позволяют предвидеть, предусмотреть и опробовать возможные действия, направленные к реальному достижению результата, удовлетворяющего потребность.

Наличие у личности идеального образа его собственной деятельности позволяет ему рассматривать наедине с самим собой ее основания, изменять замыслы своих действий, проконтролировать свои намерения, желания и чувства, сформулировать высказывания, соответствующие конкретной ситуации [6].

Решающую роль в формировании положительного профессионального образа специалистов культурно-досуговой сферы играет анализ творческой и педагогической деятельности ведущих мастеров в данной области.

Литература

1. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%EC%E2%F2%ED%F6%E8%FF> (дата обращения 12.03.2011).
2. Воловикова М. И. Обретение «Я» // Труды Института психологии РАН: в 2 т. – М., 1997. – Т. 2. – С. 44–49.
3. Глоссарий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_find.cgi?ph=%D0%CF%D1%F2%E0%ED%E2%EA%E0&action=%D0%CF%E8%F1%EA (дата обращения 12.03.2011).
4. Горюнова И. Э. «Человек за пультом»: роль звукорежиссера в создании современного музыкально-театрализованного зрелища // Музыкальная академия. – 2009. – № 4. – С. 154–159.
5. Ефименко И. П. Компетентностный подход как необходимое условие подготовки будущих специалистов в системе непрерывного образования // Компетентностный подход в системе непрерывного художественного образования: теория, практика и перспективы: материалы областной науч.-практ. конференции (8–9 ноября 2007 г.). – Омск: ГОУ «РИЦ», 2007. – Ч. 2. – 80 с.
6. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения: опыт теоретических и экспериментальных психологических исследований. – М., 1986. – 240 с.

7. Компетентностный подход в педагогическом образовании: монография / под ред. В. А. Козырева, П. Ф. Радионовой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 392 с.
8. Мейерхольд В. Э. Статьи, письма, речи, беседы. – М.: Искусство, 1968. – Ч. 1: 1891–1917. – С. 256.
9. Немирович-Данченко В. И. Театральное наследие. – М.: Искусство, 1952. – 1080 с.
10. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990.
11. Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве: в 8 т. – М.: Искусство, 1954. – Т. 1. – С. 264.
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Режиссура театрализованных представлений и праздников» (степень «бакалавр»). – М., 2009.
13. Шароев И. Г. Режиссура эстрады и массовых представлений: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1986. – 463 с.
14. Шевцова А. М. Музыкально-постановочные компетенции режиссеров театрализованных представлений и праздников [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал Учреждения Российской Академии образования «Институт художественного образования». – № 3. – 2010. – Режим доступа: <http://www.art-education.ru/AE-magazine/> (дата обращения: 12.03.2011).
15. Щербакова И. В. Формирование профессиональной компетентности будущего педагога-исследователя в вузе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ftip.nspu.net/joo/index.php?option=com_content&view=article&id=242:2010-05-04-04-35-28&catid=27:2007&Itemid=53 (дата обращения 12.03.2011).

Т. Л. Голещикина

ЭТНОПЕДАГОГИКА ПРАЗДНИКА В СФЕРЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время, помимо экономических трудностей, Россия переживает острый духовный кризис, одним из проявлений которого стал вопрос воспитания подрастающего поколения в традициях национальной культуры. Печальный опыт прошлых десятилетий показал, что забвение лучших народных традиций, отрыв от выработанных народом в течение многих веков лучших духовно-нравственных ценностей и идеалов ведет к системному кризису всех сфер общественной жизни: политики, экономики, образования, культуры и др.

Воспитывающая роль искусства в духовно-нравственном становлении юной личности может быть еще более социально ценной, если глубоко осмыслить и практически использовать все его разносторонние возможности.

Отдавая должное классическому искусству и его влиянию на формирование личности, мы, тем не менее, считаем, что основой при формировании эстетического сознания подрастающего поколения, начиная с самого раннего возраста, должны стать художественные ценности традиционной культуры каждого народа, формируемые в процессе народной педагогики. Волков Г. Н. определяет этнопедагогику «в общем и целом как историю и теорию народного (естественного, обыденного, неформального, нешкольного, традиционного) воспитания. Этнопедагогика – наука об эмпирическом опыте этнических групп в воспитании и образовании детей, о морально-этических и эстетических воззрениях на исконные ценности семьи, рода, племени, народности, нации. Этнопедагогика объясняет народную педагогику и предлагает пути ее использования в современных условиях, собирает и исследует опыт этнических групп, основанный на многовековом, естественно развивающемся соединении народных традиций. Предметная область этнопедагогики не остается неизменной: задачи формируются и уточняются в зависимости от изменений социального заказа, связанного с движением общественного самосознания» [3, с. 4].

Народную педагогику можно определить как всеобщую педагогику, а не только как педагогику профессионалов. «Народная педагогика, представляющая собой пансофию воспитания, с ее поклонением матери, с культом ребенка, с верой во всемогущество отца, представляет собой своего рода педагогическую религию. Да и родительский дом – это своего рода храм семейной духовности, в котором домашний очаг – алтарь, дети – ангелы, мать – богородица, отец – «патриарх вся семьи» [3, с. 6].

Однако в современной педагогической практике бытует представление о народной педагогике как об устаревшем явлении, суеверии. В этнопедагогике находит подтверждение мысль французского ученого А. Леруа-Гурана: «Народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам». Более того, праздники, приметы, гадания и другие элементы народной педагогики относятся к наиболее эффективным средствам интенсификации духовной жизни личности. И могут быть в той или иной степени востребованы современной педагогикой. Актуально также изу-

чение педагогической сущности новых обычаев и обрядов. Современные обычаи и их преемственная связь с традиционными, взаимодействие старых форм и нового содержания традиционных народных праздников – эти проблемы не могут не интересовать этнопедагогику [1, с. 6].

Истоки многих современных положений о воспитании подрастающего поколения на основах народной культуры уходят в далекое прошлое, в тот период, который относится к принятию христианства на Руси. В процессе многовекового развития архаического общества на основе мифологического сознания, обрядов сложилась целая система средств педагогического воздействия на ребенка, которая пронизывала все стороны жизни человека – религиозную, бытовую, трудовую, досуговую.

В родовом коллективном опыте формировались начала этнопедагогике. Каждое новое поколение обогащало опыт норм поведения и передавало его последующим поколениям. Бережное хранение традиций подчеркивало их ценность, правильность и целесообразность.

С давних времен человеческая культура проявляется в трех направлениях: отношение к природе, отношения между людьми, отношение человека к самому себе. Все эти направления заложены в принципах народной педагогики, которая подходит к духовно-нравственному воспитанию детей с позиции Добра, Знаний, Красоты. Мудрость народного воспитания как исторически проверенного опыта подтверждается почти одинаковыми требованиями у всех этносов. Эта система общечеловеческих ценностей проверена веками. Сложная структура современной педагогики, наряду с использованием различных форм и методов воспитания и обучения, должна иметь тесную связь с традициями народной педагогики.

В последние годы постепенно возвращаются из прошлого праздники народного календаря, старинные обряды, народные игры. В них исторически заложена информация о представлении нашими предками окружающего мира, умения жить в гармонии с природой, ценности понятий: «домашний очаг», «семья», «мать и материнство», «труд на родной земле» [2, с. 13].

Остается дискуссионным вопрос о распространенном сегодня в этнохудожественном образовании методе погружения детей в архаичные формы народной жизни, «проживания» старинных народных праздников и обрядов, основанных на языческой картине мира. Нужны ли они вообще? Если нужны, каковым должно быть их содержание и глубина изуче-

ния. Кроме того, нельзя забывать, что городская культура выработала свои формы общения, где крестьянские обычаи и обряды не всегда уместны и понятны. Поэтому, важно учитывать региональные особенности культурных традиций, возможность использования их содержания в целостной образовательно-воспитательной системе.

В отличие от тех лет, когда программы воспитания и образования были излишне политизированы, современные программы приобретают иное направление. Авторы таких разработок обращаются к народным истокам, обрядам, традициям, обычаям, которые долгое время были в забвении. Но, к большому сожалению, эти изменения видны лишь в содержании программ учреждений дополнительного образования.

В устном народном творчестве (заклички, потешки, поговорки, считалки и т. д.) как нигде сохранились особенные черты русского характера, присущие ему нравственные ценности: представления о добре, красоте, правде, храбрости, трудолюбию, верности. В русском фольклоре каким-то особенным образом сочетаются слово, музыкальный ритм, напевность.

Пожалуй, ни один другой народ не имел таких богатых игровых и певческих традиций, как русский. На деревенских околицах можно было слышать девичье пение, а на проезжих дорогах – протяжную песнь ямщиков. Во время страды молодые и старые, сгребая сено на скошенном лугу, пели, облегчая тем самым себе труд незамысловатыми мелодиями. Приезжающих в Россию иностранцев приводят в изумление традиционные русские праздники, ведь игры, пляски, хороводы испокон веков были излюбленным развлечением молодежи.

Праздник – неотъемлемый элемент культуры народа. Их социальная значимость не только в том, что это дни отдыха, но и итог какого-то периода, цикла, этапа жизнедеятельности людей. Праздники несут большую эмоциональность и воспитательную нагрузку, обеспечивая передачу традиций из поколения в поколение, сближение и единение людей на основе их духовных, эстетических и творческих интересов, определяют моральный и нравственный настрой. По словам В. Даля, праздновать – значит «проживать такой день торжественно, с житейскими обрядами во славу или память события» [4].

На современном этапе, решая задачи воспитания подрастающего поколения средствами традиционной культуры, необходимо обращаться

к народной музыке, как к одной из составляющих народного творчества. Народное музыкальное творчество является прекрасной основой для образования и воспитания, благодаря своей высокой содержательности и отсутствию второстепенных, малозначительных элементов.

Начиная с самого раннего возраста, когда еще только начинают формироваться мышление и речь, развиваются и творческие способности, заложенные самой природой. Использование фольклорного материала позволяет сделать учебно-воспитательный процесс развивающим. Кроме того, занятия музыкальным фольклором вовлекают детей в живое общение, вызывают состояние эмоционального подъема, снимают барьер неуверенности.

Так же использование фольклорного материала в музыкальном воспитании неизбежно приводит к поиску новых форм и методов работы с детьми, где ребенок является не просто объектом воспитания, а становится участником творческого процесса, что в свою очередь активизирует развитие у него, прежде всего, музыкально-творческих способностей. Так при подготовке того или иного народного праздника дети разучивают музыкальный материал, соответствующий теме, являются участниками в качестве персонажей и т. д. А какие народные гуляния без игры?

Игра в детском возрасте является основным видом деятельности, несет в себе различные функциональные нагрузки:

- организационно-деятельную;
- познавательную;
- физического развития;
- импровизационно-творческую.

Богатство и разнообразие музыкального фольклора позволяют включать его в процесс обучения и развития детей любого возраста и в разных детских учреждениях (детские сады, студии эстетического развития, музыкальные школы и т. д.).

Рассматривая педагогический опыт многих преподавателей дополнительного образования г. Томска, хотелось бы отметить работу нескольких из них.

Детский сад № 68

(Музыкальный руководитель Ирина Станиславовна Разина)

В данном детском саду музыкальный руководитель взяла за основу обучения программу музыкального воспитания детей дошкольного воз-

раста «Ладушки» (авт. И. Каплунова, И. Новосельцева), которая предназначена для музыкальных руководителей детских дошкольных учреждений.

Программа «Ладушки» подразумевает целостный подход в решении педагогических задач, всестороннее музыкальное воспитание и образование без углубления в какой-либо раздел.

Приобщение к народной культуре осуществляется через слушание и пение русских народных песен и попевок, разучивание народных игр и хороводов. Этот музыкальный материал используется в проведении некоторых (наиболее ярких) праздников народного календаря.

Музыкальное воспитание осуществляется на музыкальных занятиях, в самостоятельной игровой деятельности, которые проходят в комнате, оборудованной в стиле горницы, что позволяет ребятам погрузиться в народную традицию. Благодаря такому погружению, изучение народных традиций происходит более осмысленно, т. к. сама атмосфера влияет на осознание детьми всего происходящего. Дети, сами того не подозревая, постепенно, в игровой форме знакомятся с основными жанрами детского фольклора.

Фольклорный ансамбль «Веселинка» ДДТ «У Белого озера»

Ансамбль появился в городе одним из первых и существует уже более 20 лет. Бессменный художественный руководитель Н. А. Бойкова.

Фольклорный коллектив «Веселинка» видится его руководителю как центр духовного общения детей и их родителей на основе изучения народного творчества.

Основой программы, по которой занимается коллектив, является народный земледельческий календарь, что дает возможность детям в течение 3-х лет изучать и проживать обряды, праздники, обычаи. Осваивается соответствующий им устный и музыкальный материал, предназначенный для комплексного изучения фольклора детьми от 4 до 18 лет.

Новизна программы заложена в самом цикле народного календаря, в повторности и периодичности обрядовых песен, танцев, закличек, которые передаются из года в год, из поколения в поколение. Принцип «сквозного воспитания», взятый из жизни, естественным путем, помогает решать задачи не только музыкально-эстетического развития и воспитания, но и нравственного совершенствования личности: дети старшего возраста передают усвоенное малышам, заботятся о них.

Перечень дисциплин, входящих в программу:

1. Хоровой класс (певческое воспитание на материале русских народных песен).
2. Праздники и обряды народного календаря.
3. Народный костюм.
4. Народная хореография.

Муниципальное образовательное учреждение дополнительного образования детей Центр сибирского фольклора г. Томска

Педагогами разработана программа, рассчитанная на детей от 4 до 14 лет. Здесь педагоги знакомят детей с национальными традициями русского народа, его песенным прошлым.

Цель программы:

- Воспитание творчески активной, всесторонне развитой личности на опыте традиций многовековой традиционной культуры народов России.
- Обучение родному музыкальному языку, пению народных песен, игре на традиционных инструментах (ложки, балалайка, кугиклы, трещетки и т. д.).
- Введение в мир народной культуры средствами искусства обрядов, устного народного творчества через разнообразные формы деятельности.

Школа-студия проводит праздники народного календаря, как внутри Центра, так и за его пределами: участвует в проведении городских и областных мероприятий.

Сегодня повсеместно возрастает интерес к народному творчеству. Оно и понятно: в нем истоки наших характеров, взаимоотношений, исторические корни. Растеряв много ценного, люди, наконец, становятся мудрее и бережливее. Возрождаются из небытия многие русские традиции и обряды, растет интерес к народной культуре и быту. Хочется надеяться, что это не временное увлечение, не дань моде, а серьезное желание восстановить прерванную связь времен, что изучение народных традиций приобретет более системный характер и наладится связь между всеми видами образовательных учреждений (возможность создания единой сквозной программы внедрения народных традиций).

Литература

1. Аникин В. П. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 2004. – 735 с.
2. Бакланова Т. И., Стрельцова Е. Ю. Народная художественная культура: учебник. – М., 2002. – 456 с.
3. Волков Г. Н. Этнопедагогика: учебник для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 168 с.
4. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/letter.php?charkod=207>.

А. В. Василенко

ПЕДАГОГИКА РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ ДОСУГА

Современная система образования и воспитания включает в себя целую систему дошкольных, школьных, внешкольных, среднеспециальных и высших учебных заведений. Воспитание и образование как целостные и взаимодополняемые процессы включают в себе функции, формирующие личность через передачу культурного наследия и ценностей.

При этом не культура является частью образования и воспитания, а именно образование и воспитание являются той частью культуры, которая ответственна за передачу значимых для народа ценностей, передающихся из поколения в поколение.

В настоящее время в научной литературе отмечается глубокий и деятельный интерес к традиционному наследию, освоению фундаментальных ценностей народной культуры. Традиционной культуре разных народов посвящаются многочисленные публикации и семинары. Обнадеживает растущее понимание серьезного изучения фольклора с включением его в программы образовательного цикла, созданием школ народной культуры, студий, классов, работающих по специальным фольклорно-этнографическим программам. На смену унифицированной школе, некогда единой для всей безбрежной, разноликой и разноязыкой российской земли, пришла возможность свободного выбора и региональной ориентации в образовании и воспитании. Исследователи, ученые, занимающиеся проблемой традиционной этнической культуры, за-

мечают, что нужно обратить внимание органов системы образования, прежде всего школьного, на необходимость введения в школьные программы специальных курсов, знакомящих учащихся с традиционным опытом народа, спецификой культурных традиций [3, с. 12]. Какова эта специфика, что особо значимого может дать введение фольклорных традиций в современную образовательную и воспитательную систему? Как правильно использовать народную мудрость и народные знания в современной системе образования и воспитания? Эти вопросы на сегодняшний день очень актуальны. Общество, в целом, ждет от систем образования и воспитания решения проблем занятости, профилактики негативных социальных явлений, воспитания духовности, привития устойчивого интереса к культуре и искусству. Но в школах, в большинстве случаев происходит «натаскивание» детей на выполнение чисто технологических задач, ломается детская психика, развиваются комплексы неполноценности у детей, не имеющих ярко выраженных способностей. Выпускники средних учебных заведений зачастую беспомощны в работе с детьми, не владеют методиками обучения. В связи с этим нарушаются главные целеустановки образования и воспитания, которые должны компетентно давать ответ на вопросы «чему учить ребенка» и «как учить».

Таким образом, сегодня назрела необходимость разработки таких методик, при помощи которых процесс обучения стал бы наиболее рациональным, интересным, обеспечивал сохранение здоровья учащихся, развивал устойчивый интерес к культуре и искусству.

Одной из главнейших проблем образования и воспитания является то, что, мы отрываем ребенка от его традиционных корней. Не дав ему хорошо изучить свою культуру, свои традиции, впитать их в себя, мы тут же погружаем в другую культурную среду. Для несформировавшейся личности это крах: погружение в мир чужих идеалов грозит потерей собственных культурных традиций и самосознания, и как следствие, ведет к разрушению духовного мира человека, его внутренней гармонии и целостности.

Специфика же фольклора как раз в том, что ребенок, формируясь в единой среде, успевал получить тот заряд позитивных и нравственных установок, которые позволяли противостоять многим жизненным трудностям и легко из них выходить. В традиционной культуре человек фор-

мировался, получал образование и воспитание в замкнутой пространственно-временной среде, где внешние влияния ограничены [5, с. 36].

О характере народного воспитания интересное наблюдение сделано Антоном Семеновичем Макаренко. По его мнению, воспитание «как будто между делом, как будто в боковых параллельных процессах», к которым относятся и трудовая деятельность народа, и обряды, и развлечения во всех многообразных формах и различных проявлениях.

Педагогические знания до возникновения письменности редко выступали обособленно от других знаний народа. Они являлись частью совокупных знаний о природе и обществе, входили в состав общего комплекса сведений трудящихся о жизни и окружающей действительности, выступали, как выражался Макаренко, сплошь и рядом в незаметных и неощутимых выражениях.

Воспитывают не только люди, но и посредством людей вся окружающая действительность, включая вещи, предметы. Это положение Макаренко подтверждается народной педагогикой, в которой все окружающее, начиная от солнца и сердца человеческого и заканчивая песчинкой и каплей росы, подчинено задачам воспитания детей. Воспитание и обучение в народной педагогике строится на принципе преемственности.

Преемственность – условие непрерывного развития. Одновременно сама перманентность в развитии есть конкретное проявление преемственной связи будущего с прошлым через настоящее. Определенный порядок, определенная последовательность перехода от одного к другому, от предшественника к преемнику, разумеется, не предполагает примитивную прямолинейность. Преемственность в развитии не исключает ни равномерного поступательного движения от низших форм к высшим, ни скачков, ни цикличности и повторяемости [1].

Преемственность поколений обеспечивается воспитанием, которое выступает как фактор социального развития личности и духовного прогресса народа.

Преемственность в воспитании, являясь одной из главных сторон преемственности поколений, предполагает единообразие в подходе к детям среди самих воспитателей, согласованность между домашним и общественным воспитанием, педагогический оптимизм – опору на достигнутые результаты в воспитании для преодоления отдельных отрица-

тельных черт поведения воспитанников, обеспечение правильного соотношения между целями воспитания.

Преемственность реализуется во времени и пространстве. Физическая преемственность обеспечивается природой – наследственностью, генотипом, материально-экономическая – наследованием, духовная – воспитанием. Природа, социальные условия, педагогические факторы взаимодействуют друг с другом, препятствуя или содействуя преемственности. Воспитание усиливает преемственность там, где она может существовать и без него. Порою даже стихийный воспитательный процесс, ничем не подкрепляемый и функционирующий лишь в сфере подражания, обеспечивает преемственность. Жест, мимика, манеры родителей воспроизводятся детьми, неосознанно и подспудно влияют на формирование характера, стиль поведения. Преемственность и в области трудовых интересов иногда может вырасти из простого любопытства и порождаемого им подражания. То же самое возможно в сфере народного искусства [1].

В обучении музыкальному фольклору принцип диалектического единства индивидуального и коллективного является основополагающим. Поэтому развитие индивидуальных черт личности и ее способностей должно быть сопряжено с коллективными формами исполнения.

Надо особо отметить, что отточенные временем педагогические воздействия на детей реализовывались в доброй и полнокровной атмосфере признания прав на любовь, уважение, заботу со стороны взрослых с одновременным предоставлением детям возможностей для проявления самостоятельности, активности, инициативы, предприимчивости [4, с. 78]. В народной педагогике мы сталкиваемся не с известным представлением о всестороннем развитии личности, а с православным пониманием личности как иерархически организованной структуры: телесное (физическое воспитание), душевное (организация радостного сотрудничества) и духовное (стремление к идеалу совершенного человека). Об этом свидетельствуют, например, многочисленные пестушки, потешки, игры-забавы с маленькими детьми («Сорока», «Ладушки», «Коза»). С другой стороны к ребенку относятся как к активному участнику совместной деятельности. Появляется это в стимулировании посредством всевозможных побудительных методов и приемов. К их числу относится, например, прием имизации – включение конкретного детского имени

в естественные формы жизнедеятельности ребенка: «Баю Оленьку (Танюшку, Катеньку...) мою», тем самым исподволь выделяя его «Я». Другой прием, реализуемый во многих педагогических средствах, – диалектика выбора, возможность различных вариантов поведения (сказочный герой на распутье трех дорог), это дает импульс к самодвижению собственных сил ребенка, означает попытку самоутверждения.

Ведущим мотивом народного воспитания и образования в традиционной культуре является радостное восприятие жизни, формирование осознанного чувства надежности бытия. Он представлен несколькими мнениями:

- постепенно и естественно ребенок постигает противоречивое взаимодействие добра и зла, счастья и беды, жизни и смерти. Этому обучают произведения народного творчества, выступающие не только средствами развлечения и отдыха (игры, песни, хороводы), но и памятниками горя и печали (плачи, обряды поминовения усопших, страшные места в сказочных фабулах). Народная педагогика учит достойно переносить тяготы жизни («Перестань о том тужить, чему нельзя пособить!»), настойчиво стремиться к хорошей жизни («Отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая!»), чувствовать сладость жизни после преодоления ее горьких моментов («не видав горя, не узнаешь и радости»);

- «школа юмора», которую проходит ребенок, осваивая игры-шутки, дразнилки, небылицы-перевертыши, скороговорки, незаметно убеждают его в том, что веселый неунывающий человек, способный с улыбкой преодолевать трудности и с юмором выходить из конфликтных положений, любим в народе. Справедливый смех, исключая глумление, а также умение посмеяться над самим собой воспитывает способность радоваться, формирует оптимистическое отношение к жизни, многогранной и неоднозначной в своих проявлениях;

- даже в трагические моменты жизни ребенок чувствует себя защищенным, он подспудно убеждается, что не останется один на один со своей бедой. В жанрах плачей и причитаний был заключен «педагогический оптимизм» [1], главным их мотивом была забота о живых, о подрастающем поколении.

Народная педагогика эмпирически подметила особое психическое состояние детства – слитность чувства и разума ребенка – и максимально

использовала его для стимулирования мысли ребенка, сознательно направляемой на освоение окружающего мира и себя самого.

Таким образом, фольклор несет в себе огромный потенциал воспитательных, обучающих и развивающих возможностей. Воздействие фольклора на развитие личности имеет теоретическое и практическое значение как в плане достижения самоидентичности, личностного роста самопознания и духовности, так и для реализации эвристических целей научного поиска в век информационных технологий и средств массовой информации, кризиса общественных систем. Именно традиционные культуры выработали универсальные образы, символы, идеи, способные выразить целостность мира. Эти универсалии тысячелетиями накапливали, наслаивали в себе разные смыслы и способность разворачивать и развивать их дальше.

Сегодня социокультурный опыт человечества передается и закрепляется через знаковые символы – литературу, научные тексты, графики, схемы. Принципиальным же отличием фольклора является «изустный», практически ситуативный способ трансляции. В строгом смысле слова нотированные, записанные произведения фольклора уже относятся к области литературы или музыки, т. к. теряют важнейшую специфическую черту этого феномена – его изменимость, вариативность. Тем не менее, если даже нотированная (фиксированная) формула усваивается творчески, воспроизводится, а затем обретает бытование, передается из уст в уста, то происходит своеобразная «рефольклоризация» олитературенных фольклорных произведений [2, с. 13].

В настоящее время фольклорные коллективы при выборе репертуара опираются часто именно на записанные уже фольклорные источники. На этого недостаточно. Здесь важно отметить и еще одну специфическую черту фольклора: в фольклоре нет четкого разделения на «исполнителя» и «слушателя», поскольку контекст коллективного воссоздания формулы предполагает совместное творчество. Поэтому, вводя фольклор в программы общеобразовательных школ, школ искусств и др. учебных заведений нужно учитывать, что фольклор – это активная среда, в которой взаимодействуют различные социальные группы.

Таким образом, к решению проблемы специфики фольклора в сфере досуга нужно подходить комплексно. Сюда входит формирование активной среды, в которой молодое поколение перенимает опыт; подготов-

ка специалистов в области фольклора; сбор, систематизация, изучение и осмысление этнографических и фольклорных источников по традиционному образованию и воспитанию.

Только так возможно в современной жизни создать оптимальную систему передачи трудовых, эстетических, нравственных, интеллектуальных ценностей, знаний, умений, навыков. Только тогда образовательная и воспитательная система, понимаемая не узковедомственно, а широко как целая система учебных заведений, станет действительно выполнять свои прямые функции – передавать культурное наследие от поколения к поколению.

Литература

1. Волков Г. Н. Этнопедагогика: учебник для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 1999. – 168 с.
2. Зыкова М. Н. Фольклоротерапия. – М.; Воронеж: НПО «Модэк», 2004. – 156 с.
3. Лабзенко Н. М. Этнокультурное образование: проблемы, региональный опыт, решение // Народное творчество. – М., 1996. – С. 12–13.
4. Лунина Г. В. Народные традиции жизнерадостности (народная педагогика) // Народное образование. – М., 1999. – № 9–10. – С. 75–78.
5. Марченко Ю. Г. Русская музыкальная культура: проблемы и пути возрождения. – Новосибирск: НГК (Академия), 2006. – 44 с.

О. А. Филиппова

КУЛЬТУРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Принято считать, и это вполне правомерно, что сфера образования, обладая возможностью спланированного воздействия на процесс формирования жизненных ориентиров и ценностей молодежи, является непосредственной и самой работоспособной сферой, определяющей будущее. Именно в системе образования происходит формирование основополагающих жизненных установок, что работает непосредственно на будущее, предопределяя личностные качества каждого человека, его знания, умения, навыки, мировоззренческие и поведенческие приоритеты, а, сле-

довательно, в конечном итоге, – экономический, нравственный, духовный потенциал общества в целом. «Общество – сложный развивающийся социальный организм, элементы которого характеризуются различными по уровню устойчивости связями. <...>Каждый индивид становится гражданином в процессе социализации, необходимой стороной которого является инкультурация, т. е. овладение содержанием культуры» [1, с. 14], которая формирует духовный мир человека, являясь процессом, охватывающим «создание, хранение, распределение и освоение духовных ценностей, норм, знаний, значений и представлений» [2, с. 79], имеющим тесную связь с образованием.

Образование и общество неотделимы. Это единая система. Любые сколько-нибудь глобальные проблемы, с которыми сталкивается общество, социум, цивилизация в целом, неизбежно сказываются и на состоянии сферы образования. И именно сфера образования, откликаясь на эти актуальные проблемы, способна оказывать свое существенное влияние на развитие тех или иных тенденций в обществе, стимулировать или, напротив, тормозить их развитие. Будучи сферой, включенной в различные системы и отношения, образование является поликультурным пространством. В этой связи, чрезвычайно важными представляются идеи и ценности, заложенные в содержание образования. Ведь именно от них зависит способность и возможность бесконфликтного существования любого общества, возможность его интеграции в мировое сообщество.

Вполне естественно, что содержание образования детерминировано целым комплексом проблем, выходящим далеко за рамки собственно образовательной тематики. Эти проблемы (прежде всего, социально-экономического характера) имеют непосредственное отношение к сфере образования. В этой связи чрезвычайно важным представляется вопрос своевременной коррекции приоритетов и ценностей содержания образования с учетом не только актуальных, но и перспективных, долговременных запросов человека и общества. Учитывая этот факт, наиболее значимым в содержательном плане учебных программ представляется формирование таких основополагающих жизненных установок, как чувство принадлежности к своему народу, знание, любовь и уважение истории и традиций своего народа; чувство принадлежности к многонациональному российскому обществу, патриотизм, исключаящий нацио-

нальное тщеславие и этническое превосходство; чувство принадлежности к мировому сообществу.

Двадцатый век принес обществу не только выдающиеся достижения в науке и технике, но и глобальные, катастрофические по своим разрушительным последствиям катаклизмы, межнациональные и религиозные распри, расовую ненависть, глубокие, трудно поправимые деформации нравственных идеалов и ценностей. Бурные социальные процессы, происходящие в мире, характеризуются ростом агрессии и нетерпимости в обществе и делают необходимым изучение проблемы толерантности как основного принципа взаимоотношений людей. Идея воспитания толерантности становится актуальной проблемой современности. Россия, как и любое полиэтничное, поликультурное государство, должна иметь в качестве одной из приоритетных целей формирование у своих граждан толерантного сознания, навыков и умений межкультурной коммуникации. Именно сфера образования, обладая реальными возможностями влияния на духовные и нравственные приоритеты личности, на культурное пространство общества в целом, в состоянии переломить катастрофически нарастающие негативные тенденции в духовной сфере человечества.

Образование и культура являются двумя единственными сторонами процесса становления личности.

Рассматривая образование и культуру как «генетически единые «стороны» процесса становления и развития человеческой социальности» [3, с. 33], В. Н. Леонтьева рассматривает образовательные учреждения как «центры культуры, культуротворчества», «объективирующие человеческую способность создавать культурные формы и ответственно наполнять их определенными культурными смыслами» [3, с. 33].

Подчеркивая нетождественность понятий «человек культуры» и «культурный человек», В. Н. Леонтьева в первом случае имеет в виду достаточно высокую степень освоенности индивидом достижений своей культуры. Во втором случае – это умение и осознание необходимости организовать индивидуальную жизнь в соответствии с нравственными ценностями, на основе взаимопонимания, сотрудничества, диалога. Наиболее ярко это умение проявляется в профессиональной деятельности в процессах межличностного общения в духе гуманистических традиций и идей.

Решение новых задач, возникших в современном обществе, требует новых подходов к организации образовательного процесса, которая должна быть направлена на повышение качества подготовки специалистов. Сегодня становится все более очевидным, что задача формирования в процессе образования традиционных знаний, умений и навыков оказывается недостаточной, ограниченной.

«Распространенное в педагогике представление об образовании как наполнении кого-то педагогически переработанным социальным опытом, как приспособлении его к существующему социуму, существующим порядкам подвергается сегодня сомнению и разносторонней критике» [4, с. 18]. «Связано это в первую очередь с изменением идеала образования, с осознанием нетождественности социального опыта и культуры, которая не есть то, что ждет своего усвоения и использования. Кроме того, ориентация в образовании не на культуру, а на социальный опыт, включенный в педагогический процесс, сама этот опыт обесценивает» [4, с. 19].

«Функции образования также не могут быть сведены и к примитивно понимаемому воспитанию, направленному на встраивание в некую умозрительную модель идеализированной личности конъюнктурно-модного для данного этапа развития социума, определенной идеологической доктрины или, тем более, переходящей политической ситуации стандартного набора формируемых личностно-общественных добродетелей» [5, с. 38].

Профессиональная сфера востребует толерантного специалиста. Важнейшим требованием к профессионалу в современных социально-экономических условиях являются способность и внутренняя готовность к пониманию и сотрудничеству, терпимому отношению к многообразию социокультурных моделей, критическому осмыслению суждения, основанному на моральных ценностях, социальной адаптации. Формирование у будущих специалистов – студентов вуза – установок толерантного сознания позволит разрешать конфликты на почве этнокультурных и социальных различий через понимание и принятие другого, другой точки зрения, предполагает отказ от профессионального догматизма, способность субъекта к саморазвитию.

Сфера образования обладает огромным толерантно-формирующим потенциалом, является наиболее эффективной средой для формирования

толерантных качеств личности. Это связано с тем, что сфера образования напрямую обращается к детям, молодежи, которые являются наиболее чувствительными к восприятию не только знаний, но и мировоззренческих и поведенческих приоритетов в отношении к миру. А каждое новое поколение с точки зрения своих духовных, нравственных, культурных приобретений представляет из себя продукт системы образования.

Образование, являясь широким социокультурным, социально-экономическим и собственно педагогическим явлением, в условиях поликультурности, полиэтничности, полиментальности и многоязычия России не может не приобретать характер поликультурного образования.

Образование – это сфера приложения самых разных наук, каждая из которых рассматривает образовательные проблемы в своем специфическом ракурсе. Проблема формирования толерантного сознания имеет явно выраженный междисциплинарный характер и требует осуществления междисциплинарного синтеза, результатом которого и будет порождение «человека культуры».

Многообразие культур, менталитетов и ценностей, входящих в современную цивилизацию, превращает проблему толерантности из социокультурной в антропологическую. С одной стороны, «разнородность» социального пространства делает невозможным формирование некоего стандарта толерантности. С другой – толерантность – это следствие естественной, присущей всему живому способности адаптироваться к окружающей среде, способ взаимодействия, который по-разному воспроизводится в разных культурах. Таким образом, толерантность следует рассматривать как комплексный феномен, некий поведенческий ориентир, определяющий отношение человека как к себе, так и к окружающему миру.

Асташова Н. А. рассматривает следующие уровни проявления толерантности:

1. Толерантность как принцип.

«Этот вариант связан с переводом толерантности в статус руководящей идеи, основного положения, внутреннего убеждения, определяющего деятельность человека. Довольно часто идеи, находящиеся на уровне принципа, обеспечивают согласие в социальных группах» [6, с. 77].

2. Толерантность как норма.

Этот уровень «...позволяет усилить упорядоченность социальных взаимодействий, точно обрисовать выполнение выработанных человечеством правил. На этом уровне толерантность отражает позицию личности в данной ситуации, ориентированную на конкретные образцы поведения, обобщенные принципы деятельности» [6, с. 77].

3. Толерантность как идеал.

Это самый высокий уровень проявления толерантности личности. «Толерантность, отмеченная идеальным проявлением, отражает совершенный образец. Это главный критерий в решении практически любых вопросов, это самый действенный стимул поведения и деятельности личности» [6, с. 77].

Важнейшими характеристиками толерантной личности, отражающими психолого-этические аспекты человеческих отношений, являются:

- гуманность, предполагающая человечность межличностных отношений, веру в доброе начало каждого человека, отказ от методов принуждения, форм унижения человеческого достоинства;

- рефлексивность – знание и осознание личностных особенностей, достоинств и недостатков;

- социальная активность – готовность к взаимодействию в различных социальных и межэтнических ситуациях, выстраивание конструктивных отношений в обществе;

- свобода, выражающаяся в дисциплине и чувстве долга, не приемлющая насильственных предписаний и запретов;

- дивергентность поведения – способность находить нестандартные способы решения проблем, ориентация на поиск нескольких вариантов решения;

- ответственность – проявление внутренней силы в ситуациях принятия решения;

- защищенность – ощущение понимания, поддержки, безопасности;

- гибкость – способность принимать решения и выстраивать систему отношений на основе владения полной информацией, способность к быстрой смене стратегии или тактики с учетом складывающихся обстоятельств;

- уверенность в себе – адекватная оценка собственных сил и возможностей, вера в возможность преодолеть возникшие препятствия;

- самообладание – владение собой, управление эмоциями, поступками;

- вариативность – многомерный подход к оценке сложившейся ситуации и принятие решений адекватных сложившимся обстоятельствам;

- перцепция – умения проникать во внутренний мир людей, выделять их свойства;

- эмпатия – адекватное представление о том, что происходит во внутреннем мире другого человека, умение сопереживать проблемам других людей, эмоциональная оценка событий;

- устойчивость личности – наличие сформированной системы социально-нравственных мотивов поведения личности в процессе взаимодействия с представителями иных этнических и социальных общностей;

- чувство юмора – ироническое отношение к несуразным обстоятельствам, умение посмеяться над собой.

В структуре толерантности как психосоциальной характеристики личности Н. А. Асташова выделяет три подсистемы, находящиеся во взаимосвязи и взаимозависимости: когнитивная, эмоциональная и деятельностная. При этом они характеризуются, как:

1. Когнитивная – знания человека (понятие о толерантности, процессах, характеризующихся толерантной направленностью);

2. Эмоциональная – относительно устойчивые чувства человека к объектам, которые выражаются в эмоциональной оценке (эмоционально-ценностные отношения к людям, чужому мнению, этническим вопросам);

3. Деятельностная – предрасположенность к тому или иному типу социального поведения, основой которого является понимание, сотрудничество; общая направленность деятельности человека относительно объектов и явлений социальной значимости.

Когнитивный компонент, являясь своеобразным информационным источником, характеризует особенности личности, ее взаимоотношения. «Из когнитивного компонента извлекаются необходимые сведения, связанные с возникшей ситуацией. Как правило, ситуация вызывает определенные эмоции, связанные с ведущими интересами личности. Возникает когнитивно-эмоциональное образование, т. е. своего рода эмоционально окрашенные знания, необходимые для формирования поведенческой готовности, а на более сложном уровне и поведенческих программ» [6, с. 79].

Эмоциональное состояние человека, находящее свое выражение в таких установках, как желание, стремление, представляет собой действенный механизм регулирования деятельности. Этот механизм характеризуется такими понятиями, как эмоциональная реакция, эмоциональное состояние, эмоциональное отношение. В приведенном ряду понятий, обозначающих разные уровни отражения действительности в форме переживания, Н. А. Асташова выделяет эмоциональное отношение как наиболее содержательное. «Эмоциональные отношения на уровне эмпатии выражаются в сопереживании другим людям, постижении их эмоционального состояния, вчувствовании в их духовный мир. Очевидно, что эмпатия позволяет личности выстроить деятельность с учетом эмоциональных особенностей других, их интеллектуальных процессов и ожидаемых реакций в конкретной ситуации. В результате вовлеченности в эмоциональные отношения у личности возникает аттракция, проявляющаяся в разнообразной гамме чувств – от неприязни до любви [6, с. 79–80].

Особое значение деятельностного компонента толерантности объясняет тот факт, что лишь в границах деятельности определенного субъекта действительные и воображаемые реальности выстраиваются в смысловой ряд, «...в жизненную концепцию, запечатлевающую неповторимость судьбы субъекта» [6, с. 80].

Данные суждения позволяют сделать вывод, что толерантность является достаточно сложным явлением. Развитие толерантного сознания личности «требует специальной подготовки, массива стимульного материала, создания соответствующей атмосферы поиска личностных смыслов на положительном эмоциональном фоне образования» [6, с. 80].

В этой связи, в качестве наиболее точно ориентированных на развитие толерантности педагогических технологий, поддерживая автора [6], можно выделить:

1. Личностно-ориентированные;
2. Имеющие диалогическое основание;
3. Рефлексивные.

К технологиям такого рода относится диалог. Диалог является универсальным принципом бытия, одним из ведущих компонентов современной гуманистической парадигмы, способом познания себя и окружающей действительности в условиях субъектно-смыслового обще-

ния. Именно в рамках диалога передается разнообразная информация не только по существу диалога, но и о самих его участниках, их внутреннем мире, уровне сформированности коммуникативной и диалоговой культуры. Именно этой технологии общения свойственен поиск личностных смыслов. Такое понимание диалога является отправной точкой в преодолении монологической направленности культуры и соответственно является основой развития толерантности личности. Генезис «диалоговой культуры» определяется переходом от субъект-объектных отношений к отношениям субъект-субъектным. Однако помимо двунаправленности отношений участников общения, «диалоговая культура» характеризуется специфичностью содержания взаимодействия участников общения.

Специфика субъект-субъектного взаимодействия заключается в способности участников общения вызвать друг в друге внутреннее осознание происходящего, что, в свою очередь, и обеспечивает становление или коррекцию постоянного самосовершенствования личности.

Факторами, реализующими ценностно-диалоговый способ общения, называется персонализм, характеризующийся личностной направленностью и цельностью, определяемую как гармония мыслью, чувством и поступком [6].

Асташова Н. А. выделяет несколько типов диалогов, которые позволяют особым образом представлять толерантность как ценность, как качество личности:

- духовный диалог – возможности данного типа диалога реализуются в плоскости нравственного поля; он характеризуется глубоким пониманием сущности проблемы, высоким уровнем культуры взаимодействия;

- смыслотворческий диалог – характеризуется активным включением его участников в поиск смыслов, в процесс определения системы индивидуальных ценностных ориентаций и личностных качеств;

- рефлексивный диалог – характеризуется возможностью оценки собственного потенциала и определения линии обратной связи;

- мотивационный диалог – характеризуется наличием интереса к проблеме, а возможно и к самой диалоговой технологии;

- самореализующий диалог – целью данного типа диалога является утверждение личности, полноценная самопрезентация и самовыражение [6].

Развитие межличностного диалога характеризуется целым рядом особенностей. Среди них выделяют такие, как: объективная проблем-

ность, субъективно переживаемая ситуация поиска смысла, отношения общности и взаимопонимания между участниками диалога, толерантное отношение к другому, незавершенность результата, стимулирующая мыслительную активность.

Таким образом, диалогическое взаимодействие является довольно сложным и многогранным явлением. Опыт диалогического взаимодействия приобретается человеком и имеет тенденцию к развитию, выражающуюся в трех последовательных этапах: сюжетно-познавательном, чувственно-аналитическом, личностно-рефлексивном.

Описанные особенности и возможности диалога как формы межличностного общения позволяют рассматривать его в качестве действенного средства воспитания и развития толерантности. Осмысление ценностно-толерантного феномена диалога позволяет предположить, что подобный способ организации педагогического процесса может рассматриваться в качестве основополагающего. Ценностно-диалоговое взаимодействие в рамках педагогического процесса предполагает, прежде всего, личностное взаимодействие преподавателя и студентов, т. к. «...основным, конституирующим процесс образования отношением, является отношение «преподаватель-студент», поскольку действительное образование – это всегда личностное отношение людей между людьми» [3, с. 39]. Происходящее в рамках этого взаимодействия рефлексивное освоение и преобразование общекультурных ценностей в ценности личностного плана выступает необходимым условием для вхождения обучаемых в ценностно-толерантные отношения.

Кроме диалога в сфере диалогического взаимодействия специфическое место, с точки зрения воспитания и развития толерантности, занимает дискуссия.

«Главная цель дискуссии – развитие коммуникативной и дискуссионной культуры в процессе поиска истины. Среди задач содержательного плана выделяются: осознание и осмысление проблем и противоречий; выявление имеющейся информации; творческая переработка знаний; развитие умений аргументировать и обосновывать свою точку зрения; включение знаний в новый контекст и т. п. Таким образом, умело организованная дискуссия является важнейшей методической формой развития толерантности» [6, с. 83].

Дискуссия, как форма диалогического общения, обладает огромным педагогическим потенциалом и имеет следующие возможности:

- стимулирование личной инициативы и продуктивного обмена мнениями участников;
- развитие рефлексивного мышления;
- поиск адекватно аргументации и различных способов выражения собственной точки зрения;
- многоплановое видение проблемы/явления;
- толерантность к новым идеям.

При этом Н. А. Асташова указывает на то, что успех дискуссии может быть обеспечен только при реализации следующего комплекса условий:

- достаточной зрелости и самостоятельности для обсуждения проблемы;
- сформированного умения аргументировать свою точку зрения;
- установленного контакта между участниками;
- поиска различных способов передачи информации;
- сопоставления различных интерпретаций сложных явлений;
- создания благоприятного психологического микроклимата;
- сочетания упорядоченного хода обсуждения проблемы/явления с отсутствием регламентации;
- поддержки свободного обмена мнениями.

Толерантность, как качество взаимодействия между субъектом и объектом, характеризуется готовностью субъекта принимать социокультурные отличия объекта, особенности его поведения в рамках универсальных прав и свобод личности. Это взаимодействие определяется исторической, социоэкономической и социокультурной спецификой. Щеколдина С. Д. выделяет ряд социальных показателей толерантности:

- возможность следовать своим традициям для всех культур, представленных в данном обществе;
- сохранение и развитие культурной самобытности и языков национальных меньшинств;
- взаимное уважение членов группы или общества, доброжелательность и терпимое отношение к различным группам (инвалидам, беженцам, гомосексуалистам и др.);
- равноправие (равный доступ к социальным благам, к управленческим, образовательным и экономическим возможностям для всех людей,

независимо от их пола, расы, национальности, религии, принадлежности к какой-либо другой группе);

- свобода вероисповедания при условии, что это не ущемляет права и возможности других членов общества;

- сотрудничество и солидарность в решении общих проблем;

- позитивная лексика в наиболее уязвимых сферах межэтнических, межрасовых отношений, в отношениях между полами;

- равные возможности для участия в политической жизни всех членов общества.

Перечисленные выше параметры, социально психологические качества толерантной личности, а также ориентированные на развитие толерантного сознания педагогические технологии должны применяться во всех социальных отношениях, и, прежде всего, в индивидуально-личностном развитии и обучении.

В процессе развития толерантного сознания студентов вуза особенно важным фактором представляется связь культурно-образовательной среды и компонентов толерантного сознания. Таким образом, можно предположить, что процесс образования, понимаемый как синтез культурной среды и ориентированных на развитие толерантного сознания педагогических технологий, может оказывать формирующее воздействие на толерантное сознание студентов вуза.

Литература

1. Ерасов Б. С. Социальная культурология. – М., 1996. – 591 с.
2. Слепокуров В. С. Культура как система соционормативного регулирования: монография. – М.: МГУКИ, 2003. – 209 с.
3. Леонтьева В. Н. Гуманистические перспективы образования // Высшее образование в России. – 1999. – № 4. – С. 33–38.
4. Сенько Ю. В. Гуманитарные основы педагогического образования. – М., 2000. – 234 с.
5. Гершунский Б. С. Философия образования. – М.: Московский психолого-социальный институт, Флинта, 1998. – 432 с.
6. Асташова Н. А. Проблема воспитания толерантности в системе образовательных учреждений // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений. – М., 2002. – 367 с.

АДАПТАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ СЕМЬИ В КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА

Россия XXI в. твердо встала на позицию, исходящую из того, что высшей ценностью здорового общества является человек, его интересы, потребности и благополучие. Для демократического государства важен любой социальный институт, любой коллектив, но наиважнейшим, базисным сегодня, безусловно, является семья.

Семья – ячейка социума, от которой во многом зависит духовное богатство и благополучие общества, его способность формировать креативную личность информационной эпохи; преодолеть социальную пассивность, демографический кризис, алкоголизм, наркоманию; утвердить в людях ценности гуманизма и толерантности; раскрыть им созидательный и эстетический потенциал общения с природой, спорта, искусства, чтения, активного досуга [2].

В современных социокультурных условиях особую остроту приобретает процесс адаптации, и в частности адаптации студенческой семьи, под которой понимается как сам процесс, благодаря которому студенческая семья достигает соответствия с социокультурной средой, так и результат этого процесса.

Значимость социальной адаптации обусловлена тем, что благодаря ей происходит переход с макроуровневых государственных задач на микроуровень – реальной жизнедеятельности человека. Задача адаптации, таким образом, связана с использованием имеющихся индивидуальных ресурсов, в зависимости от которых личность выстраивает стратегии поведения.

Значительная роль в адаптации студенческой семьи принадлежит высшей школе, что соответствует отечественным педагогическим традициям, учитывающим интересы личности, общества и государства в целом. При этом высшая школа призвана не только готовить высококвалифицированных специалистов, но и воспитывать в них социально

одобряемые качества, готовность выполнять общественно значимые социальные роли, используя современные педагогические технологии.

Процесс формирования личности молодого семьянина в вузе, адаптации студенческой семьи во многом определяется концепцией воспитательной работы, характером и организацией культурно-досуговой деятельности, степенью вовлеченности в нее студентов. Культурно-досуговая деятельность в вузе является необходимым звеном в интеграции студенческой семьи и среды, т. к. именно в этой сфере формируется активная гражданская позиция человека, обуславливающая его выбор моделей и стратегий поведения. Культурно-досуговая деятельность носит человекотворческий характер, ориентирована на студентов, на всестороннее раскрытие личностного потенциала.

Культурно-досуговая деятельность подвижна, гораздо менее регламентирована, чем учебный процесс, разнообразна, синтетична, создает ситуации свободного выбора [5].

Культурно-досуговая деятельность привлекает внимание российских ученых лишь в последние несколько десятков лет. Известно, что в XX в. одними из первых исследователей культурно-досуговой деятельности стали видные государственные, партийные, общественные деятели молодой Советской России. В 1920–1930-е гг. в речах и трудах А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, М. И. Калинина, Е. Н. Медынского, М. В. Петровского и других был высказан ряд принципиальных положений о сущности, назначении и функциях, социальном своеобразии досугового времени, его культурном потенциале. В дальнейшем социальную сущность и природу социально-культурной деятельности рассматривают в своих работах В. Н. Гагин, Д. М. Генкин, В. З. Дуликов, И. Н. Ерошенков, А. З. Свердлов, А. Г. Соломоник, Ю. А. Стрельцов, В. В. Туев и др. Культурно-досуговую деятельность исследуют сегодня М. А. Ариарский, Г. М. Бирженюк, Е. Г. Доронкина, А. Д. Жарков, Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, Н. Ф. Максютин, А. П. Марков, В. Е. Новаторов, В. Е. Триодин, Н. Н. Ярошенко и другие.

В работе московских авторов академика РАН А. Д. Жаркова и профессора В. М. Чижикова «Культурно-досуговая деятельность» в ка-

честве термина, обозначающего исследуемое направление деятельности, избирается понятие «культурно-досуговая деятельность». «Современная теория рассматривает культурно-досуговую деятельность как процесс освоения человеком мира, в основе которого лежит многосторонняя по своей природе деятельность, имеющая собственные функции, цели, средства, результат. Культурно-досуговая деятельность в этом контексте представляется системой со сложной структурой, переплетением типов и видов деятельности» [2].

Как отмечают Н. А. Осипенкова, С. В. Лаврецова и другие ученые, сущность адаптации студенческой семьи в культурно-досуговой деятельности вуза раскрывается также и через функции данного вида деятельности [3; 5].

Социальные функции культурно-досуговой деятельности по адаптации студенческой семьи могут быть представлены на трех уровнях: федеральном, региональном и местном.

На федеральном: законодательное обеспечение условий для полноценной деятельности вуза по адаптации студенческой семьи; защита национальной культуры и языка при расширяющихся международных контактах; создание возможностей для вовлечения студенческой семьи в творчески активную жизнь.

На региональном уровне: обеспечение сохранения культуры прошлого; налаживание взаимодействия и взаимопонимания между различными культурными группами (молодой и родительской семьей, учебным коллективом).

На местном уровне: развитие эстетически организованной среды вуза; активизация культурной жизни, усиление самостоятельности и локального своеобразия вуза; развертывание системы домашнего досуга студенческой семьи [6].

По содержанию культурно-досуговая деятельность вуза по адаптации студенческой семьи подразделяется на компоненты: познавательный, ценностно-ориентированный, практически-преобразующий, творческий, каждый из которых может быть реализован в различных формах (см. табл. 1).

**Содержательные компоненты культурно-досуговой деятельности
по адаптации студенческой семьи**

Компоненты культурно-досуговой деятельности вуза по адаптации студенческой семьи	Характеристика компонентов культурно-досуговой деятельности вуза по адаптации студенческой семьи
Познавательный	Помогает усвоению информации и получению нового знания студенческой семьей в результате участия в дискуссии, кружковых занятиях, тематических вечерах и др.
Ценностно-ориентированный	Позволяет приобретать, закреплять или видоизменять свое отношение к окружающему миру, оценку общественных явлений, чужих и собственных поступков молодыми семьянинами. Компонент может быть реализован через круглые столы, конкурсы, викторины, дебаты и др.
Практически-преобразующий	Направлен на созидание и преобразование студенческой семьи (личности семьянина) на основе практических реальных действий, через клубы молодой семьи, встречи со специалистами, конкурсы и др.
Творческий	Присущ всем компонентам культурно-досуговой деятельности. Носит всепроникающий характер. Может быть реализован через семейные праздники, такие, как «День семьи» и др.

Вопрос эффективного использования форм, способов культурно-досуговой деятельности в адаптации студенческой семьи в системе высшего профессионального образования приобретает особую остроту. Поскольку, имея возможность выбирать занятия на досуге по собственному желанию, из-за отсутствия необходимых навыков, недостаточной организационно-педагогической помощи студенческие семьи часто не готовы к осознанному выбору видов деятельности, способствующих их полноценной адаптации как внутрисемейной, так и в социуме.

Сущность адаптации студенческой семьи в культурно-досуговой деятельности вуза состоит в том, что семья (семьянин) приобщается к культуре и становится ее субъектом.

Следует отметить, что сущность адаптации студенческой семьи в культурно-досуговой деятельности вуза определяется также связью

культурно-досуговой деятельности с жизнью, с проблемами адаптации студенческой семьи и предполагает соблюдение ряда условий адаптации студенческой семьи в вузе.

Условия в этом случае понимаются как совокупность положений/требований/обстоятельств, от которых зависит успешное осуществление адаптации студенческой семьи в культурно-досуговой деятельности вуза.

Несмотря на наличие большого массива научно-исследовательской литературы, проведенные до настоящего времени исследования (Р. Р. Богачевым, И. И. Ворониным, Ж. В. Муравьевой и другими) по проблемам адаптации студенческой молодежи и в частности студенческой семьи, в условиях досуга не дают ответов на многие сегодняшние актуальные вопросы по созданию условий для культурно-развивающей досуговой деятельности с семьей, адекватных проблемным тенденциям, имеющим место в социокультурной сфере современной России [6].

Следует отметить, что в большей степени разрабатываются проблемы воспитания, адаптации и социализации студентов разных лет обучения в культурно-досуговой деятельности вуза. Тогда как вопросы адаптации студенческой семьи в культурно-досуговой деятельности вуза раскрыты крайне узко [5, с. 5].

По мнению С. В. Лаврецово́й, Н. А. Осипенковой, М. И. Кондакова, Л. М. С. Митиной и других ученых, условия адаптации студенческой семьи в культурно-досуговой деятельности вуза имеют определяющее значение для развития семьи в целом [3; 4].

Проанализировав и проинтерпретировав работы вышеуказанных ученых, можно обозначить условия адаптации студентов (студенческих семей – прим. автора) в культурно-досуговой деятельности вуза:

- Организационно-педагогические условия (формирование досуговой культуры семьянинов; использование при организации культурно-досуговой деятельности студенческой семьи всей окружающей социокультурной инфраструктуры, привлечение специалистов в области педагогики досуга; развитие у молодых супругов умений и навыков организации культурно-досуговой деятельности).

- Условие изучения культурных запросов студенческих семей.

- Педагогические условия (в процессе адаптации выражаются тем, что досуг – это, прежде всего, необходимый и неотъемлемый элемент образа жизни студенческой семьи и является пространством для удовле-

творения студентами потребностей в творческом самовыражении, духовно-культурном росте, интеллектуальном и физическом самосовершенствовании, выполнении широкого круга социальных ролей, тем самым рассматривается как наиболее благоприятное адаптационное поле).

• Условие содержательно-целевой основы организации досуга (учет специфики субкультуры студенческой семьи в современной социокультурной ситуации, досуговых предпочтений, базирующихся на широком использовании педагогического потенциала досуговой сферы, применении современных воспитательно-адаптирующих технологий).

Существуют и другие классификации условий адаптации студенческой семьи в культурно-досуговой деятельности вуза. Так, например, А. В. Фатовым, Л. Н. Авдеевой и другими условия определяются через факторы культурно-досуговой деятельности: характеризующие развитие индивидуальных особенностей (уровень социальной и нравственной зрелости, правосознания, индивидуально-личностного развития семьянинов); оказывающие педагогическое влияние на процесс адаптации (концепция воспитательной работы вуза, наличие института кураторов, системы социально-культурной деятельности, индивидуальный подход к семье/студенту); связанные с ресурсным обеспечением культурно-досуговой деятельности по адаптации студенческой семьи [3; 6].

Подводя итог, можно отметить, что адаптация студенческой семьи в культурно-досуговой деятельности вуза, это сложный и многомерный процесс.

Учет рассмотренных в статье уровней, условий адаптации студенческой семьи в культурно-досуговой деятельности вуза может быть использован при составлении целенаправленной Программы (или Проекта) по адаптации студенческой семьи в вузе.

Литература

1. Гурко Т. А. Актуальные проблемы семей в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gurko.ambc.ru>., 01.05.2010 13:06:02.
2. Жарков Д. А. Культурно-досуговая деятельность [Электронный ресурс]. – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://yaronik.narod.ru//teoriya>, 01.01.2011 18:06:05.
3. Лаврецова С. В. Социально-культурная деятельность как средство оптимизации семейного досуга: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. – М.: МГУКИ. 2007. – 19 с.

4. Муравьева Ж. В. Социально-культурные условия организации семейного досуга средствами рекреативно-оздоровительных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. – Тамбов: Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2009. – 18 с.
5. Осипенкова Н. А. Социально-культурная деятельность как фактор социальной адаптации студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. – СПб.: МГУКИ, 2007. – 21 с.
6. Фатов А. В. Социальное воспитание студенческой молодежи в культурно-досуговой деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05. – М.: МГУКИ, 2007. – 18 с.

А. К. Мальцева

АКТИВИЗИРУЮЩИЕ МЕТОДЫ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проблема профессионального самоопределения всегда являлась кардинально важной для каждого человека и для всего общества в целом. Только работа в соответствии со своими способностями приносит человеку удовлетворение от вложенного труда, а обществу – профессионала высокого класса. В настоящее время значение профориентации как социально-экономической категории неуклонно возрастает. Изучение профориентационной работы является важным аспектом в связи с модернизацией образования, с появлением новых профессий, что определяет значимость для региона и для человека, находящегося на этапе поиска своего места в обществе.

Профессиональный поиск наиболее актуален среди молодого поколения, к которому можно отнести подростков, детей старшего школьного возраста, учащуюся молодежь.

Сегодня в обществе и в сфере образования вновь возник интерес к профориентационной работе. Однако задачи, для решения которых, собственно, и необходима профориентационная работа, – совершенно иные. Сейчас появляется возможность проводить профориентационную работу более содержательно и смело, применяя различные методы, в том числе и активизирующие.

В статье профориентационная работа рассматривается как синоним профориентации, а основными формами считаются: профессиональное просвещение; профессиональное самоопределение; профессиональное консультирование; трудоустройство; профессиональный отбор; профессиональную адаптацию и др.

С позиции современного подхода «профессиональная ориентация – это система равноправного взаимодействия личности и общества (различные социальные институты, ответственные за решение данной проблемы) на определенных этапах развития человека, оптимально соответствующая особенностям личности и запросам рынка труда в конкурентноспособных кадрах» [8, с. 14].

«Профориентация – предполагает широкий, выходящий за рамки только педагогики и психологии, комплекс мер по оказанию помощи в выборе профессии» [5, с. 21].

Реализация современных требований, предъявляемых к системе образования, значительно активизировала разработку научных и практических проблем профориентации. Чистяковой С. Н. предложена модель профессионального самоопределения как непрерывного процесса. Сорочинской Е. Н. концептуализирован инвариант социально-педагогической программы, целеориентированный на обеспечение условий для реализации индивидуальных интересов, задатков, творческого потенциала юношества в допрофессиональной подготовке, перспективном жизненном и профессиональном самоопределении в учреждении дополнительного образования детей. В исследовании Зарецкой И. И. разработана теоретическая модель трудовой культуры личности и процесса воспитания в условиях общеобразовательной и профессиональной школы. Сальцевой С. В. разработаны педагогические основы профессионального самоопределения школьников в учреждениях дополнительного образования детей. Средством профессиональной ориентации выступает техническая творческая деятельность учащихся. В исследовании М. П. Поволяевой техническая творческая деятельность рассматривается как средство активного усвоения социального опыта.

Профориентационную работу можно проводить достаточно успешно в учреждениях дополнительного образования детей, т. к. ценность дополнительного образования детей в том, что оно усиливает вариативную составляющую общего образования и помогает юношеству

в профессиональном самоопределении, способствует реализации их сил и знаний.

С точки зрения Васинской Г. И., «дополнительное образование – это актуализация индивидуальных потребностей личности, которые не обеспечиваются в полной мере в рамках основных образовательных программ, а компенсируются в виде интеллектуальных, досуговых, развивающих услуг» [1, с. 109].

Дополнительное образование имеет ряд преимуществ по сравнению с общим образованием, а также больше возможностей для более целенаправленной и разносторонней подготовки детей. Учреждения дополнительного образования должны выполнять ряд условий, которые помогут учащимся выбрать свой жизненный путь, профессию:

- добровольное участие школьников в деятельности;
- сотрудничество детей и взрослых, реализуемое в деловых и неформальных отношениях;
- совместная предметная деятельность;
- гибкость и вариативность образовательных программ;
- обновление знаний и социального опыта обучающихся;
- привлечение и использование в обучении специалистов различных областей знаний, практических работников;
- отмена жесткой связи с предметами, входящими в курс школьного обучения [3, с. 25].

В последние годы стало очевидно, что традиционные методы профориентации не оправдывают себя, т. к. игнорируют индивидуальные запросы личности и исходят лишь из кадровых потребностей производства [6, с. 72].

«Метод – способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом» [7]. «Методика – совокупность методов, приемов, опробованных и изученных для выполнения определенной работы» [7].

Основные группы методов профориентации: информационно-справочные, просветительские методы (профессиональная реклама и агитация, познавательные и просветительские лекции, использование средств массовой информации, «ярмарки профессий» и др.); методы профессиональной психодиагностики (открытые беседы-интервью, про-

ективные личностные тесты, метод наблюдения и др.); методы морально-эмоциональной поддержки (тренинги общения, различные положительные (успешные) примеры самоопределения и др.) и активизирующие методы [7].

Эффективными оказываются активизирующие профориентационные методы. К активизирующим методам в профориентации, относится группа методов профориентационной психологической помощи, основная цель которых – пробудить интерес человека к миру профессий, вызвать желание самореализоваться в труде, помочь сделать самостоятельный, осознанный выбор профессии.

С точки зрения Пряжникова Н. С., данные методы предполагают в идеале формирование полноценного субъекта профессионального и личностного самоопределения. Сам субъект понимается как самостоятельная и ответственная личность, способная ставить перед собой жизненные цели и достигать их [4, с. 4].

Главный смысл профориентационной помощи сводится к формированию субъекта профессионального самоопределения. Пряжников Н. С. выделяет следующие типы профориентационной помощи самоопределяющемуся клиенту: традиционная консультация, «рыночная» профориентация, активизирующая профконсультация.

Если обратиться к уровням решения профориентационных задач, то первый, наиболее простой и примитивный уровень предполагает «субъектно-объектные» отношений. В этом случае ни об активности, ни об активизации говорить не приходится. Здесь скорее можно говорить вслед за Е. А. Климовым о традиционной профориентации.

А вот профессиональное «самоопределение» предполагает переход к последующим уровням решения профконсультационных задач.

На втором уровне реализуется схема «субъект-субъектных» отношений и можно уже говорить об «активизации» клиента через специально организованное взаимодействие и сотрудничество.

На третьем уровне схему взаимодействия можно обозначить как «объект-субъектную».

Активизирующие методики во многом близки с игровыми, но имеют свои особенности. «Активизирующая методика – это не просто “интересная” методика, но, прежде всего, методика, вооружающая средством для самостоятельных действий» [4, с. 45].

Существует несколько групп активизирующих профориентационных методик для людей разных возрастов, от школьников и старше: профориентационные игры с классом, бланковые игры, карточные информационно-поисковые системы («профессьянсы»), активизирующие профориентационные опросники, схемы анализа и самоанализа ситуаций самоопределения.

Профориентационные игры предназначены для работы с обучающимися 7–11 классов. По содержанию и активизирующим возможностям эти методики уступают деловым играм и психотерапевтическим процедурам. При проведении профориентационной работы подобные игры могут быть использованы в дополнение к диагностическим процедурам, дискуссиям, индивидуальным консультациям и лекционным формам (ценностно-нравственные профориентационные игры: «Пришельцы», «Остров», «Существо» (с элементами экологического воспитания). Пробно-ознакомительные игры: «Ассоциации», «Угадай профессию». Игры, где отрабатываются навыки принятия решений и поведения при ответственных собеседованиях, «Приемная комиссия», «Пять шагов») [4].

Игровые профориентационные методы обычно используются в работе с подгруппой (8–15 человек) или с малой группой (6–8 человек). Пряжников Н. С. при разработке данных упражнений опирался на опыт конструирования психотерапевтических упражнений Н. В. Цзена и Ю. В. Пахомова, а так же на игровые упражнения, представленные в работах В. В. Петрусинского, К. Рудестама и других («Профессия на букву...», «День из жизни» и другие).

Бланковые игры организуются таким образом, чтобы консультант имел возможность играть с каждым в отдельности и со всеми одновременно. В большинстве игр данного типа моделируются некоторые особенности предпринимательской деятельности с учетом специфики социально-экономической ситуации («Бизнес – риск – мен», «Я – компаньон» и другие).

Карточные бланковые игры. В этих методиках небольшое количество карточек готовят сами игроки. Заметим, что важным элементом процедуры является не только сама игра, но и подготовка к ней, когда каждый школьник, заполняя свой набор карточек, дополнительно задумывается и сам выступает в роли эксперта. Опыт проведения данных игр свидетельствует о том, что такое экспертирование вызывает у старше-

классников интерес. Смысл данных игр – познакомить игроков с самим процессом размышления о тех или иных аспектах самоопределения («Комплимент», «Медоворот») [4, с. 284].

Карточные профконсультационные методики возникали как попытка использовать интригующую форму работы, высокоэффективные операциональные возможности карточных технологий и содержательные моменты профессионального самоопределения и планирования жизни. Главным достоинством карточных методик являются предметность поискового действия и возможность оперативного составления из карточек образов моделируемых объектов («Профессьянсы»).

Карточные профконсультационные игры. В игровых карточных системах делается попытка смоделировать основные этапы человеческой жизни (индивидуальная игра «Человек – Судьба – Черт» и групповая игра «Страшный суд». Важнейшим активизирующим приемом данных методик является специально организуемый игровой «спор». Важной особенностью проведения карточных консультационных игр является их высокая динамичность, позволяющая охватывать моделируемую жизнь в целостности.

Настольные карточные игровые методики, по сравнению с описанными выше карточными методиками, дают возможность моделировать проблемы личностного и профессионального самоопределения в более простых формах («Или-Или», «Бизнес-Мусор» и другие).

Следующая группа методик – активизирующие опросники личностного и профессионального самоопределения были сделаны Вилишенко Т. П. и Куприяновым Б. П. с целью разнообразить существующий диагностический материал. Главной целью и особенностью активизирующих опросников является не столько получение информации о клиенте, сколько стимулирование его размышлений о собственных перспективах личностного и профессионального самоопределения.

Н. С. Пряжников выделял сложности распространения и совершенствования подобных активизирующих профориентационных методик:

1. Неготовность многих профконсультантов к работе в активизирующем режиме (более привычно для многих использовать традиционные тесты или часто не имеющие отношения к профориентации психотерапевтические и тренинговые процедуры);

2. Неготовность многих клиентов к работе в активизирующем режиме (для многих таких клиентов удобней просто «получать готовую помощь, добровольно отказываясь от реального самоопределения»);

3. Определенное несовершенство многих существующих активизирующих методов и методик, особенно в плане доступности для массового использования, а также в плане целесообразного их применения в более широком контексте личностного и жизненного самоопределения [4, с. 384].

Современным обучающимся занятия в учреждениях дополнительного образования помогают определиться с ценностями, жизненными стратегиями, реализовать социокультурные и образовательные потребности. «Особенности системы дополнительного образования позволяют говорить о важнейшей роли учреждений дополнительного образования детей в становлении будущего профессионала, отличительными чертами которого должны стать не только его профессиональные качества, но и социальная зрелость, гражданская ответственность, жизненное самоопределение молодого человека» [2, с. 24].

В современной социокультурной ситуации учреждения системы дополнительного образования детей призваны и способны решать задачу организации системы личностно-профессиональной ориентации учащихся, обеспечивающей создание необходимых условий личностного, профессионального и творческого развития учащейся молодежи.

Используя активизирующие методы, профконсультант должен помочь человеку действовать более эффективно и уверенно, что особенно важно в условиях современного российского общества. Молодые люди при использовании активизирующих методов проявляют наибольший интерес, поскольку им предоставлена возможность показать свои способности, другими словами, «примерить» на себя определенные виды профессиональной деятельности.

Литература

1. Васинская Г. И.: «Проблемы воспитания и социальной адаптации подростков»: мат-лы конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 109.
2. Козлова Н. Ю. Профильное и профессиональное самоопределение старшеклассников: теория и практика // мат-лы конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 20–24.

3. Конарева В. Н. Профильное и профессиональное самоопределение старшеклассников: теория и практика: Мат-лы конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – С. 25–26.
4. Пряжников Н. С. Методы активации профессионального и личностного самоопределения: учеб. пособие. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2002. – 400 с.
5. Пряжников Н. С. Профорентация в школе: игры, упражнения, опросники (8–11 классы). – М., 2005. – 288 с.
6. Сахарова В. И. Компоненты и критерии профессионального самоопределения в системе технологической подготовки старших подростков // Проблемы самоопределения молодежи в новых социально-экономических условиях: Мат-лы науч.-практ. конф. – Кемерово, 1996. – С. 71–73.
7. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 03.02.2011).
8. Чистякова С. Н. Педагогическое сопровождение самоопределения школьников: метод. пособие для профильной и профессиональной ориентации и профильного обучения школьников. – М., 2005. – 128 с.

Т. И. Варова

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

Своеобразие и изменчивость современного этапа развития российского государства требуют от подрастающего поколения учитывать внешне обусловленные социальные требования, отражающиеся в способностях к межличностному и социальному взаимодействию, необходимых для успешной и активной жизнедеятельности в обществе. В такой ситуации весомую роль играют учреждения дополнительного образования детей, в которых происходит развитие, становление, приобщение к культуре, социальная адаптация подрастающего поколения к самостоятельной и взрослой жизни при помощи профессиональной деятельности педагогов и других специалистов.

Учреждения дополнительного образования детей на сегодняшний день имеют правовую базу, регламентирующую общий вектор их разви-

тия: ФЗ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 (в действующей редакции) [5], Типовое положение об образовательном учреждении дополнительного образования детей от 07.03.1995 № 233 (в действующей редакции). В последнем из представленных документов определены основные задачи учреждения дополнительного образования детей: «...обеспечение необходимых условий для личностного развития, укрепления здоровья и профессионального самоопределения, творческого труда детей в возрасте преимущественно от 6 до 18 лет; адаптация их к жизни в обществе; формирования их общей культуры; организация содержательного досуга» [6]. Это показывает, что вопросу социальной адаптации подрастающего поколения уделяется внимание на государственном уровне.

Освещение проблемы социальной адаптации детей в учреждениях дополнительного образования детей нашло свое отражение как в публикациях теоретического (Л. Н. Буйлова, А. К. Бруднов, А. В. Егорова, Б. В. Куприянов и других), так и эмпирического характера (С. А. Александров, С. В. Астраханцева, В. П. Голованов, А. В. Золотарева, В. И. Панов, Т. В. Ускова и других) [1–4; 7].

Социальная адаптация подростков происходит как в условиях стихийного воздействия на развивающегося человека факторов бытия, так и под влиянием социально контролируемых обстоятельств и специально создаваемых в процессе воспитания условий, реализуемых в образовательных учреждениях, среди которых находятся и учреждения дополнительного образования детей [8, с. 23–25].

Однако А. В. Егорова отмечает, что «знаниевый подход» все еще остается доминирующим как в теоретических работах последних лет, так и в массовой практике в учреждениях дополнительного образования детей, вступая в противоречие с сущностными характеристиками системы дополнительного образования детей, потребностями субъектов образовательного процесса [2, с. 13]. Учреждения дополнительного образования детей призваны выполнять не только образовательную, но и релаксационную, реабилитирующую, профилактическую функции, удовлетворяя многообразные потребности детей. Только через многообразие реализуемых функций учреждение дополнительного образования детей сможет сориентировать детей на освоение всего структурного

многообразия социального опыта, а значит социально адаптировать обучающихся.

Развитие учреждений дополнительного образования детей на современном этапе характеризуются следующими особенностями относительно решения вопроса социальной адаптации.

1) Программы учреждения дополнительного образования детей не транслируются сверху по типу единого государственного стандарта, это обеспечивает вариативность образовательных программ и их разнообразие. Это дает возможность удовлетворять различные образовательные потребности детей, подростков, семей [4, с. 7].

2) Динамичное реагирование учреждения дополнительного образования детей на изменяющиеся потребности подрастающего поколения обуславливают личностную значимость предлагаемого ребенку содержания образовательных программ [7, с. 254].

3) В учреждении дополнительного образования дети получают практически ориентированные знания и навыки, помогающие адаптироваться к многообразию окружающей жизни.

4) В учреждении дополнительного образования организуется равноправный субъект-субъектный тип взаимодействия педагога с ребенком.

5) В учреждении дополнительного образования детей реализуется право детей на овладение знаниями и умениями в индивидуальном темпе и объеме, на смену предмета и вида деятельности, конкретного творческого объединения и педагога в ходе образовательного процесса.

6) Занятия в творческих объединениях учреждения дополнительного образования детям позволяют реализовать себя, повысить самооценку и свой статус в глазах сверстников и взрослых, обогатиться общественным опытом.

7) Педагогическое влияние на детей в учреждении дополнительного образования детей представляет собой реальную «социальную силу», повышающую занятость подростков социально значимым делом [3, с. 15–16].

Представленные особенности дополнительного образования по своей сути значимы для социальной адаптации подростков, что обусловлено актуальной ситуацией их жизнедеятельности – интерес, стремление принадлежать группе значимых сверстников, обрести новых друзей

и т. п. Для социальной адаптации подростков важно то, что, включаясь в работу различных творческих объединений учреждения дополнительного образования детей по интересам, они оказываются в пространстве разновозрастного общения, в котором существует возможность проявить инициативу, самостоятельность, лидерские качества, умение работать в коллективе, учитывая интересы других. В данной работе под социальной адаптацией подростка в учреждениях дополнительного образования детей понимается процесс активного приспособления подростка к значимой деятельности, формирования социальных ценностей, усвоение норм и правил среды, исполнения социальных ролей и самореализации в ходе освоения дополнительных образовательных программ и получения дополнительных образовательных услуг.

Теоретическое и практическое изучение социальной адаптации (исследования Б. Г. Ананьева, К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, М. В. Вольфмана, А. А. Налчаджяна, А. А. Реана и других) выявило, что ее процесс и результат зависят от уровня сформированности различных качеств подростков. Сформированные качества характеризуют социальную адаптацию с двух сторон. С одной стороны – объективной – качества, показывающие место в системе общественных отношений. Это непрерывный процесс развития механизмов социальной адаптации подростков, в формировании которого активное участие принимает окружающая социальная среда (родители, сверстники, друзья), а также различные социальные институты (общеобразовательные учреждения, учреждения дополнительного образования детей). С другой стороны – субъективной – социальная адаптация определяется не общественным положением или половозрастными особенностями подростков, а с личными качествами, взглядами, убеждениями как результата социальной адаптации, а также со всеми аспектами социально-психологического развития, проявлением активизирующей роли подростка, его желанием или нежеланием изменить или усвоить существующие социальные ценности [8].

Для изучения социальной адаптации подростков в 12 учреждениях дополнительного образования детей Кемеровской области было проведено пилотное исследование, в котором приняли участие 445 подростков. В исследовании принимали участие учреждения дополнительного

образования детей, в которых отсутствуют специальные программы по социальной адаптации подростков.

В пилотном исследовании использовались методики: «Шкала социально-психологической адаптации» (авторы К. Роджерс и Р. Даймонд), «Шкала социальной компетентности» (автор А. М. Прихожан), «Тест коммуникативных умений» (автор Л. Михельсон), которые позволяют изучить многие аспекты социальной адаптации подростков (адаптированность, принятие себя и других, интернальность, организованность, самостоятельность, комфортность, развитость общения и так далее). Данные показатели отражают социальную ситуацию развития подростка, его ведущую деятельность, центральные новообразования развития подростков.

Результаты пилотного исследования определили, что по некоторым показателям социальной адаптации подростков, обучающихся в учреждении дополнительного образования детей, выявлены низкие и недостаточные уровни для детей подросткового возраста. Это подтвердило практическую сторону актуальности проблемы и позволило определить учреждения дополнительного образования детей как базу для дальнейшего проведения экспериментальной деятельности по социальной адаптации подростков.

С целью решения выявленных проблем обучающихся относительно социальной адаптации на базе учреждений дополнительного образования детей организована экспериментальная деятельность. Формой экспериментальной деятельности принята экспериментальная площадка, направленная на изучение интересов и потребностей обучающихся в учреждении дополнительного образования детей; определение содержания дополнительного образования детей, его форм и методов работы с обучающимися с учетом их возраста, особенностей его влияния на социальную адаптацию подростков, расширение видов культурно-досуговой деятельности для наиболее полного удовлетворения интересов и потребностей обучающихся в творческих объединениях; повышение профессионального мастерства методистов, педагогов и специалистов.

Экспериментальные площадки разрабатываются для тех учреждений дополнительного образования детей, заинтересованных в дальнейшем исследовании социальной адаптации подростков, по результатам пилотного исследования в которых была выявлена не одна проблема.

Темы программ экспериментальных площадок сформулированы с учетом выявленных проблем социальной адаптации подростков, которые необходимо решать в конкретном учреждении дополнительного образования детей, примеры которых представлены в табл. 1.

Таблица 1

Зависимость темы и содержания разработанной программы экспериментальной площадки от выявленных низких показателей социальной адаптации обучающихся в УДОД

Выявленный низкий показатель социальной адаптации подростков, согласно шкалам использованных методик	Тема экспериментальной площадки	Учреждение дополнительного образования детей, город
- низкий уровень показателя «развитие общения», с тенденциями к агрессивному и зависимому типу поведения в общении, - низкий уровень показателя «самостоятельность», - низкий уровень показателя «уверенность в себе»	«Формирование коммуникативного опыта старших подростков в культурно-досуговой деятельности учреждения дополнительного образования детей»	МОУ ДОД «Дом детского творчества» г. Киселевск
- низкий уровень адаптации, - низкий уровень показателя «стремление к доминированию»	«Формирование социальной активности личности в культурно-досуговом пространстве учреждения дополнительного образования детей»	МОУ ДОД «Центр детского и юношеского туризма и экскурсий (юных туристов) им. Ю. Двужильного» г. Кемерово
- низкий уровень показателя «стремление к доминированию», - низкий уровень показателя «принятие других»	«Педагогические условия развития лидерских качеств подростков в учреждении дополнительного образования детей»	МОУ ДОД «Центр дополнительного образования детей» г. Мыски

В программах экспериментальных площадок учреждений дополнительного образования детей представлены: нормативно-правовое обеспечение программы эксперимента, паспорт программы эксперимента, актуальность и теоретическое обоснование темы эксперимента, информационная справка о субъектах эксперимента, материально-техническая база учреждения дополнительного образования детей, организационная

структура управления экспериментом, план мероприятий по реализации эксперимента.

В настоящее время перспектива реализации программ экспериментальных площадок заключается в плане мероприятий по реализации эксперимента. Здесь акцент необходимо сделать на культурно-досуговой деятельности учреждений дополнительного образования детей и разрабатывать систему методов, средств и форм культурно-досуговой деятельности для достижения поставленных целей.

Литература

1. Астраханцева С. В. К вопросу о проектировании модели государственно-общественной системы дополнительного образования детей [Электронный ресурс] // Электронный научно-педагогический журнал. – 2008. – Июнь. – Режим доступа: <http://www.evissia.org/offline/2008/1251.htm>. (дата обращения: 19.02.2011).
2. Егорова А. В. Стратегия развития дополнительного образования: занятость подростков делом // Социальная педагогика, 2008. – № 4. – С. 10–15.
3. Золотарева А. В. Дополнительное образование детей: Теория и методика социально-педагогической деятельности. – Ярославль: Академия развития, 2004. – 304 с.
4. Куприянов Б. В. Как сохранить учреждения дополнительного образования детей // Воспитание школьников, 2011. – № 2. – С. 3–12.
5. Об образовании [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 10.07.1992 (ред. от 02.02.2011) № 3266-1 ФЗ // ИПС «Законодательство России». – Электрон. прогр. – [Б. м.]: Спецсвязь России, 2004–2011 (дата обращения: 07.05.2011).
6. Об образовательном учреждении дополнительного образования детей: Типовое положение от 7 марта 1995. № 233 (ред. от 7.12.2006. № 752) [Электронный ресурс] // ИПС «Законодательство России». – Электрон. прогр. – [Б. м.]: Спецсвязь России, 2004–2011(дата обращения: 07.05.2011).
7. Панов В. И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. – СПб.: Питер, 2007. – 352 с.
8. Реан А. А. Психология адаптации личности / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 479 с.

Раздел 5. БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. Ю. Васькина

НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

Детство и юношество справедливо считаются особыми периодами в жизни человека: именно в это время происходит накопление знаний, которые становятся основой для дальнейшего развития личности. Свойственное этому возрасту активное познание мира, наличие большого количества свободного времени делали эти категории активными пользователями библиотек, и для них создавались специализированные библиотечные учреждения.

Становление системы библиотечного обслуживания детей и юношества происходило в разные исторические периоды. Библиотечное обслуживание детей насчитывает более чем 100-летнюю историю, тогда как юношеские библиотеки зародились в нашей стране лишь в 60-е гг. XX в. [1; 2].

Наличием четко выстроенной, эффективной системы библиотечного обслуживания, ориентированной на детей и юношество, характеризуются 70–90-е гг. XX в. Права на свободный доступ к информации и специализированное библиотечное обслуживание данных категорий пользователей были определены на государственном уровне и нашли отражение в статье 8 федерального закона «О библиотечном деле», принятого в 1994 г. [3].

Современную ситуацию в библиотечном обслуживании обозначенных категорий населения нельзя назвать стабильной. Вызвано это переменами, обусловленными информационно-технологическим развитием общества, кардинальным изменением социальных ролей библиотек, а также проводимыми в нашей стране экономическими и социальными

реформами. Обозначенные перемены стали причинами серьезных трансформаций, происходящих в библиотечном деле. В настоящий момент четко прослеживаются несколько вариантов организационного реформирования деятельности библиотек, обслуживающих детей и юношество.

Первый вариант – объединение детских и юношеских библиотек с образование библиотек для детей и юношества (или детско-юношеских библиотек).

Второй вариант – присоединение детских и юношеских библиотек к библиотекам, обслуживающим взрослое население: а) присоединение к публичным городским библиотекам на уровне муниципальных образований; б) объединение с научными или национальными библиотеками на региональном уровне.

Третий вариант – преобразование юношеских библиотек в библиотеки для молодежи.

На сегодняшний день в стране на региональном уровне насчитываются 16 библиотек, созданных в результате объединения детской и юношеской библиотек, 3 детских библиотеки объединены с национальными и научными, 3 библиотеки трансформированы из юношеских в библиотеки для молодежи. Число библиотек, претерпевших процесс трансформации на муниципальном уровне, определить на данном этапе не представляется возможным.

В свете современных тенденций можно предположить, что данные процессы с каждым годом будут нарастать. Соответственно, каждой из этих библиотек придется столкнуться с рядом изменений, затрагивающих все без исключения подсистемы, обеспечивающие функционирование библиотеки в качестве единого «живого» организма. Поэтому применительно к каждому из обозначенных вариантов трансформаций целесообразна выработка типовых технологических решений, позволяющих оптимизировать временные и ресурсные затраты. Данные решения должны быть разработаны, исходя из представлений о библиотеке как целостной технологической системе, и найти отражение в каждом из ее основных компонентов: цели, ресурсах, средствах, методах, условиях, производимых продуктах и услугах.

Диссертационное исследование автора публикации посвящено технологическому сопровождению процесса объединения детских и юношеских библиотек. Базой исследования служит Кемеровская област-

ная библиотека для детей и юношества, которая была трансформирована путем объединения детской и юношеской библиотек в 2008 г.

В процессе объединения первоочередным изменениям подвергаются сложившаяся ресурсная база и организационная структура реформируемых библиотек. Организационные структуры детских и юношеских библиотек в соответствии с руководящими материалами, регламентирующими их деятельность, существенно отличались.

Так, в детских библиотеках рекомендовалось создавать отдельно отделы обслуживания для учащихся 1–4 и для учащихся 5–8 классов с абонементом и читальными залами в каждом из них. Юношеские библиотеки, как правило, имели абонемент и читальный зал без разграничения их по возрастам. Крупные библиотеки, исходя из потребностей своих пользователей, имели в своей структуре залы для массовой работы, специализированные отделы (например, нотно-музыкальный отдел, кабинеты в помощь изучающим иностранные языки) [2].

Так, до объединения Кемеровской областной детской библиотеки им. А. П. Гайдара и Кемеровской областной юношеской библиотеки структура библиотек выглядела следующим образом.

Обслуживание читателей детской библиотеки осуществлялось дифференцировано, с учетом возраста пользователей. Существовал отдел, обслуживающий дошкольников и младших школьников (1–4 класс), отдел, обслуживающий читателей 5–9 классов и 2 специальных отдела – отдел литературы по искусству и медиазал. В юношеской библиотеке возрастного деления пользователей не было, обслуживание осуществлялось двумя основными подразделениями – читальным залом и абонементом и двумя специализированными отделами – нотно-музыкальным отделом и залом электронных ресурсов.

После объединения была создана распределенная структура, состоящая из четырех уровней.

Первый уровень составляют отделы, непосредственно осуществляющие обслуживание пользователей. Эти отделы созданы с учетом возрастных особенностей и предпочтений основных групп читателей библиотеки. Сюда входят: отдел детского чтения; два отдела подросткового и молодежного чтения, состоящие из абонементов и читальных залов; комплекс отделов, представляющих ресурсы по отдельным направлениям (отдел краеведения, отдел иностранных языков, национальных куль-

тур и страноведения, отдел музыкальной литературы, отдел обеспечения доступа к электронным ресурсам, отдел литературы по искусству), а также отдел хранения фондов и сектор оперативной типографии.

Подобная номенклатура отделов обслуживания строится на убеждении, что в объединенных библиотеках необходимо организовать дифференцированное обслуживание пользователей различных возрастных групп. Но специализированные отделы, собирающие литературу по отдельным направлениям (краеведению, по иностранным языкам, музыкальному искусству и пр.), осуществляют обслуживание пользователей все возрастных групп. При этом в данных отделах должно быть выделено пространство, предназначенное для детей.

Ко второму уровню отнесены отделы, обеспечивающие внутренние производственные процессы: отдел формирования и каталогизации фондов; отдел справочно-информационного и библиографического сервиса; отдел IT-технологий; отдел библиотечного менеджмента и инноваций; сектор библиотечных исследований; сектор формирования библиотечного имиджа.

В третий уровень вошли службы, обеспечивающие безопасность предоставления услуг и поддержание зданий и помещений библиотеки в санитарном состоянии.

Четвертый уровень составляет административно-управленческий аппарат, который состоит из директора, заместителей, курирующих отдельные направления (по методической деятельности и развитию библиотеки, по обслуживанию пользователей, по библиотечным технологиям), бухгалтерской службы.

Формирование единой ресурсной базы объединенной библиотеки будет осуществляться поэтапно и предполагает последовательное решение следующих задач:

- 1) организацию внутренней системы обмена данными при условии функционирования библиотеки в двух различных зданиях, находящихся друг от друга на определенном расстоянии;
- 2) адаптацию лингвистических средств, используемых для структурирования информационного массива;
- 3) выработку стратегии формирования и распределения документного фонда;

- 4) создание справочно-поискового аппарата как основного продукта, отражающего документные ресурсы библиотеки;
- 5) анализ кадровых ресурсов, их перераспределение и переобучение;
- 6) настройку автоматизированной информационно-библиотечной системы (АИБС) на потребности объединенной библиотеки.

В настоящий момент предложены решения части обозначенных задач, оправданность которых в ближайшее время предстоит подтвердить или опровергнуть путем сбора эмпирических данных.

Первая задача может быть эффективно решена только с использованием информационно-коммуникационных технологий через организацию между зданиями библиотеки (при условии существования библиотеки в различных, удаленных друг от друга помещениях) канала связи. Оптимальным по техническим характеристикам признан VPN-канал. Организацию данного канала можно назвать первостепенной задачей, т. к. именно с его помощью в дальнейшем возможно введение единой системы регистрации пользователей на основе используемой (в любой из библиотек) автоматизированной информационно-библиотечной системы. Данный канал также служит средством организации системы внутреннего документооборота, что позволяет организовать оперативный обмен управленческой документацией.

Используемые в библиотеке лингвистические средства требуют адаптации к изменившимся условиям по следующей причине. Детские библиотеки, начиная с момента своего зарождения, для структурирования информационных массивов использовали классификационные системы, разработанные специально для детей. Первоначально это была десятичная система Дьюи, позднее – Таблицы ББК для детских и школьных библиотек [4]. Юношеские библиотеки при организации массивов документов использовали информационно-поисковые языки, предназначенные для массовых библиотек (Таблицы ББК для массовых библиотек) [5].

Решение данной проблемы видится в частичной переработке используемых классификационных систем. За основу предлагается взять «Таблицы ББК для массовых библиотек», в которые необходимо внести определенные коррективы. Так, часть разделов предлагается укрупнить в связи с небольшим количеством документов, имеющих в них. Например, в раздел «22.14 Алгебра» включены ранее существовавшие

самостоятельно разделы: «Элементарная алгебра», «Линейная и познавательная алгебра. Теория матриц», «Общая алгебра», «Алгебраическая геометрия». В часть раздела предлагается ввести такие подразделы, которые существовали ранее только в «Таблицах ББК для детских библиотек». Например, в блок «22.1 Математические науки» введен раздел «22.1я92 Занимательная математика».

При создании единого справочно-поискового аппарата неизбежно возникнут проблемы, обусловленные следующими причинами. В детских библиотеках существовала система каталогов и картотек, рассчитанная на различные возрастные категории. Основными составляющими системы каталогов и картотек были: алфавитный каталог, систематический каталога, состоящий из частей, каждая из которых была адресована конкретной возрастной группе (8–9 лет, 10–11, 12–14 лет). Отдельно от систематического каталога для детей велся систематический каталог для руководителей детского чтения, а систематическая картотека статей состояла из двух частей, первая из которых была ориентирована на взрослого пользователя, вторая предназначена для детей 10–14 лет [6, с. 175–181].

В юношеских же библиотеках не было деления по возрастам, не выделялась также в отдельный блок литература для руководителей юношества (педагогов, вожатых, комсомольских работников). Как правило, в юношеских библиотеках для читателей создавался алфавитный каталог, систематический каталог, систематическая картотека статей, тематические картотеки.

Вследствие этого создание единого справочно-поискового аппарата в традиционном, карточном выражении считаю нецелесообразным. Поэтому при формировании единого справочно-поискового аппарата акцент предлагается сделать на создании каталога с использованием автоматизированной информационно-библиотечной системы, т. е. электронного каталога.

В ближайшее время предстоит определить, каким образом трансформационные процессы влияют на функции библиотеки, выражаемые в миссии, расстановку приоритетов в основных направлениях работы, на кадровые ресурсы объединенной библиотеки, каким образом меняется видовая и отраслевая структура фондов, состав производимых продуктов и услуг.

Литература

1. Голубева Н. Л. Детская библиотека: современные проблемы развития: науч.-метод. пособие. – М.: Литера, 2009. – 160 с.
2. Организация и работа юношеских отделений библиотек: методическая консультация / Свердловская гос. публичная б-ка им. В. Г. Белинского; сост. А. К. Чернова. – Свердловск, 1966. – 20 с.
3. О библиотечном деле [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29 дек. 1994 г. – № 78-ФЗ // Гарант. Информационно-правовой портал. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/103585/> (дата обращения 04.04.2011).
4. Библиотечно-библиографическая классификация: таблицы для детских и школьных библиотек. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Либерейя-бибинформ, 2008. – 320 с.
5. Библиотечно-библиографическая классификация: рабочие таблицы для массовых библиотек. – М.: Либерейя, 1997. – 688 с.
6. Библиотека и юный читатель: практическое пособие / Рос. гос. б-ка; сост. Ю. В. Просалкова, Х. Д. Хамрукулова. – М.: Книжная палата, 1987. – 255 с.

М. Н. Демина

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ПОНЯТИЯ «ЭЛЕКТРОННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ»

Целью настоящей статьи является исследование возможностей применения метода терминологического анализа при изучении понятия «электронные информационные ресурсы». К числу основных задач исследования относится изучение основных этапов терминологического анализа.

Отличительной особенностью предлагаемого нами метода является то, что метод терминологического анализа базируется на предположении о том, что при использовании исследователями идей из других областей знания, происходит смена терминологического аппарата. Это связано с крупными структурными сдвигами, которые первоначально не отслеживаются никакими другими методами. Поэтому метод терминологического анализа позволяет выявить зарождение принципиальных инноваций на ранних этапах и спрогнозировать направленность ожидаемых изменений [14, с. 60].

Терминологический анализ складывается из четырех основных этапов.

Первый этап – целевое изучение терминов, составляющих тематическую группу, интересующую исследователя. Данный этап заключается в выявлении терминов и соответствующих им понятий, выделении базового (ключевого) термина и подчиненных ему. Уже на этом начальном этапе появляются замечания, предположения о неточности или нелогичности терминов и их определений [14, с. 62].

Например, терминологический анализ понятия «электронные информационные ресурсы» предполагает изучение понятий «ресурсы», «информационные ресурсы», «электронные ресурсы».

Для выявления терминов и определений нами использовались справочные издания, учебные издания, государственные стандарты, научно-методические пособия [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 29].

Второй этап исследования предполагает этимологический анализ, цель которого – выявление первоначального значения слова (или сочетания слов), ставшего термином. В процессе этимологического анализа слово, на основе которого образовался термин, рассматривается в языковой среде, послужившей его первоисточником. Это позволяет вскрыть древнее, глубинное содержание термина – отправную точку для исследования процесса его развития [14, с. 63].

Для определения этимологии понятий «ресурсы», «информационные ресурсы» и «электронные информационные ресурсы» мы обратились к «Историко-этимологическому словарю современного русского языка» и выяснили, что вышеперечисленных понятий нет в словаре, наиболее близким к ним оказалось понятие «информация». В русском языке слово «информация» известно с Петровской эпохи и обозначало оно «сообщение», «осведомление», «передача известия» [26, с. 355].

Далее мы выяснили, что прилагательное «электронный» является производным от существительного «электрон» – «элементарная частица с наименьшим отрицательным зарядом и наименьшей массой» [27, с. 445]. Таким образом, областью применения данного существительного является физика и для целей нашего исследования оно не подходит. В современном понимании прилагательное «электронный» стало

употребляться с развитием электроники, где оно обозначает: «основанный на использовании свойств электронов (в электронных телескопах, электронно-вычислительных машинах и т. д.)» [5, с. 1520].

Третий этап – исследование изменения терминов и отражаемых ими понятий от момента вхождения их в терминологическую систему исследуемой научной дисциплины до наших дней, т. е. изучение процесса формирования, развития понятий внутри науки. Превратившись в термин, слово становится частью исследуемой терминологической системы и внутри нее претерпевает эволюцию вместе с другими терминами, испытывает их влияние и, в свою очередь, действует на них. Также эволюционирует и зафиксированное в конкретном термине понятие.

Это значит, что изучать термин нужно во всех его связях и опосредованиях с учетом законов развития всей системы. Такой подход носит название контекстуального анализа. Он требует от исследователя умения определять характер употребления термина в текстах, написанных в разное время, уяснять специфическое его значение в языке конкретного произведения, обращать внимание и на смысловую и эмоциональную экспрессивность текстов. Важно учитывать, что в отдельные периоды термин может приобретать и так называемое дополнительное стилистическое значение [14, с. 64].

Так термин «электронные информационные ресурсы» может использоваться в значении «виртуальные информационные ресурсы» – «информационные ресурсы других организаций, предприятий, фирм и т. п., доступные пользователям в режиме теледоступа по каналам глобальной связи, например, Интернета [7, с. 18].

На *четвертом этапе* исследователь вновь возвращается к своей терминологической группе в целом и к каждому термину в отдельности, дает четкую формулировку каждому понятию [14, с. 64].

Нами было проанализировано 12 справочных изданий и выделено 5 определений понятия «ресурсы». Результаты терминологического анализа понятия «ресурсы» отражены нами в табл. 1.

В ходе анализа было установлено 3 области применения понятия «ресурсы»: общественные науки в целом, социология, экономика.

Дефиниции понятия «ресурсы» в соответствии с областью их применения

Область применения	Определение понятия «ресурсы»	Источники
Общественные науки в целом	Источники и предпосылки получения необходимых людям материальных и духовных благ, которые можно реализовать при существующих технологиях и социально-экономических отношениях. Р. подразделяются на три основные группы: - материальные; - трудовые, в т. ч. интеллектуальные; - природные (естественные)	2, 6, 8
Общественные науки в целом	Совокупность известных на данный момент средств и источников их получения, возможных и доступных для использования при решении определенных и непредвиденных задач в режиме обычных оптимальных и экстремальных условий безотносительно времени их использования	3
Социология	Денежные средства, ценности, запасы, возможности, источники средств дохода	12, 16, 17, 19, 21
Экономика	В широком смысле, средства, которые идут на производство товаров и услуг, в узком смысле – природные Р.	28, 29
Экономика	Объем производства (добычи) конкретного вида продукции, поступление его из других регионов России (для регионального уровня), ближнего и дальнего зарубежья, запасы на начало у производителей, оптовых предприятий и потребителей	4

Как свидетельствуют данные табл. 1, даже в пределах одной предметной области понятие «ресурсы» характеризуется многозначностью.

Далее были выделены операционные признаки в составе дефиниций. Под операционными признаками понимаются основные существенные характеристики, выраженные в определении понятия [15, с. 161]. В результате была выявлена частота встречаемости операционных признаков в исследуемом массиве определений (см. табл. 2).

**Частота встречаемости операционных признаков
определений понятия «ресурсы»**

Наименование категории	Операционный признак	Номер документа
Общественные науки в целом	Работа, роль, назначение, круг деятельности	2, 3, 6, 8
	Назначение, способность к действию, воздействию	2, 3, 6, 8
	Отношение трех групп объектов, изменение одного ведет к изменению другого	2, 6, 8
	Взаимосвязи отдельных частей в целом	2, 6, 8
	Отношение части к целому	2, 6, 8
Социология	Состав объекта	12, 16, 17, 19, 21
Экономика	Работа, назначение, круг деятельности	4, 28, 29
	Зависимость между компонентами единого производственного процесса	4, 28, 29

Как показал анализ, в различных источниках операционные признаки полностью или частично совпадают.

Понятие «ресурсы» является вышестоящим (родовым) для понятий «информационные ресурсы» и «электронные информационные ресурсы».

Рассмотрим понятие «информационные ресурсы» (ИР).

Данный термин начал широко использоваться в конце 1970 – начале 1980-х гг. в результате осознания растущей зависимости промышленно развитых стран, отдельных организаций и фирм от источников информации (технической, политической, военной и т. д.), а также от уровня развития и использования средств передачи и переработки информации. С ним связаны термины: национальные информационные ресурсы, информационные ресурсы территориально-административных образований, фирм (организаций), их подразделений и т. п. Результаты терминологического анализа понятия «информационные ресурсы» отражены нами в табл. 3.

**Дефиниции понятия «информационные ресурсы»
в соответствии с областью их применения**

Область применения	Годы	Определение понятия «информационные ресурсы»	Источники
Общественные науки в целом	1995–1999 гг.	Отдельные <i>документы</i> и отдельные <i>массивы документов</i> , документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, базах данных и др. информационных системах)	8, 9, 20, 25
Информационно-библиотечная деятельность	2001 г.	Основа деятельности учреждения или их совокупности (в основе документ)	24
Информационно-библиотечная деятельность	2002 г.	Имеющиеся в наличии запасы информации, зафиксированной на каком-либо носителе и пригодной для ее сохранения и использования. В узком понимании имеют в виду только сетевые ИР, доступные через компьютерные средства связи, а в широком – любую зафиксированную на традиционных или электронных носителях информацию, пригодную для сохранения и распространения	6, 22, 23
Информационно-библиотечная деятельность	2004–2006 гг.	Собирательное понятие для информационных объектов	1, 13, 18

Таким образом, границы понятия ИР в настоящее время четко не установлены. Так, некоторые дефиниции и, следовательно, ученые включают в его толкование также степень профессиональной подготовки общества или его части, а также способность воспроизводить и использовать ИР. Другие ограничивают ИР только совокупностью зафиксированных в документах и данных сведений, «представляющих ценность для учреждения (предприятия)» или другого владельца ИР. Однако в последнем случае в понятие ИР не включены также средства передачи и переработки информации [7, с. 17].

Результаты анализа частоты встречаемости операционных признаков понятия «информационные ресурсы» представлены нами в табл. 4.

Таблица 4

**Частота встречаемости операционных признаков
определений понятия «информационные ресурсы»**

Наименование категории	Годы	Операционный признак	Источники
Общественные науки в целом	1995–1999 гг.	Состав объекта	9, 20, 25
		Роль социального института	9, 20, 25
Информационно-библиотечная деятельность	2001 г.	Работа, круг деятельности	24
	2002 г.	Состав объекта	6, 22, 23
		Работа, назначение	6, 22, 23
		Внешние проявления свойств	6, 22, 23
	2004–2006 гг.	Состав объекта	1, 13, 18

Таблица 4 показывает, что изменились основные существенные характеристики, выраженные в определении понятия «информационные ресурсы».

Результаты терминологического анализа понятия «электронные информационные ресурсы» представлены нами в табл. 5.

Таблица 5

**Дефиниции понятия «электронные информационные ресурсы»
в соответствии с областью их применения**

Область применения	Определение понятия «электронные информационные ресурсы»	Источники
Информационно-библиотечная деятельность	Новый вид информационной продукции на новых нетрадиционных физических носителях. Это материалы, управляемые компьютером. По виду электронные ресурсы делятся на электронные данные и электронные программы или их сочетание	11
Информационно-библиотечная деятельность	Совокупность <i>данных</i> , организованных для эффективного получения достоверной информации	9
Информационно-библиотечная деятельность	Электронные данные (информация в виде чисел, букв, символов или их комбинаций), электронные программы (наборы операторов или подпрограмм, обеспечивающих выполнение определенных задач, включая обработку данных) или сочетание этих видов в одном ресурсе	10

Итак, можно сделать вывод, что понятие «электронные информационные ресурсы» еще не является устоявшимся понятием и находится в динамике.

Результаты анализа частоты встречаемости операционных признаков понятия «электронные информационные ресурсы» показывают, что основным операционным признаком является «состав объекта». Рабочим определением в диссертационном исследовании принято следующее: «электронные информационные ресурсы – это электронные данные, электронные программы или сочетание этих видов в одном ресурсе» [10].

Таким образом, исследование понятия «электронные информационные ресурсы» показало преимущества применения метода терминологического анализа в информационно-библиотечной деятельности, поскольку метод имеет ряд достоинств: носит эксплицитный (явный, открыто выраженный характер), понятен и взаимосвязан с другими научными методами.

Литература

1. Антопольский А. Б. Информационные ресурсы России: науч.-метод. пособие. – М.: ЛИБЕРЕЯ, 2004. – 424 с.
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 08.02.2011).
3. Большая энциклопедия: в 62 т. – М.: ТЕРРА, 2006. – Т. 41. – 592 с.
4. Большой толковый словарь официальных терминов: более 8000 терминов / сост. Ю. И. Фединский. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», ООО «Транзиткнига», 2004. – 1165 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
6. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 08.02.2011).
7. Воройский Ф. С. Информатика. Энциклопедический систематизированный словарь-справочник: введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах. – М.: Физматлит, 2006. – 945 с.
8. Глоссарий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.glossary.ru (дата обращения: 08.02.2011).

9. ГОСТ 7.0-99. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gosthelp.ru (дата обращения: 02.02.2011).
10. ГОСТ 7.82-2001 Библиографическая запись. Библиографическое описание электронных ресурсов. Общие требования и правила составления [Электронный ресурс]. – Минск. – Режим доступа: <http://ru.wikisderce.org/wiki/> (дата обращения: 08.02.2011).
11. ГОСТ 7.83-2001. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения // Стандарты по библиотечно-информационной деятельности / сост. О. М. Зусьман. – СПб.: Профессия, 2003. – С. 462–475.
12. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. – М.: Эксмо, 2010. – 864 с.: ил.
13. Майстрович Т. В. Электронный документ как компонент библиотечного фонда: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М.: РГБ, 2005. – 48 с.
14. Меркулова А. Ш. Метод терминологического анализа и операционализации понятий // Методы информационно-аналитической деятельности: науч.-практ. сб. / науч. ред. И. С. Пилко. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. – С. 59–71.
15. Меркулова А. Ш. Функциональный анализ лингвистических средств библиотечной технологии (на примере областных библиотек разных типов): дис. ... канд. пед. наук. – Кемерово, 2005. – 236 с.
16. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В. И. Бородулин и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 912 с.: ил.
17. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия; Рипол Классик, 2000. – 1456 с.: ил.
18. Пилко И. С. Информационные и библиотечные технологии: учеб. пособие. – СПб.: Профессия, 2006. – 342 с. (Серия «Библиотека»).
19. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – Кн. 2. – 2015 с.: ил.
20. Словарь юридических терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vedomosti.ru (дата обращения: 03.03.2011).
21. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. Г. В. Осипов. – Изд. гр. ИНФРА-М., НОРМА, 1998. – 488 с.
22. Справочник библиографа / науч. ред. А. И. Ванеев, В. А. Минкина. – СПб.: Профессия, 2002. – 527 с.

23. Справочник информационного работника / науч. ред. Р. С. Гиляревский, В. А. Минкина. – СПб.: Профессия, 2005. – 552 с. (Серия «Библиотека»).
24. Столяров Ю. Н., Кушнарченко Н. Н. Документный ресурс: учеб. пособие. – М.: Либерия, 2001. – 141 с.
25. Федеральный закон Российской Федерации «Об информации, информатизации и защите информации»: Принят Гос. Думой 25 янв. 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.relcom.ru (дата обращения: 14.03.2011).
26. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 8-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – Т. 1. – 622 с.
27. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 8-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – Т. 2. – 560 с.
28. Экономика и право: энциклопедический словарь Габлера. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 432 с.
29. Экономическая энциклопедия / гл. ред. Л. И. Абалкин. – М.: ОАО «Изд-во “Экономика”», 1999. – 1055 с.

Е. В. Косолапова

**ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ
В СФЕРЕ МЕДИАПОДГОТОВКИ ГРАЖДАН К ЖИЗНИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ
В ЗЕРКАЛЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ПОТОКА**

Подготовку человека к жизни в информационном обществе можно условно разделить на медиаподготовку и информационную подготовку, которые в свою очередь делятся еще на множество подвидов: медиаграмотность, медиакомпетентность, медиакультура, информационная грамотность, информационная компетентность, информационная культура и др.

4–6 ноября 2010 г. в г. Бангкоке (Таиланд) состоялось первое Соповещение международной группы экспертов по проблемам разработки индикаторов медиа и информационной грамотности, проведенного Сектором коммуникации и информации ЮНЕСКО, Институтом статистики ЮНЕСКО и Бюро ЮНЕСКО. Главной особенностью совещания стало

то, что по инициативе ЮНЕСКО впервые на международном уровне проблемы формирования информационной грамотности и медиаграмотности, а также разработки соответствующих индикаторов, характеризующих готовность человека к полноценной жизни в информационном обществе, обсуждались экспертами из обеих сфер (медиаграмотности и информационной грамотности), не порознь, а в комплексе, за одним «круглым столом» [1].

На данном совещании обсуждалась возможность и обоснованность разработки единой системы показателей по медиаинформационной грамотности, выявления сходства и различий понятий «медиаграмотность» и «информационная грамотность».

Таким образом, **актуальность** рассматриваемой проблемы обусловлена отсутствием терминологического единства, отражающего суть понятий, содержащих весь спектр информационной подготовки человека к жизни в информационном обществе.

Цель исследования – изучение отражения понятийно-терминологического аппарата по медиаподготовке в содержании документального потока публикаций за 1990–2010 гг.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

- выявление центров медиаисследований в России;
- изучение документального микропотока авторефератов диссертаций по медиаподготовке, защищенных в 1990–2010 гг.;
- анализ содержания базовых понятий «медиакультура», «медиаграмотность», «медиакомпетентность», «медiateкст», извлеченных из отечественных публикаций по медиаподготовке;
- создание рабочих определений понятий «медиакультура», «медиаграмотность», «медиакомпетентность», «медiateкст».

В России проблемами медиаподготовки и медиаобразования занимались и занимаются многие ученые (Ю. Н. Усов, А. В. Шариков, Л. С. Зазнобина, К. М. Тихомирова, Г. А. Поличко, С. Н. Пензин, Н. Ф. Хилько и др.). Широкую известность в стране получила научная школа под руководством профессора А. В. Федорова, г. Таганрог [2, 3, 5]. Он же является президентом Российской ассоциации медиаобразования, которая имеет свой журнал «Медиаобразование» и сайт (<http://www.medigram.ru/>). По данным А. В. Федорова, «к началу XXI в.

в регионах России возникло несколько сильных научных школ, центров медиаобразования (Таганрог, Белгород, Екатеринбург, Сибирь и др.), генерировавших ряд новых диссертационных исследований» [4, с. 72].

Нами был проанализирован документальный поток отечественных публикаций по медиаподготовке, который включал авторефераты диссертаций, монографии, научные статьи, электронные ресурсы.

В процессе исследования был рассмотрен микропоток авторефератов диссертаций по медиаподготовке, защищенных в РФ с 1990 по 2010 гг. Общий объем данного микропотока составил 124 названия.

Объектом анализа явились библиографические описания авторефератов диссертаций. Формализованный анализ библиографических описаний авторефератов диссертаций осуществлялся по следующим параметрам: год, место защиты (город), научная специальность.

Распределение диссертаций по годам свидетельствует о том, что минимальное количество защит (1 диссертация в год) приходится на 1991 г., а максимальное (17 диссертаций) – на 2008 г. В среднем в год за период с 1990 по 1998 гг. защищалось по 2 диссертационные работы, а с 1999 по 2010 гг. – по 6–7 диссертаций.

Распределение диссертаций по научным центрам свидетельствует, что максимальное количество диссертационных работ были выполнены в таких научных центрах, как Москва (44,4 %), Санкт-Петербург (8,9 %), Ростов-на-Дону (7,2 %).

Анализ распределения диссертаций по научным специальностям показал, что наибольшее количество защищенных диссертаций приходится на следующие научные специальности: 13.00.00 «Педагогические науки» – 59 %, 10.00.00 «Филологические науки» – 17 %, 09.00.00 «Философские науки» – 6 %. В целом спектр научных специальностей занимающихся медиаподготовкой достаточно широкий и включает помимо указанных выше политические, технические, экономические науки.

Анализ заглавий авторефератов диссертаций позволил выявить категории обучающихся, на которые направлена медиаподготовка. Наибольшее количество диссертаций посвящены медиаподготовке в системе общего и вузовского образования. Распределение авторефератов, соотнесенное со ступенями образования, представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение авторефератов диссертаций по ступеням образования

Ступень образования	Количество авторефератов диссертаций
Дошкольное образование	1
Общее образование	35
<i>Начальное общее образование</i>	3
<i>Основное общее образование</i>	9
<i>Среднее (полное) общее образование</i>	6
Специальное образование:	20
<i>Высшее профессиональное образование</i>	20
<i>Среднее специальное образование</i>	0

Как видно из приведенной таблицы, в диссертациях остаются практически не затронутыми проблемы медиаподготовки в дошкольном и среднем специальном образовании.

Помимо формальных показателей нами изучалась тематика диссертаций. Тематический анализ позволил выявить основные ключевые понятия, по которым осуществлялась защита диссертационных работ. Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение авторефератов диссертаций по тематике

Тематика	Количество авторефератов диссертаций
СМИ и система образования	43
Теория медиа	31
Медиаобразование (медиаобразованность)	26
Медиатексты	9
Медиакультура	5
Медиатеки, медиacentры	3
Медиаграмотность	2
Медиакомпетентность	2

Как указано в данной таблице, наибольшее количество работ распределилось по группам «Средства массовой информации и система об-

разования», «Теория медиа», «Медиаобразование (медиаобразованность)». Для более детального изучения нами были выделены четыре основных ключевых понятия, отражающих содержательную сторону процесса медиаподготовки: «медiateксты», «медиакультура», «медиаграмотность», «медиакомпетентность».

Далее нами был проведен углубленный анализ определений данных понятий на основе полных текстов авторефератов диссертаций, научных статей, монографий и электронных ресурсов. Количество отобранных определений понятий составило: «медиаграмотность» – 28, «медиакомпетентность» – 14, «медиакультура» – 18, «медiateкст» – 22. В ходе анализа была выявлена большая разнородность определений, отсутствие единого понятийного аппарата. Поэтому, был проведен структурно-семантический анализ определений с использованием законов формальной логики и были выделены категории, с помощью которых определяются понятия.

Данные проведенного категориального анализа определений понятия «медиаграмотность» представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Категории, с помощью которых дается определение понятия
«медиаграмотность»**

№ п/п	Категория (вышестоящее понятие)	Кол-во
1.	Способность использовать, анализировать, оценивать и передавать медиа-сообщения (компетентность)	10
2.	Умение	7
3.	Результат медиаобразования, часть понятия «медиаобразование»	6
4.	Без указания категории	3
5.	Процесс (движение)	2
6.	Навыки	2
7.	Показатель развития медиакультуры	1
8.	Овладение знаниями	1

Учитывая приведенные в таблице данные, в ходе структурно-семантического анализа определений, было выявлено, что ни одно из них не является достаточно полным. В связи с этим нами была предпринята

попытка создать рабочее определение понятия «медиаграмотность». Медиаграмотность (англ. *medialiteracy*) – это результат медиаобразования, умение использовать, оценивать, критически анализировать, создавать и передавать сообщения (медiateксты) в различных формах с помощью медиасредств с целью формирования критического мышления человека.

Затем были рассмотрены существующие определения понятия «медиакомпетентность» (см. табл. 4).

Таблица 4

**Категории, с помощью которых дается определение
понятия «медиакомпетентность»**

№ п/п	Категория	Кол-во
1.	Совокупность мотивов, знаний, умений, способностей, способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медiateкстов	4
2.	Умение анализировать, оценивать медiateкст	3
3.	Способность... к действию по отношению к медиа	1
4.	Осмысленное овладение знаниями, способами мышления, нравственными нормами, которые позволяют реализовать себя в мире медиаинформации	1
5.	Критическое и вдумчивое отношение к медиа	1
6.	Сложное личностное образование	1
7.	Компетентность в восприятии, создании и передаче сообщений	1

Из данной таблицы видно, что понятие «медиакомпетентность» чаще всего определяется как «совокупность мотивов, знаний, умений, способностей, способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медiateкстов», что схоже с трактовкой понятия «медиаграмотность».

В связи с разнородностью проанализированных нами определений, было сконструировано рабочее определение понятия «медиакомпетентность». Медиакомпетентность (англ. *media competence*) – совокупность способностей, мотивов, знаний и умений воспринимать, критически анализировать, использовать, создавать медiateксты в различных видах, формах и жанрах, с целью подготовки и реализации личности в мире информации.

Переходя к анализу понятия «медиакультура», представленному в табл. 5, также можно отметить отсутствие единства и многообразие толкований данного понятия.

Таблица 5

Категории, с помощью которых дается определение понятия «медиакультура»

№ п/п	Категория	Кол-во
1.	Система воспроизводства материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа	4
2.	Знаковая система для передачи информации об окружающем человеке мире	4
3.	Особый тип культуры информационной эпохи	4
4.	Совокупность информационно-коммуникационных средств	4
5.	Совокупность материальных и интеллектуальных ценностей	2
6.	Культура взаимодействия человека с медиатехнологиями	2
7.	Показатель уровня развития личности	2
8.	Умения художественно-творческой деятельности, восприятия, анализа медиатекста	1
9.	Синтез технической революции и культуры модерна	1
10.	Совокупность книжной (печатной), аудиальной, визуальной и аудиовизуальной культур	1

Отсутствие единой точки зрения в формулировке определения понятия «медиакультура» обусловило создание рабочего определения. Медиакультура – система информационно-коммуникационных средств, материальных и интеллектуальных ценностей, выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности, обладающей умением, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания посредством медиа.

Детальный анализ определений понятий выявил, что общим компонентом, объединяющим все три понятия («медиаграмотность», «медиакомпетентность», «медиакультура»), является понятие «медиатекст». В связи с этим был проведен категориальный анализ определений понятия «медиатекст», результаты которого представлены в табл. 6.

**Категории, с помощью которых дается определение
понятия «медiateкст»**

№ п/п	Категория	Кол-во
1.	Текст, сообщение... в медийной форме	8
2.	Разновидность художественного (синтетического) текста	3
3.	Диалектическое единство языковых и медийных признаков	2
4.	Сложная полифункциональная гетерогенная система	2
5.	Форма аккумуляции духовного бытия нации	1
6.	Целостное единое виртуальное пространство	1
7.	Информация, передаваемая по каналам СМИ	1
8.	Произведение речи, ориентированное на формирование политического дискурса в системе СМИ	1
9.	Основная единица структурной организации медиакартины мира	1
10.	Сложная поливидовая и полижанровая структура организованная через систему элементов – визуальных и звуковых (вербальные, музыкальные, шумовые)	1
11.	Совокупность печатных текстов	1
12.	Искусство средств социальной коммуникации	1

Из данной таблицы видно, что понятие «медiateкст» чаще всего определяется через категорию «текст, сообщение... в медийной форме».

Детальное рассмотрение содержания анализируемых нами публикаций позволило выделить формализованные признаки медiateкста:

- Наличие вербальной и невербальной части;
- Ориентированность на массовую аудиторию;
- Множественность носителей информации.

Проведенный анализ показал, что понятие «медiateкст» является ключевым в формировании понятийно-терминологического аппарата медиаподготовки, следовательно оно требует более детальной и глубокой аналитической переработки. Нами было сформулировано рабочее определение понятия «медiateкст». Медiateкст – текст, предназначенный для массовой аудитории и состоящий из двух разнородных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык), размещенный на разных носителях, обладающий актуальным для общества содержанием. Это понятие требует дополнительной доработки и уточнения, чтобы вы-

делить специфику медиатекста, который имеет две части: вербальную и невербальную. Рассмотрение и анализ вербальной части медиатекста является прерогативой как медиаподготовки, так и информационной подготовки, в то время как анализ специфики невербальной части медиатекста относится исключительно к сфере медиаподготовки.

Данная статья отражает лишь промежуточные результаты исследования. Цель дальнейшего исследования – поиск ответа на ряд вопросов: является ли невербальная часть медиатекста предметом анализа информационной подготовки; какова специфика работы с медиатекстом, его вербальной и невербальной составляющей при обучении информационной грамотности и основам информационной культуры личности? Для этого нами планируется предпринять компонентный анализ понятий «информационная грамотность», «информационная культура», «информационная компетентность», что позволит сравнить два направления информационной подготовки человека к жизни в информационном обществе.

Литература

1. Гендина Н. И. Индикаторы медиа- и информационной грамотности и проблемы их разработки: первое международное совещание ЮНЕСКО // Библиосфера. – 2011. – № 1. – С. 88–89.
2. Федоров А. В. Медиаобразование: вчера и сегодня. – М., 2009. – 234 с.
3. Федоров А. В. Медиаобразование: социологические опросы. – Таганрог: Изд-во Кучма, 2007. – 228 с.
4. Федоров А. В. Научные исследования в области медиаобразования в России (1960–2008) // Инновации в образовании. – 2009. – № 3. – С. 53–117.
5. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность: учеб. пособие для вузов. – Таганрог, 2004. – 319 с.

Н. В. Лисовенко

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ НА ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Отличительные для конца XX – начала XXI в. изменения в характере образования – в его направленности, целях, содержании – все более явно ориентируют его на «свободное развитие человека», на творческую

инициативу, самостоятельность обучаемых, конкурентоспособность, мобильность будущих специалистов. Это новый, информационный этап развития общества.

Вхождение человечества в эпоху информационного общества характеризуется не только стремительным развитием телекоммуникационных систем и информационно-коммуникационных технологий, но и созданием качественно новой информационной среды жизнедеятельности. Все большее число людей оказывается вовлеченным в информационное взаимодействие не только как пассивные потребители информации, но и как производители информационных ресурсов и услуг. Информационное общество прочно ассоциируется с «высокими технологиями». От человека в таком обществе требуется способность к творчеству, возрастает спрос на знания, которые являются главным фактором продуктивной профессиональной и повседневной жизни человека. В связи с этим на современном этапе развития возрастает роль информационной культуры личности.

По мнению д. п. н., профессора Н. И. Гендиной, информационная культура личности – одна из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий. Является важнейшим фактором успешной профессиональной и непрофессиональной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе [1, с. 29].

Для того чтобы личность развивалась, необходима мотивация на изучение информационной культуры. Но мотивация возникает только тогда, когда человек понимает необходимость и ценность осуществляемой им деятельности. Поэтому необходимо сформировать систему ценностных ориентаций личности в области информационной культуры, результатом которой станет мотивация студентов на ее освоение.

По мнению А. Г. Здравомыслова, ценностные ориентации – важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, совокупностью его переживаний и ограничивающие значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного [Цит. по: 4, с. 43].

Ценностные основы информационной культуры характеризуются как особая аксиологическая и смысло-жизненная категория, определяющая социально ответственное поведение личности в информационной среде. Осмысление обществом ценностных основ информационной культуры способствует благоприятному общественному прогрессу, успешной социализации личности и быстрой адаптации к динамично изменяющейся профессиональной и жизненной действительности, к ее развитию.

На сегодняшний день влияние информационной культуры личности на ценностные ориентации студентов не вполне ясно. Это доказывает исследование, которое проводилось в течение 2009–2010 учебного года со студентами Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

В исследовании принимали участие студенты 2–4 курсов специальности «Социальная педагогика». Всего в исследовании приняло участие 112 студентов.

В связи с тем, что в научно-педагогической литературе недостаточно исследованы проблемы диагностики влияния информационной культуры личности на ценностные ориентации студентов, возникает необходимость адаптации существующих методик по оценке ценностных ориентаций к информационной культуре личности. Для определения влияния информационной культуры личности на ценностные ориентации студентов были взяты следующие базовые методики:

1. «Методика ценностных ориентаций М. Рокича» [2, с. 25].
2. «Ценностные ориентации» (методика разработана О. И. Мотковой, Т. А. Огневой) [3].

На их основе были разработаны две адаптированные методики «Влияние информационной культуры личности на ценностные ориентации студентов».

1. Методика направлена на изучение ценностных ориентации личности, посредством выбора терминальных и инструментальных ценностей. Методика основана на прямом ранжировании списка ценностей. М. Рокич различает два класса ценностей: терминальные – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является пред-

почтительным в любой ситуации. В процессе проведения вышеназванной методики студентам были предложены карточки с ценностями, на формирование которых влияет информационная культура личности. Задачей являлось расположить карточки по порядку, начиная от самой значимой ценности.

Ранжирование студентами терминальных ценностей

1. Жизненная мудрость.
2. Уверенность в себе.
3. Развитие.
4. Активная деятельностная жизнь.
5. Материально обеспеченная жизнь.
6. Познание.
7. Продуктивная жизнь.
8. Интересная работа.
9. Общественное признание.
10. Счастье других.
11. Конкуренентоспособность.
12. Управление самообразованием.
13. Творчество.

Ранжирование студентами инструментальных ценностей

1. Образованность.
2. Независимость.
3. Ответственность.
4. Рационализм.
5. Твердая воля.
6. Самоконтроль.
7. Смелость в отстаивании мнения.
8. Широта взглядов.
9. Эффективность в делах.
10. Исполнительность.
11. Социальная активность.
12. Умение осуществлять коммуникации.
13. Высокие запросы.

Влияние информационной культуры на ведущие ранги в иерархии терминальных ценностей студентов занимают индивидуальные ценности: уверенность в себе, активная деятельностная жизнь, материально

обеспеченная жизнь. Далее следуют абстрактные ценности: развитие, продуктивная жизнь, управление самообразованием и пассивные ценности: жизненная мудрость, общественное признание. В нижней части иерархии влияния информационной культуры личности на ценностные ориентации студентов расположились ценности личной жизни и ценности профессиональной самореализации: познание, интересная работа, конкурентоспособность. Замыкают иерархию ценностей студентов: творчество и счастье других.

Таким образом, в иерархии влияния информационной культуры личности на ценностные ориентации студентов можно выделить несколько содержательных блоков ценностей, образующих последовательность: индивидуальные ценности, абстрактные ценности, пассивные ценности, ценности личной жизни, ценности профессиональной самореализации.

Ведущие ранги в иерархии влияния информационной культуры личности на инструментальные ценности студентов принадлежат ценностям профессиональной самореализации и альтруистическим ценностям: образованность, ответственность, исполнительность. Далее выделяются ценности самоутверждения и ценности межличностного общения: независимость, твердая воля, самоконтроль, смелость в отстаивании мнения, широта взглядов, эффективность в делах, социальная активность, умение осуществлять коммуникации. Завершают иерархию инструментальных ценностей студентов: рационализм и высокие запросы.

Таким образом, ведущими инструментальными ценностями для студентов являются ценности профессиональной самореализации и альтруистические ценности. Данная группа ценностей является важной для успешного формирования информационной культуры личности. Но следует заметить, что ценности самоутверждения и межличностного общения, не менее важны в данном процессе.

2. Методика направлена на определение уровня значимости и реализации влияния информационной культуры личности на ценности студентов с последующим анализом их соотношения. А так же оценка влияния причин на реализацию ценностных ориентаций студентов. Студентам был предложен перечень ценностей, значимость которых возрастает с повышением уровня информационной культуры личности. Задача заключалась в том, что бы оценить каждую ценность по определенному

параметру. Был изучен процент значимости влияния информационной культуры личности на ценности студентов и процент их реализации (см. рис. 1). Кроме того, проанализированы факторы, влияющие на реализацию этих ценностей (см. рис. 2).

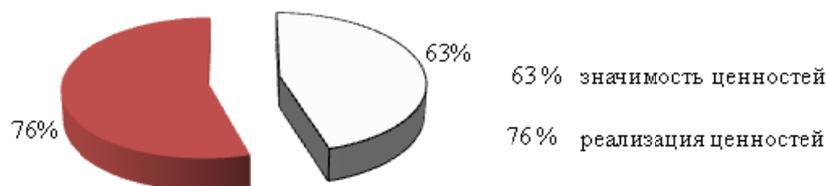

Рис. 1. Диаграмма значимости и осуществления ценностных ориентаций студентов относительно информационной культуры личности

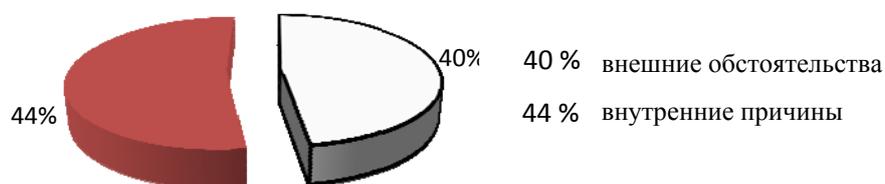

Рис. 2. Диаграмма оценки влияния информационной культуры личности на реализацию ценностных ориентаций студентов

В процессе проведения данной методики студентам был предложен список ценностей в области информационной культуры личности. Перед студентами была поставлена задача оценить ценности относительно значимости и реализации. Кроме того, выяснить какие обстоятельства влияют на реализацию предложенных ценностей студентами.

В результате анализа полученных данных можно сделать вывод, что значимость влияния информационной культуры личности на ценности у студентов составляет (76 %). Это свидетельствует о том, что студенты в полной мере не осознают значимости влияния информационной

культуры личности в профессиональной и повседневной жизни. Овладение информационной культурой личности способствует подготовке студентов к жизни в профессиональной деятельности в высокоразвитой информационной среде, самостоятельному действию в этой среде, эффективному использованию ее возможностей и защиты личности от негативных воздействий среды. Следует отметить, что в первую очередь студенты связывают владение информационной культурой личности с возможностью осуществлять коммуникации в социальных сетях со своими друзьями и родственниками. Шкала осуществления студентами ценностей имеет показатель 63 %. Уровень по осуществлению ценностей несколько ниже, чем по значимости. Это означает, что студенты осознают значение влияния информационной культуры личности на ценностные ориентации.

Что касается показателей оценки влияния на реализацию ценностных ориентаций студентов, предпочтение отдано внутренним причинам (44 %). Безусловно, это свидетельствует об осознании студентами самостоятельной работы по освоению информационной культуры личности. Но в то же время имеет место высокий показатель по шкале внешних обстоятельств (40 %). Внешние обстоятельства в реализации ценностных ориентаций студентов включают в себя: природные данные и собственные усилия студентов.

Исходя из анализа результатов, полученных по данной методике, можно сделать вывод, что студенты завышают свои способности в области информационной культуры личности, в то же время стремятся ее освоить, но в не достаточной мере.

Проведенные исследования показывают, что студенты не в полном объеме осознают важность информационной культуры личности в процессе образования, а некоторые даже не понимают ее сущности. Ценностные ориентации могут способствовать результативному формированию информационной культуры личности, поскольку личность не будет развиваться в условиях информационного общества без мотивации и целей, поставленных человеком перед собой.

Литература

1. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях / Н. И. Гендина [и др.]. – М., 2002. – 288 с.

2. Карелин А. А. Психологические тесты. – М.: ВЛАДОС, 2000. – Т. 1. – 270 с.
3. Мотков О. И., Огнева Т. А. Методика «Ценностные ориентации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psychology.rsuh.ru> (дата обращения 11.10.2010).
4. Руднева Е. Л. Теоретические основы формирования жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студентов: монография. – Кемерово, 2002. – 302 с.

Е. В. Поом

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПРАКТИКЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Процессы глобализации, динамизм современной общественной жизни требуют формирования у молодого поколения пластичного мышления, высокой коммуникативной культуры, повышения социальной мобильности. Поэтому формирование активной самостоятельной личности, готовой брать на себя ответственность, принимать решения, уважать достоинство каждого провозглашается как главная цель, достижению которой подчинены системы образования и воспитания. Главной чертой востребованной в современном обществе личности является активность – социальная, гражданская, политическая и т. д. Говоря другими словами, современное общество нуждается в социализированной и субъективированной личности.

Социализация личности – это процесс усвоения индивидом образцов поведения, социальных норм и ценностей, необходимых для его успешного функционирования в обществе. Социализация – это процесс формирования социальных качеств, свойств, умений, которые позволяют человеку жить в обществе, контактировать с другими людьми, выполнять различные виды общественной деятельности.

По своему содержанию социализация – это двусторонний процесс. С одной стороны, он состоит в передаче обществом исторического опыта, знаний, ценностей, норм, а с другой – в их усвоении индивидом. Социализация играет огромную роль в жизни общества, и отдельно взятой личности. От успеха социализации зависит, насколько личность, усвоив существующие в данном обществе ценности и нормы поведения, смогла

реализовать себя, проявить свои способности и таланты. Для общества успех процесса социализации является своеобразной гарантией того, что новые поколения усвоили опыт и знания старших поколений и смогут занять их место в системе социальных связей [1].

Субъективация – процесс преобразования всех видов социального опыта (знания о мире, опыта творческой деятельности и эмоционально-ценностного отношения) из сферы объективного знания в личностную смысловую сферу человека. Результатами субъективации являются развитие человека как субъекта жизнедеятельности, появление новых субъективных качеств личности, которые складываются в процессе целеполагающей деятельности [1].

Современное образование по ряду объективных и субъективных причин не имеет оптимальной системы развития и формирования данных аспектов развития личности. Отвечая на это требование времени, библиотека становится не только учреждением, где можно взять во временное пользование книги, почитать журналы и газеты, но прежде всего просветительно-информационным и культурным центром с широким спектром разнообразных услуг.

Коммуникативная составляющая деятельности библиотеки направлена на развитие вышеназванных качеств и компетенций личности, позволяющих самостоятельно овладевать новыми знаниями и видами деятельности, свободно общаться посредством языковых средств и современных информационных технологий. В ассортименте коммуникативно-ориентированной массовой работы библиотеки, в ее образовательных и досуговых услугах ведущую роль играют устные формы библиотечной деятельности, проходящие интерактивно с использованием импровизационных и эвристических методов. Следует отметить, что в библиотечной науке нет единого, всеми признанного определения коммуникативно-направленной деятельности, но наиболее часто к ней относят, во-первых, общение библиотекаря и читателя, во-вторых, их совместную деятельность по созданию, хранению, распространению освоению культурных ценностей посредством коммуникативных библиотечных технологий.

Библиотечная технология – это система методов и средств производства продуктов и услуг, востребованных обществом, с наименьшими для данных условий и времени затратами [2]. Библиотечная технология отражает конкретно-исторические изменения содержания и предмета

труда; она изменялась в направлении от преобладания процессов сбора документов к аналитическим и коммуникативным процессам. Следовательно, коммуникативные библиотечные технологии – это система целенаправленного влияния на читательскую деятельность в контексте его жизнедеятельности с целью становления личности читателя, формирования потребности в усвоении новых знаний и более совершенных читательских и коммуникативных умений, а также обеспечение библиотекарем проявлений творческой и читательской активности и удовлетворения от процесса общения и чтения. Из широкого спектра всей культурно-досуговой деятельности (массовой работы) для исследования были выбраны устные мероприятия как наиболее значимая составляющая библиотечной работы.

Монолог, диалог, полилог – формы библиотечных устных мероприятий.

Монологическое (традиционное) мероприятие – форма библиотечной деятельности, направленное на удовлетворение общих, недифференцированных информационно-культурных потребностей населения [3]. Непосредственной реакции собеседника на то, что говорится, монологическое мероприятие не предполагает.

Диалоговое мероприятие – форма библиотечной деятельности, направленная на максимальное стимулирование читательской активности, посредством свободного обмена мнениями, репликами, впечатлениями [4].

Полилоговое мероприятие – форма библиотечной деятельности, в которой происходит групповое обсуждение какой-либо темы (политическое событие, спектакль, литературное произведение, спортивное соревнование и т. д.). Оно не противопоставление диалогу, но формальная и смысловая связь реплик в полилоге более сложна и свободна: она колеблется от активного участия говорящих в общей беседе до безучастности некоторых из них [4].

Эвристическое мероприятие – форма творческого поиска, открытия нового при помощи вопросно-ответного общения, при котором не происходит передача готовых знаний, а посредством вопросов на основе уже имеющихся знаний, наблюдений, личного жизненного опыта осуществляется «подводка» к новым понятиям, выводам и правилам [5].

В то же самое время, несмотря на всеми признанную значимость коммуникативных форм деятельности библиотеки, в библиотечных ис-

следованиях, как правило, пристально изучается аспект чтения – не чтения современных детей, подростков и юношества, или же изучаются проблемы взаимопонимания в процессе общения библиотекаря и читателя. Но опыт, накопленный библиотеками в формировании коммуникативных навыков детей и подростков, до сих пор не изучен.

Цель настоящего исследования: выявление и обоснование форм коммуникативно-направленной деятельности библиотек, способствующих социализации и субъективизации личности.

В рамках исследования был проведен количественный анализ культурно-досуговой деятельности ряда муниципальных библиотек города Кемерово, работающих с детьми и подростками (3 библиотеки, входящие в состав МАУК «МИБС»), за последние 5 лет (с 2006 по 2010 гг.). Полученные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Количественное распределение устных массовых мероприятий муниципальных библиотек г. Кемерово 2006–2010 гг.

Год	Количество устных мероприятий	% традиционных (монологических) мероприятий	% диалоговых мероприятий	% эвристических мероприятий
2006	201	59 %	31 %	10 %
2007	211	54 %	31 %	15 %
2008	225	53 %	34 %	13 %
2009	237	46 %	31 %	23 %
2010	252	40 %	33 %	27 %

Таким образом, из приведенной выше таблицы видно, что существует некоторый прирост мероприятий эвристической направленности (17 %) и диалоговых мероприятий (2 %). Количество традиционных (монологических) устных мероприятий имеет тенденцию к снижению. Диалоговые и эвристические мероприятия делают читателей и библиотекарей участниками совместной коммуникативной деятельности и отвечают потребности личности к саморазвитию, помогают в нем, призывают к нему, но не обязывают и не принуждают.

Наблюдение за читателями/пользователями показывает, что более интересными и востребованными являются интерактивные мероприятия импровизационного, эвристического характера, но именно эти формы

работы не имеют методических и технологических разработок, что затрудняет их распространение и воспроизведение. Противоречие между потребностью личности читателя в самореализации и существующими условиями его развития в библиотеке побудило к разработке методики, включающей личностные и творческие цели.

Эвристика – термин происходит от греческого «heurésko» – отыскиваю, открываю, т. е. – «я отыскиваю», «я открываю». Ценность эвристического мероприятия состоит в моменте открытия, которое совершает человек в процессе решения разного рода задач.

Эвристические методы (другое название эвристики) позволяют ускорить процесс решения задачи. В Древней Греции под эвристикой понимали способ обучения, практикуемый Сократом, когда учитель приводит ученика к самостоятельному решению какой-либо задачи, задавая ему наводящие вопросы.

Формы и методы эвристического взаимодействия – это те, основной задачей которых является создание новых результатов – продуктов: идей, сочинений, исследований, поделок, конкурсов, художественных произведений и др. [6].

Примерная схема эвристического мероприятия такова:

- демонстрация эвристического мышления;
- постановка эвристического задания;
- обучение эвристическому мышлению;
- решение задания;
- рефлексия.

Эвристические мероприятия включают в себя задание на собственное творчество учащихся. Примеры таких заданий:

- изобрести свои буквы, цифры, животных, географический материк, государство, планету; придумать символ или знак для обозначения дня недели, месяца, года, мира;

- сочинить сказку, задачу, поговорку, пословицу, загадку, зазывалку, считалку, небылицу, рифму, стихотворение, песню, очерк, трактат, современные виды текста (интервью, реклама, деловые диалоги);

- составить словарь, прописи, кроссворд, игру, викторину, родословную, примету, сценарий спектакля, программу концерта, свое задание;

- придумать образ – рисуночный, двигательный, музыкальный, словесный; «оживить» буквы, слова, числа, фигуры, ноты; нарисовать музыку, определить цвета дней недели, нарисовать картину природы;

- изготовить поделку, модель, макет, газету, журнал, маску, математическую фигуру, геометрический сад, вышивку, фотографию, видеофильм, берестяную грамоту [6].

- Эвристические формы включают в себя следующие методы:

- метод эвристического диалога (эвристические уроки: «Зачем нам конвенция о правах человека», «Это трудное слово “толерантность”»);

- метод придумывания (библиотечный проекты: «Каким был Пушкин на самом деле?»);

- метод «Если бы...» (библиотечная фантазия «Я предложил бы им прочесть»);

- метод исследования (творческая защита: «АИК и книги»);

- метод гипотез (путешествие в прошлое: «Мир стоит на легендах», виртуальная прогулка: «По дороге в Изумрудный город»).

Метод эвристического диалога, с одной стороны, представляет собой систему целенаправленных действий, организующих познавательную деятельность, обеспечивающую усвоение содержания. С другой стороны, метод эвристического диалога – это метод развития умений самостоятельно добывать знания. С его помощью организуется познавательная деятельность по самостоятельному приобретению знаний, происходит стимулирование этой деятельности [7].

Технологичность метода эвристического диалога – это степень его соответствия тем критериям, которые определяют и гарантируют достаточно высокий уровень эффективности его применения даже при среднем уровне компетентности и мастерства библиотекаря [7].

Метод придумывания – это способ создания неизвестного ранее продукта в результате определенных умственных действий. Метод реализуется при помощи следующих приемов: а) замещение качеств одного объекта качествами другого с целью создания нового объекта; б) отыскание свойств объекта в иной среде; в) изменение элемента изучаемого объекта и описание свойств нового, измененного объекта.

Метод «Если бы...». Участникам коммуникативной деятельности предлагается составить описание или нарисовать картину о том, что произойдет, если в мире что-либо изменится, например: исчезнут окончания в словах или сами слова; все люди переселятся на Луну и т. д. Выполне-

ние подобных заданий не только развивает их способность воображения, но и позволяет лучше понять устройство реального мира, взаимосвязь всего со всем в нем, фундаментальные основы различных наук

Метод сравнения применяется для сравнения разных версий участников с культурно-историческими аналогами, которые формулировали великие ученые при сравнении различных аналогов между собой.

Метод исследования. Выбирается объект исследования – природный, культурный, научный, словесный, знаковый или иной: лист дерева, камень, падение капли воды, элемент одежды, стихотворение, поговорка, приметы, буква, цифра, звук и предлагается самостоятельно исследовать заданный объект по определенному плану.

Метод гипотез. Предлагается задание – сконструировать версии ответов на поставленный вопрос или проблему. Первоначальной задачей является выбор оснований для конструирования версий, предлагаются исходные позиции или точки зрения на проблему. Затем формулируют варианты своих ответов на вопрос, опираясь на логику и интуицию. Метод гипотез развивается при решении прогностических задач типа «что будет, если...». Метод путешествия в будущее эффективен в любой познавательной области как способ развития навыков предвидения, прогнозирования, гипотетичности.

Метод ошибок. Данный метод предполагает изменение устоявшегося негативного отношения к ошибкам, замену его на конструктивное использование ошибок (и псевдоошибок) для углубления познавательных, творческих процессов. Ошибка рассматривается как источник противоречий, феноменов, исключений из правил, новых знаний, которые рождаются на противопоставлении общепринятым. Внимание к ошибке может быть не только с целью ее исправления, но и для выяснения ее причин, способов ее получения. Отыскание взаимосвязей ошибки с «правильностью» стимулирует эвристическую деятельность, приводит их к пониманию относительности и вариативности любых знаний [7].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что эвристические мероприятия отличаются от традиционных тем, что включают в себя создание участниками собственных продуктов. Данный тип мероприятий позволяет по-настоящему вовлечь читателя в деятельность, что позволяет сделать процесс получения и усвоения информации более

эффективным, также он дает возможность проследить вовлечение участника в ход мероприятия.

Сложность внедрения эвристического мероприятия связана с его нестандартностью, многие библиотекари не могут отказаться от привычного, проверенного. Многим трудно измениться. Но чем больше библиотекарей познакомятся с эвристическими методами, тем более широкое распространение они получат, что позволит более качественно вырабатывать читательские потребности, мотивы, побуждения, установки, интересы, а также формировать коммуникативные навыки общения по поводу прочитанного и общность читательских интересов.

Литература

1. Радугин А. А., Радугин К. А. Социология: курс лекций. – М.: Центр, 1999. – 160 с.
2. Пилко И. С. Информационные и библиотечные технологии: учеб. пособие. – СПб.: Профессия, 2006. – 342 с.
3. Библиотечное дело: терминологический словарь. – М.: Рос. гос. б-ка, 1997. – 168 с.
4. Ловкова Т. Б. Библиотека как центр досуга: учеб.-метод. пособие. – М.: Либерия, 2009. – 104 с.
5. Хуторской Л. В. Деятельность как содержание образования // Народное образование. – 2003. – № 8. – С. 43–46.
6. Король А. Д. Метод эвристического диалога в технологии творческой самореализации учащихся Эйдос [Электронный ресурс] // Эйдос: интернет-журнал. – Режим доступа: www.eidos.ru (дата обращения: 15.09.2010).
7. Орлов В. А. Элементы педагогических технологий, направленных на развитие творческих способностей школьников // Эйдос: интернет-журнал [Электронный ресурс]. – www.eidos.ru (дата обращения: 15.09.2010).

Е. Н. Опекунова

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК НАУЧНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Изменения, произошедшие в системе высшего образования в последние десятилетия, существенно повлияли на деятельность библиотек. Им пришлось адаптироваться к новым организационно-экономическим

условиям, модернизировать методы работы, осваивать новые технологии. Вузовские библиотеки активно включились в процесс реформирования профессионального образования, предусмотренный Болонской декларацией (1999).

Болонский процесс направлен на повышение международного престижа и конкурентоспособности европейской системы высшего образования на основе создания единого образовательного пространства. В нем предусматривается многообразие и гибкость образовательных программ, открытость и доступность образования, обеспечивается мобильность обучающихся, преподавателей и исследователей, гарантируется качество высшего образования на соответствующем уровне профессиональной подготовки выпускников. Основные положения проводимой в России реформы образования определены в федеральных законах РФ «Об образовании» (1992) и «О высшем и послевузовском образовании» (1996), а также в положениях «О государственной аккредитации высшего учебного заведения» (2008) и «О лицензировании образовательной деятельности» (2009).

К сожалению, происходящие в высшем образовании изменения не отразились на показателях оценки деятельности библиотек вуза при процедуре лицензирования и аккредитации. В отчетах вуза по основным показателям воспитательной, методической, научной работы не отражается деятельность вузовской библиотеки, хотя трудно представить воспитательную, учебно-методическую и научную деятельность вуза и повышение ее результативности без участия библиотеки.

В отчетах вузовских библиотек, как правило, представляются основные библиотечные относительные показатели: посещаемость, читаемость, книгообеспеченность и обращаемость фонда. Эти показатели активно критикуют, поскольку они не отражают специфики и задач библиотек вузов. В последнее время вузовские библиотеки в своих отчетах стали использовать дополнительные показатели – такие, как количество компьютеров, электронных баз данных и пр., однако и они не позволяют анализировать ситуацию и планировать перспективы дальнейшего развития библиотеки вуза.

Результаты оценки по традиционным статистическим параметрам свидетельствуют о тенденции к уменьшению количественных характеристик, хотя в последнее время библиотеки активно внедряют новые

формы и методы работы по удовлетворению потребностей пользователей. Например, библиотеками активно создаются полезные электронные информационные ресурсы, обеспечивается доступ к приобретенным электронным библиотекам через локальные сети, а также к личным компьютерам студентов и преподавателей. Все это свидетельствует о том, что, наряду с количественной, требуется также и качественная оценка деятельности библиотеки, которая должна быть направлена на установление качества конечного результата.

Кроме того, важна оценка экономической, технологической и социальной эффективности производства библиотечных продуктов и услуг. По нашему мнению, необходимо учитывать такие показатели, как повышение имиджевой оценки со стороны различных групп общественности вузовской библиотеки, ее доступность, комфортность обслуживания, а также снижение расходов и усиление конкурентоспособности библиотеки.

В условиях внедрения новых информационных технологий, требующего значительных экономических затрат на обучение персонала, техническое оснащение и др., – возникает необходимость в дополнительных показателях, которые смогут обосновать целесообразность вводимых инноваций, оценить их эффективность с учетом последующих затрат и для планирования дальнейшего развития библиотеки как структурного подразделения вуза.

Необходимость пересмотра показателей для оценки деятельности библиотеки вуза связана также с сокращением финансирования, ужесточением контроля за расходованием средств и другими экономическими процессами. Наряду с этим, происходит рост издержек вследствие внедрения дорогостоящих технологий, а также дублирования библиотечных процессов. В связи с активной деятельностью по автоматизации библиотечной технологии нереформированная структура вузовских библиотек разрасталась и дополнялась новыми отделами, в которых зачастую некоторые функции (обслуживание, хранение, комплектование) дублируются с традиционными подразделениями. Это, разумеется, противоречит идеям сокращения затрат.

Таким образом, требуются новые подходы к оцениванию деятельности вузовской библиотеки.

Вопросы измерения, оценки, управления деятельностью библиотеки нашли отражение в работах Н. С. Карташова, В. К. Ключева, Ю. П. Столярова, Н. С. Лисовской, П. Роуз, П. Брофи и др. В последние годы все чаще встречаются высказывания о необходимости оценивать деятельность библиотеки, применяя более широкий спектр методов и показателей измерения. Многие подходы были привнесены из смежных дисциплин: системы управления качеством, финансового менеджмента, управления персоналом и пр.

Сегодня международная практика предлагает достаточно широкий набор подходов, методик и показателей оценки деятельности библиотеки. Наиболее известными и распространенными являются три подхода: комплексный (системный), процессный и ситуационный.

Комплексный подход является самым продуктивным. В нем библиотека рассматривается как единый организм, все составные которого логично и тесно взаимосвязаны, взаимозависимы и ориентируются на конечный результат. Исходя из системных представлений о библиотеке, возможно выделить показатели, характеризующие каждую из ее подсистем, а также те, с помощью которых можно оценить синергетический эффект, т. е. дать общую комплексную оценку деятельности библиотеки в целом.

Системный подход дает возможность прогноза перспектив и потенциала библиотеки, поскольку рассматривает библиотеку как необходимый компонент вуза, выполняющий в его структуре самостоятельную функцию, но развивающийся в общем русле с высшим учебным заведением. В конечном счете, взаимодействуя с факультетами и кафедрами на принципах партнерства, библиотека как подсистема вуза реагирует на стратегически важные изменения, происходящие в нем, определяет направления и формы сотрудничества в условиях интеграции вузовских структур, с другими образовательными и научными учреждениями. Это позволяет создать определенный имидж вузовской библиотеки как социального института, призванного решать задачи по предоставлению необходимых информационных услуг.

Процессный подход заключается в выделении в библиотеке основных производственных процессов и в целенаправленном управлении этими процессами для достижения максимальной эффективности деятельности библиотеки. С точки зрения процессного подхода, все действия внутри библиотеки рассматриваются либо как процесс, либо как его

часть. Каждый процесс должен завершаться получением какого-то результата – продукта или услуги – с заранее заданными параметрами качества. Оценка эффективности процесса также предполагает измерение с помощью определенных показателей. Таким образом, формируется система показателей, характеризующая все процессы.

Процессный подход дает возможность контролировать ход мероприятий и оценивать их эффективность на любой стадии.

Ситуационный подход позволяет организовать и направлять процесс активного сбора, оценки и переработки имеющейся первичной информации и воспроизводства новой, вторичной информации как аналитического, так и прогнозного характера. Он рассматривает ситуационные особенности каждой отдельной вузовской библиотеки, позволяя адаптировать общую систему показателей к специфике вуза и условиям функционирования данной библиотеки.

Независимо от методологического подхода используются различные методы оценки. Б. П. Линч выделяет следующие основные оценочные методы, которые наиболее часто используются в библиотечной практике: программно-целевой, экспертный, управленческий и естественный (основанный на мнении пользователей) [2, с. 26].

В программно-целевом методе акцент делается на формулировании целей и задач, а также определении границ их применения. Для оценки собираются данные по реальным результатам, производится сравнение фактически достигнутого с поставленными ранее задачами. Работы по измерению эффективности деятельности библиотек нередко основываются именно на данном методе. При этом большинство зарубежных исследований по измерению эффективности базируется на разработке соответствующих оценок в рамках поставленных задач или сформулированной миссии библиотеки.

Управленческий метод обычно применяется при проведении оценок сторонними организациями. Он делает акцент на выявлении и удовлетворении информационных потребностей руководителей и вообще лиц, принимающих решения. Специалист, осуществляющий оценку, предоставляет собранную информацию и варианты действий руководителю.

Экспертный метод предполагает прямое использование профессиональных знаний и практического опыта специалистов-экспертов для

оценки качества работы. Суждения выносятся как на базе имеющихся критериев (стандартов), так и на основе принятой в профессиональном сообществе практики.

Метод, основанный на мнении пользователей, основное внимание уделяет привлечению потребителей и учредителей к определению критериев, потребностей, интересов и целей. Он упоминается в работах по измерению эффективности деятельности библиотек, что свидетельствует о стремлении рассматривать эффективность с точки зрения потребителя в частности, и общества в целом [3, с. 12–13].

Важной проблемой комплексной оценки является выбор объектов оценивания. В литературе выделяют в качестве определяющих объектов оценки:

- библиотечные услуги – их доступность, удовлетворенность пользователей и др.;
- персонал – оценка результатов деятельности руководителей и исполнителей, их компетентность, личностные качества;
- технологические процессы и их организация;
- материально-техническая база – использование имеющихся в распоряжении зданий и сооружений, оборудования, технических средств;
- внешние взаимодействия – контакты библиотеки с другими субъектами деловой среды, свидетельствующие об ее активности в профессиональном сообществе, готовности к кооперации по тем или иным направлениям сотрудничества [1, с. 76].

Каждый объект, в свою очередь, может быть рассмотрен как самостоятельная система для анализа со своими количественными и качественными показателями оценки.

Перечисленные объекты могут обозначить основные направления для разработки показателей деятельности библиотек вузов, не исключая и традиционную статистику. В этой связи разработка показателей деятельности вузовской библиотеки, по мнению Н. Жадько и М. Чуркиной, должна учесть следующие аспекты:

- определение показателей эффективности работы библиотеки как структурного подразделения вуза, исключение дублирования в деятельности библиотеки и других подразделений, разведение потоков в информационном обеспечении пользователей;

- определение критериев эффективности работы библиотеки при условии организации системы открытого (самообслуживание) и удаленного доступа;
- определение показателей эффективности автоматизации библиотечных процессов в качестве средств сокращения расходов на содержание библиотеки;
- определение показателей качества основных и дополнительных услуг библиотеки;
- определение показателей эффективности создания и критерии качеств собственных информационных продуктов;
- определение правил, условий и критериев эффективности участия вузовских библиотек в корпоративных проектах;
- определение потенциала развития библиотеки [4].

Итак, для того, чтобы показатели эффективности стали инструментом управления, требуется исходить из системных представлений о вузовской библиотеке, об их целях, задачах, условиях функционирования, а не дополнять, существующие статистические данные.

Для осуществления качественной оценки необходимо определить методы, соответствующие критерии, построить систему измерения. На наш взгляд, не следует ограничиваться лишь одним методом исследования. Необходимо включить и оценку всех библиотечных процессов, и оценку библиотечных продуктов и услуг со стороны пользователей, а также оценку управленческих решений. Важно охватить все составляющие деятельности библиотеки, вводить поправочные коэффициенты, проводить сравнительный анализ в рамках одного типа библиотек – например, библиотек университетов и академий, технических или гуманитарных вузов и т. д.

На практике библиотеки нередко используют один метод со своим набором оценочных показателей. Примером могут служить наиболее распространенные методики SERVQUAL, LibQUAL. Данные методики предполагают контроль за качеством обслуживания, основанный на определении «разрыва» между полученным результатом и ожиданиями. Чем большим окажется разрыв, тем больше внимания требует этот конкретный вид деятельности. Преимуществом данных методик является то, что они позволяют вузовским библиотекам измерять уровень удовлетво-

ренности пользователя и не втягиваться в изучение проблемы обслуживания в целом, дают возможность фокусироваться на тех областях, которые более других нуждаются в усовершенствовании. Однако в них есть и существенные минусы. Методики полностью полагаются на ощущения пользователей, не оставляя места для профессиональных оценок. Основное внимание концентрируется на библиотеке как на месте для работы и обучения и не учитываются услуги, предоставляемые вне стен библиотеки [5, с. 86–99]. Кроме того, данные методики не используют оценку на основе динамики показателей.

Таким образом, несмотря на наличие различных методик и большого интереса к данному вопросу, в библиотековедении пока не выработано унифицированной системы практической оценки деятельности библиотеки и подразделений, но предлагаются различные методологические и практические подходы. Выработка совокупности показателей и их критериев, позволяющих качественно измерить результативность работы библиотеки, является сложной проблемой. Специалисты приходят к выводу о необходимости всестороннего анализа, который можно провести только на основе широкой системы индикаторов с учетом специфики работы и задач измерения [6, с. 66]. Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) предоставила как ориентир Международное руководство по измерению эффективности работы университетских и других научных библиотек. Приведенный в нем перечень основных индикаторов может стать важным подспорьем в работе по отбору показателей оценки [7].

Так, ИФЛА рекомендует следующие качественные индикаторы эффективности библиотеки:

- удовлетворение запросов пользователей;
- оперативность выполнения запросов;
- оперативность поступления новой информации к потребителю;
- качество персонала;
- качество информационной подготовки студентов (освоение информационной среды библиотеки);
- качество инфраструктуры библиотеки.

На самом деле таких индикаторов существует бесконечное множество. Оценка показателей эффективности работы – не более чем инстру-

мент. Соответствующие методики призваны помочь руководителям разобраться, насколько разумно организована деятельность библиотеки, что нужно сделать, чтобы добиться качественного результата, и каким образом затем его проконтролировать.

Не следует рассматривать показатели работы библиотеки отдельно от постановки стратегических целей. Ведущие библиотековеды признают, что не думая об интересах и запросах пользователей, очень легко упустить из виду те цели, ради достижения которых библиотека существует и получает финансовую поддержку [7].

Итак, в настоящее время исследователю, изучающему проблемы оценки деятельности вузовских библиотек, предстоит решить следующие ключевые задачи:

- анализ существующих методов;
- определение показателей (индикаторов);
- разработка моделей измерения эффективности;
- создание информационного ресурса для отражения показателей в развитии.

От решения этих задач зависит, каким станет следующий виток развития вузовских библиотек.

Литература

1. Коряковская Н. А. Библиотеки вуза: корпоративный аспект: науч.-метод. пособие. – М.: Либерей-Бибиформ, 2010. – 192 с.
2. Линч Б. П. Оценка работы публичных библиотек // НТБ. – № 10. – С. 26–33.
3. Меньщикова С. П. Современные критерии и показатели оценки качества библиотечной деятельности: практ. пособие. – М.: Литера, 2009. – 112 с.
4. Жадько Н., Чуркина М. Эта новая старая сказка: о критериях эффективности вузовских библиотек // Библиотечное дело. – 2003. – № 10. – С. 3–7.
5. Брофи П. Оценка деятельности библиотек: принципы и методы: пер. с англ. / науч. ред. пер. Я. Л. Шрайберг. – 2-е изд., стер. – М.: Омега-Л, 2010. – 358 с.
6. Редькина Н. С. Измерение эффективности работы библиотек // Библиосфера. – 2009. – № 1. – С. 63–72.
7. Полл Р., Бокхорст П. Измерение качества работы. Международное руководство по измерению эффективности работы университетских и других научных библиотек / пер. с англ. Н. В. Соколовой; под ред. О. Ю. Устинова. – М.: Логос, 2002. – 152 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенов П. В., аспирант по специальности 24.00.01 «Теория и история культуры» КемГУКИ, торговый представитель ООО «Авенир», г. Кемерово.

Алексеев М. А., аспирантка по специальности 24.00.01, преподаватель кафедры иностранных языков КемГУКИ.

Беляева О. А., аспирантка по специальности 24.00.01, преподаватель кафедры теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

Бибикова Н. Д., аспирантка по специальности 07.00.10 «История науки и техники», документовед учебного отдела КемГУКИ.

Боголепова Л. З., соискатель по специальности 24.00.03 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов» КемГУКИ, руководитель отдела истории вуза музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КемГУ).

Василенко А. В., аспирант по специальности 13.00.05 «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности», концертмейстер кафедры народного хорового пения КемГУКИ.

Васькина Е. Ю., соискатель по специальности 05.25.03 «Библиотечное дело, библиографоведение и книговедение» КемГУКИ, заместитель директора по библиотечным технологиям государственного учреждения культуры «Кемеровская областная библиотека для детей и юношества».

Варова Т. И., аспирантка по специальности 13.00.05, преподаватель кафедры экономики социальной сферы КемГУКИ.

Голещихина Т. Л., соискатель по специальности 24.00.01 КемГУКИ, заведующая музыкальным отделением ОГОАУ СПО «Томский областной колледж культуры и искусств им. В. Я. Шишкова», г. Томск.

Гладковская И. А., аспирантка по специальности 13.00.05 КемГУКИ.

Григорьянц Н. В., аспирантка по специальности 24.00.01 КемГУКИ, преподаватель Кемеровского областного колледжа культуры и искусств.

Демина М. Н., соискатель по специальности 05.25.03, заведующая отделом обслуживания Научной библиотеки КемГУКИ.

Егоров А. Е., аспирант по специальности 24.00.03 КемГУКИ.

Елин С. П., аспирант по специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания» КемГУКИ, менеджер ООО «Элигомед и К», г. Кемерово.

Кизицкая Е. О., соискатель по специальности 24.00.01 КемГУКИ, ведущая информационных программ государственной телерадиокомпании «КУЗБАСС», г. Кемерово.

Косолапова Е. В., аспирантка по специальности 05.25.03, научный сотрудник НИИ информационных технологий социальной сферы КемГУКИ.

Котляров М. Г., соискатель по специальности 13.00.05, концертмейстер кафедры народного хорового пения КемГУКИ.

Красильникова О. С., преподаватель кафедры философии и политологии Кемеровского технологического института пищевой промышленности (КемТИПП).

Лисовенко Н. В., соискатель по специальности 05.25.03, лаборант кафедры социальной педагогики КемГУКИ.

Лякин В. Е., соискатель по специальности 09.00.01 КемГУКИ, адвокат адвокатского кабинета № 42/196, г. Кемерово.

Лопатина Е. И., аспирантка по специальности 24.00.01 КемГУКИ.

Мальцева А. К., аспирантка по специальности 13.00.05, лаборант кафедры физвоспитания КемГУКИ.

Медведева Н. В., аспирантка по специальности 24.00.01, преподаватель кафедры теории и истории искусств КемГУКИ.

Миненко А. Г., аспирант по специальности 07.00.10, лаборант Центра исследований духовной антропологии КемГУКИ.

Никитина И. В., аспирантка по специальности 24.00.01, преподаватель кафедры дизайна КемГУКИ.

Овчинникова А. В., аспирантка по специальности 24.00.01 КемГУКИ, руководитель программ Кемеровской региональной общественной организации «Союз Молодежи Кузбасса» и общероссийской общественной организации «Российский Союз Молодежи», г. Кемерово.

Опекунова Е. Н., аспирантка по специальности 05.25.03 КемГУ-КИ, заведующая библиотекой Сибирского филиала Международного института экономики и права, г. Новокузнецк.

Плотникова Н. С., соискатель по специальности 24.00.01 КемГУ-КИ, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин МОУ ДОД «Детская музыкальная школа № 11», г. Прокопьевск.

Примеров Н. А., соискатель по специальности 24.00.01 КемГУКИ, преподаватель по классу баяна, гармонии и ансамбля муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования детей «Детская музыкальная школа № 2», г. Новосибирск.

Роот Е. В., соискатель по специальности 05.25.03 КемГУКИ, заведующая библиотекой «Калейдоскоп» Муниципального автономного учреждения культуры «Муниципальная информационно-библиотечная система», г. Кемерово.

Самаковская О. В., аспирантка по специальности 24.00.03, инженер по качеству отдела менеджмента качества КемГУКИ.

Самофеева Т. Н., соискатель по специальности 24.00.01 КемГУКИ, преподаватель ГОУ СПО «Прокопьевский колледж искусств», г. Прокопьевск.

Сафонов Е. Н., соискатель по специальности 09.00.01 КемГУКИ.

Смирнова И. А., соискатель по специальности 24.00.01 КемГУКИ, преподаватель по игре на фортепиано МОУ ДОД «Детская музыкальная школа № 40», г. Новокузнецк.

Стенюшкина Т. С., аспирантка по специальности 24.00.01, доцент кафедры народного хорового пения КемГУКИ.

Тарасова А. Н., руководитель музея городского центра физкультуры и спорта «Виктория», г. Новосибирск.

Тюлюнева А. И., соискатель по специальности 24.00.01 КемГУКИ, преподаватель ГОУ СПО «Прокопьевский электромашиностроительный техникум», г. Прокопьевск.

Филиппова О. А., старший преподаватель Сибирского филиала Московского института экономики и права, г. Новокузнецк.

Шимчук Т. А., соискатель по специальности 24.00.01 КемГУКИ, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (КемГСХИ).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Раздел 1. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ВОСХОЖДЕНИЕ К КОНКРЕТНОМУ	
<i>Сафонов Е. Н.</i> Эпистемологические основания и функции идеологии.....	8
<i>Лякин В. Е.</i> Обусловленность правды: стихийность или выбор?.....	14
<i>Елин С. П.</i> Первое упоминание Инь-Ян в Древнем Китае.....	20
<i>Миненко А. Г.</i> Проблема детерминации национального характера в философии Нового времени.....	26
<i>Шимчук Т. А.</i> Церковь и культура: проект христианской культуры в трудах русских религиозных мыслителей.....	37
<i>Аксенов П. В.</i> Статистические данные как эмпирический базис исследования элит.....	44
<i>Никитина И. В.</i> Национальные и интернациональные компоненты знаковой системы графического дизайна.....	50
<i>Бибикова Н. Д.</i> Ученые-гуманитарии Кузбасса об актуальных проблемах формирования экологического мировоззрения.....	57
<i>Овчинникова А. В.</i> Проблемы студенческого самоуправления: культурологиче- ские аспекты.....	64
Раздел 2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ В ИССЛЕДОВА- НИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	
<i>Кизицкая Е. О.</i> Особенности функционирования СМИ в настоящее время: дея- тельностьный аспект.....	71
<i>Алексеенко М. А.</i> Смысл и понимание художественного текста с точки зрения герменевтических учений.....	80
<i>Тюлюнева А. И.</i> Концептуализм в культуре Средневековья и Постмодерна.....	85
<i>Григорьянц Н. В.</i> Ценности речевой культуры в ситуации Интерактива.....	92
<i>Лопатина Е. И.</i> К проблеме взаимодействия массовой культуры и академиче- ской музыки.....	98

<i>Самофеева Т. Н.</i> Проблема определения понятия «канон» в различных областях художественной культуры.....	105
<i>Плотникова Н. С.</i> Теория интертекстуальности и ее преломление в музыкальной культуре Постмодерна.....	113
<i>Смирнова И. А.</i> Композиционные и семантические модели открытой формы в современной музыке.....	119
<i>Красильникова О. С.</i> К вопросу о изучении национального характера.....	124
<i>Стенюшкина Т. С.</i> Пространство как средство художественной выразительности в хоровом исполнительстве.....	129
<i>Примеров Н. А.</i> Исполнительство на народных инструментах как фактор сохранения традиционной культуры России.....	135
<i>Беляева О. А.</i> Особенности орнаментального декорирования на предметах материальной культуры народов Кузбасса.....	144
<i>Медведева Н. В.</i> Влияние деятельности хоровых коллективов на развитие культурных традиций Кемеровского региона.....	150

Раздел 3. МУЗЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Самаковская О. В.</i> Развитие этнографических музеев в контексте проблем информационного общества (опыт регионального исследования).....	159
<i>Боголепова Л. З.</i> Из опыта работы электронного учета документов и письменных источников музея Кемеровского государственного университета (КемГУ).....	165
<i>Егоров А. Е.</i> Роль дизайна в музейно-педагогическом пространстве на практике колледжа и школы.....	172
<i>Тарасова А. Н.</i> Критерии эффективности воспитательной работы музея образовательного учреждения.....	181

Раздел 4. ПЕДАГОГИКА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ, СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Котляров М. Г.</i> Музыкально-постановочная культура специалистов культурно-досуговой сферы: профессиональный образ и профессиональная компетентность.....	188
---	-----

<i>Голецкихина Т. Л.</i> Этнопедагогика праздника в сфере дополнительного образования.....	195
<i>Василенко А. В.</i> Педагогика развития музыкальных способностей личности в сфере досуга.....	202
<i>Филиппова О. А.</i> Культурно-педагогические аспекты становления толерантного сознания студентов вуза.....	208
<i>Гладковская И. А.</i> Адаптация студенческой семьи в культурно-досуговой деятельности вуза.....	220
<i>Мальцева А. К.</i> Активизирующие методы профориентационной работы в учреждениях дополнительного образования.....	226
<i>Варова Т. И.</i> Социальная адаптация подростков в условиях экспериментальной деятельности учреждения дополнительного образования детей.....	233
Раздел 5. БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	
<i>Васькина Е. Ю.</i> Направления трансформаций деятельности библиотек для детей и юношества.....	240
<i>Демина М. Н.</i> К вопросу о терминологическом анализе понятия «Электронные информационные ресурсы».....	246
<i>Косолапова Е. В.</i> Понятийно-терминологический аппарат в сфере медиа подготовки граждан к жизни в информационном обществе в зеркале документального потока.....	255
<i>Лисовенко Н. В.</i> Исследование влияния информационной культуры личности на ценностные ориентации студентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств.....	263
<i>Роот Е. В.</i> Эвристические методы в практике библиотечного обслуживания детей и подростков.....	270
<i>Опекунова Е. Н.</i> Оценка деятельности вузовской библиотеки как научная и практическая проблема.....	277
<i>Сведения об авторах</i>	286

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Межрегиональный сборник научных статей

Выпуск 7

Редактор *М. В. Чупина*
Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Подписано к печати 27.09.2011. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 14,7. Усл. печ. л. 16,7.
Тираж 500 экз. Заказ № 318

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru